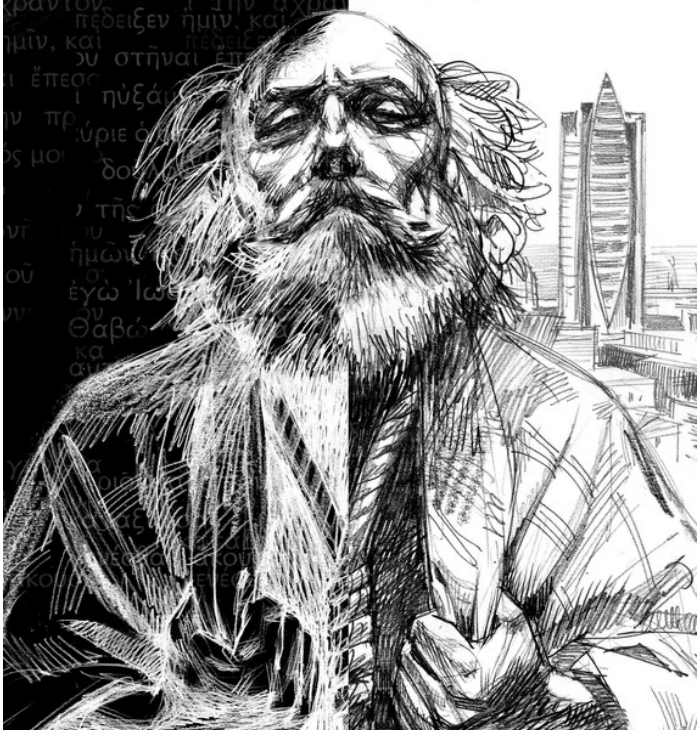
ЯН ВАЛЕТОВ

ПРОКЛЯТЫЙ

книга третья

СЕРДЦЕ ПРОКЛЯТОГО



Ян Валетов
Сердце Проклятого
Серия «Проклятый», книга 3

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3744865

Аннотация

«Самолет появился над дорогой внезапно.

Он летел как-то странно, как не должны летать самолеты, описывая широкую дугу на высоте не более двадцати метров, левым крылом вперед. И сам самолет был непривычного вида, пустынного раскраса, но похожий силуэтом не на стремительный истребитель, а на раскормленного горбатого москита, который облетает спящего туриста, выбирая место для продолжения банкета.

Многотонная туша двигалась неторопливо, наплевав на аэродинамический коэффициент, подъемную силу и закон тяготения – такой гигант не мог держаться в воздухе на малых высотах и при сверхмалых скоростях, а все-таки держался! Но неторопливость полета была кажущейся, и пикап и его преследователи ехали по дороге со скоростью около ста километров в час, самолет двигался параллельно им, словно разглядывая происходящее внизу…»

Содержание

Книга первая 4
Глава 1 8
Глава 2 14
Глава 3 29
Глава 4 36
Глава 5 50
Глава 6 72
Глава 7 87
Глава 8 108
Глава 9 127
Глава 10 146
Глава 11 165
Глава 12 189
Конец ознакомительного фрагмента. 193

Ян Валетов
Сердце Проклятого

Иешуа отвечал: «Ты станешь тринадцатым, и будешь проклят другими поколениями – и придешь править ими».

«Но ты превзойдешь их всех. Ибо в жертву принесешь человека, в которого я облачен. Уже поднят твой рог, распалился твой гнев, зажглась твоя звезда, и сердце твое. Вот, тебе сказано всё. Посмотри вверх, и увидишь облако, и свет в нем, и звезды вокруг него. Путеводная звезда и есть твоя звезда».

Они подошли к Иегуде и сказали ему: «Что ты здесь делаешь? Ты ученик Иешуа». Иегуда отвечал им, как они желали. И он принял деньги и предал его им.

Евангелие от Иегуды.

Книга первая

Израиль. Шоссе 90

Наши дни

Самолет появился над дорогой внезапно.

Он летел как-то странно, как не должны летать самолеты, описывая широкую дугу на высоте не более двадцати метров, левым крылом вперед. И сам самолет был непривычно-

го вида, пустынного раскраса, но похожий силуэтом не на стремительный истребитель, а на раскормленного горбатого москита, который облетает спящего туриста, выбирая место для продолжения банкета.

Многотонная туша двигалась неторопливо, наплевав на аэродинамический коэффициент, подъемную силу и закон тяготения – такой гигант не мог держаться в воздухе на малых высотах и при сверхмалых скоростях, а все-таки держался! Но неторопливость полета была кажущейся, и пикап и его преследователи ехали по дороге со скоростью около ста километров в час, самолет двигался параллельно им, словно разглядывая происходящее внизу.

Из кабины на погоню смотрел Адам.

Лицо его закрывал гермошлем с зеркальным забралом, в котором отражалось заходящее солнце. Показания основных приборов проецировались на внутреннюю сторону забрала и на остекление кабины F-35i. Сидя на месте пилота Герц не был ограничен в обзоре, он видел картину так, будто бы не пристегнулся к креслу, а парил над пустыней в свободном полете. Установленные на фюзеляже камеры транслировали ему панорамную картинку, перемещая сектор обзора согласно указанию датчиков, фиксирующих поворот головы летчика.

Огромный пропеллер, встроенный в корпус сразу за фонарем кабины, создавал поток воздуха, на который опирался истребитель. Поворотные сопла, отвечающие за создание

боковой тяги, двигались плавно, и самолет скользил по сложной траектории, как моторная яхта по заливу – стремительно и гладко.

Указательный палец правой руки адъютанта лежал на гашетке четырехствольной пушки «GAU», но Герц не стрелял, оценивая ситуацию. Применение авиационного орудия превращало тренировочный полет в боевой вылет с огневым контактом. После такого уже никто ни в какие сказки не поверит. Пока он еще мог не стрелять.

Адам подал рукоять вперед, одновременно отрабатывая маневр педалями. Повинуясь команде пилота, «Молния» накренилась влево и пошла вниз, выравнивая скорость так, чтобы зависнуть над беглецами и преследователями.

* * *

Глядя на парящий над шоссе истребитель, Вальтер заулыбался. Он даже издал звуки, отдаленно напоминающий смех, правда, неприятный, скрипящий, но все-таки смех. Потом он обернулся, усевшись на переднем сидении джипа вполоборота, и с прищуром уставился на Мориса. Прищур должен был означать задор, но у француза сразу же возникло ощущение, что легат в него целится. Чувство было очень сильным и достоверным, весь организм предупреждал о близкой опасности, а Морис привык организму верить.

– Значит, никто ни во что не вмешивается? – спросил

Вальтер, не скрывая злорадства. – Никто и ни во что, Морис? Такими были договоренности с твоими еврейскими друзьями? А эта птичка мне просто чудится?

Француз молчал.

– Ну, что ж… – протянул Шульце удовлетворенно. – Насладимся спектаклем. Только прости меня, дружище, смотреть мы будем с галерки.

Глава 1

Израиль. Шоссе 90
Наши дни

– Это что еще за херь? – Кларенс, наверное, протер бы глаза, но в силиконовой маске, плотно прилипшей к лицу, сделать это было затруднительно.

Самолет, только что летевший боком параллельно с дорогой, легко сманеврировал и пошел поперек, разворачиваясь к минивэну кормой.

– Что он делает?

Канадец не просто был зол – он был в горячке начавшегося боя. Только что шальная пуля, выпущенная кем-то из беглецов, едва не попала ему в голову и зацепила одного из бойцов, правда, легко, но сам факт… Эти овцы, которых он должен отвести на заклание, смеют брыкаться! И еще… В машине есть гранатомет, и если сраная птичка не уберется прочь сию минуту, мы проверим, какая у него броня!

– И, вообще, откуда он взялся!?

Беата повернулась к шефу и покачала головой. Он не мог видеть выражение ее лица, но знал, что женщина тоже в недоумении.

* * *

– Это Адам! – выкрикнул профессор радостно. – Адам! Я знал, что Гиора что-то придумает! Это его адъютант!

Они все проводили взглядом F-35i, совершающий странный маневр. Встречная машина, шарахнувшись, едва не улетела с дороги и пошла по обочине юзом – водитель тормозил в пол. Идущий навстречу тягач с цистерной загудел, как отплывающий лайнер, и тоже ударил по тормозам – истребитель прошел над ним на высоте трех метров, словно так и надо было.

– Что он делает? – спросила Арин, не выпуская из рук автомат. – Он что, с ума сошел?

Словно услышав ее слова, пилот «Молнии» действительно сошел с ума: огромная машина развернулась к ним кормой (стал виден выхлоп, бьющийся в сопле) и начала проваливаться вниз, садясь на плохо выкрашенный капот «Такомы».

– О, черт! – заорал дядя Рувим совершенно диким, хриплым голосом. – Маааааааать твою!

Многотонный истребитель падал на них, кокетливо поводя хвостом из стороны в сторону. Профессор Кац захлебнулся матом, но руль из рук не выпустил. Многострадальная «Такома» проскочила под брюхом F-35i и…

* * *

Адам дождался момента, когда синяя перекособоченная машинка нырнет к нему под фюзеляж, и резко добавил тяги. Самолет чуть задрал нос, рванулся вверх и вперед, а струя отработанных газов температурой в тысячу с небольшим градусов хлестнула по дороге, словно раскаленный бич. Турбореактивный двигатель «Пратт энд Уитни» на форсаже имеет тягу более 18 тонн – сил…

* * *

В первый момент Кларенс подумал, что другой микроавтобус врезался в стену. Листком бумаги закружился сорванный капот, вывернутое крыло заскребло по покрытию, машина привстала на передних колесах, задирая зад. Лобовое стекло влетело вовнутрь, боковые же, наоборот, вылетели наружу шрапнелью. Вместе со стеклами из минивэна выпорхнул стрелок – это был венгр по кличке Банни, снайпер, один из ветеранов легиона Кларенса. Его выдуло из дверей, словно пушинку, он взлетел над дорогой и долго-долго не падал – казалось, что его несет ветром. Канадец так и не увидел момент падения тела на асфальт – это случилось далеко позади.

Несмотря на удар, микроавтобус продолжал катиться вперед, может быть, и по инерции, но не похоже было, что двигатель заглох: из выхлопной системы валил плотный серый дым. Кларенс не видел, что случилось с водителем – за рулем второго вэна сидел Брайан, но упавшую лицом на торпеду Кармен он прекрасно разглядел через пустые оконные проемы.

Он все еще не понимал, что произошло.

Основной удар реактивной струи пришелся по второй машине, но и их микроавтобус тоже швырнуло так, что Беата едва удержалась на дороге, а Юрис, в тот момент обстреливавший пикап беглецов, влетел в салон вверх ногами, выронив оружие наружу.

Самолет превратился в точку, рванул в зенит, описывая мертвую петлю, и Кларенс понял, что спустя пару секунд дюралевая туша, рухнув с небес, снова зависнет перед ними, чтобы ударить раскаленным реактивным выхлопом.

– Mother-fuckers! Кто-нибудь! – взревел канадец, поворачиваясь. – Найдите сзади РПГ!

Когда он снова посмотрел на дорогу, пикапа впереди уже не было. Визжали покрышки – Беата вправляла минивэн в девяностоградусный поворот.

– Они ушли влево! – крикнула она и предплечьем сбросила с лица маску, мешавшую обзору. – Там дорога! Дорога!

Заскрежетали по горячим дискам тормозные колодки, пронзительно, по-поросячьи, завизжала резина. Беата вогна-

ла микроавтобус в поворот на самом пределе возможностей подвески, едва не сорвав покрышки с дисков. Зад «Джи-Эма» описал широкую дугу, Беата бешено закрутила рулем, выходя из заноса. В салоне загрохотало: кто-то рухнул между сидениями, зазвякал металл, что-то разлетелось звонко, со стеклянными брызгами.

На краю зрения, слева, мелькнуло синее.

Кларенс выругался и принялся искать под ногами упавший пистолет.

Второй микроавтобус сворачивал вслед за ними – Брайан таки остался цел, и это было хорошо.

Мимо юзом пронесло старенький «Фиат», спешивший к морю по встречке: минивэн ввинтился в промежуток между ним и грузовым «Рено», не обращая внимания на опасность столкновения. «Рено» метнулся влево и исчез из поля зрения. «Джи-Эм» вылетел на дорогу, уходившую на запад – узкую, явно второстепенную или объездную. «Тойота» была в ста метрах от них, но с неба, покачивая кургузыми крыльями, неторопливо, словно медведь по лестнице, спускался истребитель, и воздух дрожал и плыл волнами под его бронированным брюхом.

– РПГ! – заорал Кларенс, не спуская глаз с нового врага. Крик его сорвался на ненормальный хриплый визг. Канадцу давно не было так страшно – он не мог отвести взгляда от пушечных стволов, торчащих из подвесного контейнера. Это были не стволы – жерла – направленные прямо ему в лоб.

В жизни Кларенсу довелось увидеть, что творит авиационная пушка с легкобронированной техникой. На минивэнах же брони не было. А его личный бронежилет – это даже не смешно! Канадец был все равно что голый – первая же очередь разнесет и его, и машину на части.

– Hollyshit! – проскрипел Кларенс, с трудом ворочая сухим шершавым языком, который, казалось, заполнил весь рот и мешал дышать. – Где этот ёб…й РПГ?!

Глава 2

Рим

Весна 37 года н. э.

Тому, кто не жил в Александрии, Рим мог показаться красивым городом. Раскинувшийся на семи холмах, рассеченный лентой Тибра и добросовестно сшитый широкими стежками мостов, он был велик, могуч и настолько прекрасен в своем надменном уродстве, что у Иегуды на миг перехватило дыхание.

О, да…

Это был действительно Вечный город! Тысячи и тысячи каменных зданий, способных простоять многие годы, до скончания времен, то теснились вдоль улиц, то вдруг разбегались, открывая для глаза и дыхания свободное пространство. Город нависал над путником, давил его беспощадно своей громадиной, а потом оставлял в недоумении посреди площади перед вознесшимся к небесам храмом.

Римские дворцы, огромные цирки, виллы, утопающие в зелени, дома, вырастающие из зловонных куч мусора, потрясающие красотой и размерами колоннады – всего было так много, так чересчур… Рим кичился своим богатством, своей силой, своей красотой и поглядывал на весь остальной мир свысока! Такое высокомерие, такое небрежение к чужой зависти может себе позволить только столица громадной им-

перии, плавящей в своем тигле сотни народов и знающей, что впереди у неё вечность.

Иегуда видел немало городов и некоторые из них были по-настоящему велики. Даже в его родной Александрии жило больше миллиона человек. Ершалаим, конечно, мог собрать на праздники почти полмиллиона приезжих, но ни с Римом, ни с Александрией Египетской сравнения не выдерживал.

Как опытный путешественник, Иегуда был готов увидеть мощь Империи, ее главный город. Вернее, думал, что готов. На самом деле, Рим потряс его, буквально раздавил своей мощью, шумом, огромными толпами, снующими туда-сюда, величием Форума и стоколонным портиком Помпея, в котором некогда Брут зарезал своего приемного отца – Цезаря. Город заставил Иегуду невольно сжаться, стать меньше ростом и почувствовать себя провинциалом, деревенщиной, впервые попавшим в столицу.

На улицах Рима в любое время года и в любые часы можно было встретить множество зевак с разинутыми от восхищения ртами, крутивших головами во все стороны – местные жители посматривали на них с нескрываемым превосходством. Так что еще один путник в запыленной одежде и с обтрепанной дорожной сумкой через плечо особого интереса ни у кого не вызывал. И Иегуда спокойно проследовал мимо стражи, караулившей Аппиеву дорогу, а потом и мимо конного отряда, встретившегося ему после поворота на дорогу Ардейскую.

Ему дважды пришлось спрашивать, правильно ли он идет, но зато похожий на подкову Ардейский тракт вывел его прямиком на Авентинский холм. Проскользнув через ворота в Серпиевой стене, он наконец-то зашагал по грязным и узким улочкам Авентина. Путь длиной в сорок семь дней закончился. Теперь Иегуда был близок к цели путешествия, но… оставалось много всяческих «но».

Авентинский холм много лет был прибежищем плебса, солдат и небогатых торговцев, а также преступников и пройдох всех мастей и национальностей. Количество притонов и лупанариев, рассыпанных по его склонам, не поддавалось подсчету, как и количество питейных заведений, таверн и ночлежек. Весь город приходил сюда повеселиться и пощекотать себе нервы, сословные границы отступали перед желанием получить удовольствие, и в одном кабаке за соседними столами вполне могли пьянствовать матерые преступники и высокородные патриции. Иногда, особенно после недельного загула, одних от других было не отличить.

Тут полагалось не зевать – срезать кошелек с пояса могли за миг – и внимательно поглядывать под ноги, чтобы не испачкать обувь. Чего-чего, а нечистот здесь хватало и в прямом и в переносном смысле. На Авентине жили очень разные люди – хорошие и плохие, бедные и не очень. Жили и богатые, в основном те, кто, разбогатев, не хотел покидать привычную обстановку, да те, чье дело было связано с авентинскими трущобами и портом, до которого было рукой по-

дать. Впрочем, и до Палатина, и до Форума отсюда тоже было подать рукой, и потому здешние старожилы с гордостью называли свои кварталы сердцем Рима, хотя уместнее было бы сравнить их с его чревом.

Авторитетов здесь не признавали – в ночное время получить нож под ребра мог даже сам император, появись он на Авентине без охраны. Здесь ценили не изысканные манеры, а золото и умение владеть заточенным куском железа, жестокость да твердую руку и способность оставаться трезвым после нескольких кувшинов вина.

Дорога утомила Иегуду, хотелось омыть лицо и ноги и хоть немного посидеть в прохладе. Хотя здесь в конце мая было не так жарко, как в Иудее, но близость лета ощущалась даже ночью – плащ, который он использовал как одеяло всю долгую дорогу до столицы, последние две ночи лежал в заплечном мешке без дела, а днем припекало так основательно, что без остановки на сиесту было не обойтись.

Поблуждав немного в лабиринте улиц, Иегуда, наконец, нашел нужный ему дом, во дворе которого ютилась небольшая харчевня. Хозяин заведения (а помимо еды, здесь можно было незадорого получить ночлег) – немолодой сириец, лысый и жирный, как сарис[1], косил на один глаз, отчего выглядел подозрительным. В ответ на приветствие он уперся в Иегуду темным, чуть навыкате, здоровым глазом, и, мгновенно оценив гостя от потертых калиг до намотанного на го-

[1] Сарис (иврит) – то же, что евнух (др. греческий), кастрат.

лову платка, буркнул:

– Здравствуй!

– И тебе здравствовать, Арета…

– Ты знаешь мое имя? – спросил сириец, нимало не дивясь. – Странно, я не помню тебя. Ты бывал здесь раньше?

Вот голос у хозяина никак не походил на голос сариса – густой и сильный.

– Нет, уважаемый, – отозвался Иегуда, украдкой осматриваясь. – Друзья подсказали мне твою таверну как место, где можно поесть и переночевать. Надеюсь, что они не ошиблись…

– Они не ошиблись…

Сириец повернул голову и принялся рассматривать Иегуду косящим глазом.

– Ты иудей? – спросил он внезапно и прищурился, словно силился рассмотреть что-то под выгоревшей тканью кетонета.

Иегуда был брит по римской моде (отсутствие бороды делало его малоузнаваемым, и он уже привык скрести подбородок заточенным до опасной остроты ножом), волосы носил собранными в хвост, кожа его потемнела и обветрилась за время путешествия так ровно, что трудно было предположить, что на его лице хоть когда-то росли волосы. Он походил на бывшего солдата-наемника, ищущего себе нового хозяина, на грека, на франка, на уроженца здешних мест…

Да на кого угодно он походил, но не на иудея!

Последний год для всех, с кем сталкивала его бродячая жизнь, он был александрийским греком по имени Ксантипп и не собирался менять имя, к которому привык.

– Нет, я не иудей.

– Странно, – сказал Арета и посмотрел на гостя сразу двумя глазами. От этого взгляд дружелюбнее не стал. – Я готов был поспорить, что ты иудей, но дело твое. Ты не иудей, поверим тебе на слово. Садись, не иудей. Что будешь пить? Что есть? Не думай, что я лезу в твои дела… Мне-то что от того, кто ты есть? Имеешь монету, чтобы расплатиться – и двери моего дома открыты для тебя. Просто у меня на кухне нет кошерной еды, и все здешние евреи об этом знают. Если кому нужен кошер, то ему прямая дорога в заведение Исайи, это в трех кварталах отсюда…

– Мне не нужен кошер, меня устроит все, что у тебя есть, – Иегуда присел на лавку и положил суму у ног. – Не бойся, я заплачу…

Сириец усмехнулся.

– Похлебка из требухи, пироги со свининой, вино… Правда, вино кислое, пусть Юпитер поразит виноторговца Агриппу молнией в его тощий зад! Он продал мне четыре кувшина этой гадости! Но я честно говорю, что это кислятина, и беру за него недорого! Лучше прополоскать рот этим пойлом, чем есть всухомятку, уж поверь! Тебя это устроит?

– Устроит.

– Нужен ночлег?

– Да.

– Хочешь жить один или поспишь в общем зале? Одному – дороже!

– Я знаю. Пока у меня есть деньги, я сниму комнату. А там – посмотрим.

– Так как тебя зовут, не иудей?

– Ксантипп…

– Ты не обижайся, Ксантипп, – сказал Арета с той же кривой улыбкой. – Я хоть и гостеприимный человек, но верить на слово не привык и хочу увидеть деньги. Еда и постель – пять ассов в день. Остановишься на неделю – сделаю скидку, заплатишь три денария. Платить будешь с утра, есть – когда захочешь, но за эти деньги только раз в день. Хочешь водить девок – води, но будете шуметь – выгоню. У меня приличный постоялый двор, а не лупанарий. Понял? Показывай деньги!

– Это за два дня, – Иегуда положил денарий на край стола. – Бери деньги и дай мне напиться, Арета.

Сириец смахнул монету со стола с грацией кота, серебряный кружок мгновенно исчез в пухлой ладони.

– Вода – бесплатно, – прогудел он, явно гордясь своей щедростью, и сделал знак дородной темнокожей рабыне, выглядывавшей из кухонных дверей.

Рабыня оказалась расторопной. Едва Иегуда успел сделать несколько глотков степлившейся воды, как на стол перед ним уже появились глиняная миска с горячей ароматной похлебкой, четверть темного хлеба, еще теплого, недавно из печи,

да кусок пирога с начинкой из мяса, лука и яиц. Вино вынесли из погреба, оно было прохладным и действительно очень кислым, хотя, если разбавить…

Дела у Ареты, видать, действительно шли неплохо. Небольшой дворик харчевни приютил шестерых едоков, а ведь день только начал клониться к вечеру, и многие еще занимались делами вдалеке от Авентина. Ближе к ночи в харчевне будет полно народу, а, значит, еще один гость не бросится в глаза. И земляков здесь встретить затруднительно – мало кто из правоверных иудеев переступит порог дома, где кормят свининой. Когда-то и сам Иегуда с негодованием отверг бы такую еду, но теперь его звали Ксантипп и он был голоден, а от пирога так вкусно пахло!

Он подул на ложку и попробовал варево – темнокожая кухарка не зря ела хозяйский хлеб.

Человек, который рекомендовал Иегуде услуги сирийца, советовал пожить здесь потому, что родственник хозяина занимал пост в городской страже, и постоялый двор не боялся ни ночных вторжений солдат, ни ночных вторжений бандитов. Но он ни словом не обмолвился о том, что здесь еще и вкусно кормят.

Пусть это будет самый большой грех в моей жизни, подумал Иегуда, откусывая от пирога с нечистой начинкой. Пусть он затмит то, что я сделал раньше, и то, что собираюсь здесь сделать. Око за око – это правильный закон. Для меня – этот закон главный.

После еды хозяин проводил Иегуду в комнату для ночлега. Комнатой ее, конечно, можно было назвать с натяжкой, размерами она едва превышала жесткий лежак, на котором гостю предлагалось коротать ночные часы, но зато напротив кровати располагалось окно – настоящее окно с деревянными ставнями, выходившее на узкую улочку на высоте второго этажа.

– Отхожее место во дворе, – пояснил Арета. – Из окна не отливай, не люблю, когда возле дома воняет! Хочешь помыться – придется натаскать воды, колодец недалеко. Не хочешь таскать – иди в городскую баню, там, конечно, надо заплатить, зато помоешься по-человечески. В общем, если чего – спрашивай. А будешь выходить из дома к ночи – держи ухо востро, а кошель – в тайном месте. Несколько монет положи отдельно, чтобы, в случае чего, отдать. Народ у нас здесь разный водится, могут и зарезать сгоряча…

Иегуда кивнул и поблагодарил хозяина. Тому явно не стоило знать, что у гостя под одеждой скрыта острая, как бритва у брадобрея, кривая сика – кинжал зелотов, жало сикариев, испивший за свою жизнь немало крови. Выглядеть безобидным путником оказалось удобной маскировкой. Только вот долго ли удастся казаться не тем, кем он был на самом деле? Арета принимал в своем гостином доме сотни людей, такие, как он, умели разбираться и в намерениях, и в истинных личинах постояльцев – что поделать? Такая работа!

Иегуда, несмотря на усталость, ложиться не стал. После

обильной пищи можно было провалиться в глубокий сон, а у него на конец дня были другие планы. Оставив суму на ложе, а сику на небольшом каменном выступе над окном, он вышел из постоялого двора и, не торопясь, отправился вниз по улице, к общественным баням. Но шел он не к баням, указанным Аретой. Заведение, в которое спешил Иегуда, располагалось у подножия холма, неподалеку от Цирка Максимуса, и на его поиски пришлось потратить некоторое время. Из ста пятидесяти бань, в которых римские граждане омывали свои тела, эта не отличалась ни особой роскошью, ни какими-нибудь отдельными услугами. Находясь на границе между двух миров – миром Палантина и миром Авентина – баня охотно привечала в своих комнатах и бассейнах жителей обоих холмов, предоставляя им три огромных ванны для омовений, четыре зала с разными температурами, просторную раздевалку и обширный триклиний[2], где гости могли отдохнуть, поесть и выпить вина. Человек, прислуживающий в раздевалке, был смугл и молчалив. Он принял у Иегуды деньги в уплату, одежду и молча кивнул, когда тот прошептал несколько слов на своем родном языке. Этих слов никто больше не слышал, и уходил ли куда из бань прислужник, Иегуда не видел. Он омыл тело, провел долгое время в

[2] **Триклиний** (лат. *triclinium*) – пиршественный зал, столовая, выделенная в отдельную комнату под влиянием греческой традиции. Римляне ели, возлежа на ложах-клиниях (*лектус триклиниарис*). В доме могло быть несколько триклиниев. В триклиниях как правило располагалось три ложа буквой П; если их было два, это называлось *биклиний*.

горячей комнате, поплавал в бассейнах с теплой и холодной водой и перешел в лакониум[3].

Он сидел на мраморной лавке с закрытыми от удовольствия глазами, когда почувствовал, что рядом кто-то появился – пришедший опустился на разогретый камень неподалеку.

– Мир тебе, – произнес негромко мужской голос. Сказано было на хибру[4] и Иегуда, не открывая глаз, отозвался на том же языке.

– Шалом!

– Мне сказали, – продолжил тот же голос, – что ты принес мне привет от нашего общего друга…

– Я принес тебе не привет, а дурную весть, Мозес, – отозвался Иегуда. – С нашим общим другом произошло несчастье. Он умер.

В лакониуме было тихо, только журчала вода в фонтанчике для питья да изредка звучно падали на пол большие тяжелые капли.

– Давно ли это случилось? – спросил пришедший.

Интонации его почти не поменялись, только голос сел, став ниже.

– Почти три месяца назад.

– Он умер на кресте?

---

[3] Лакониум – одна из разновидностей теплых бань. В лакониуме поддерживается умеренная температура +40…60 °С и невысокая влажность – до 30 %.

[4] Хибру – иврит.

– Да, – сказал Иегуда, открывая, наконец, глаза.

Он поднял взгляд на пожилого человека, сидящего на скамье напротив. Человек был лыс – гладкий череп выбрит до блеска, выступившая на нем испарина покрывала розовую кожу сверкающей чешуей. Из-под тяжелых, практически лишенных ресниц век смотрели почти прозрачные, блекло-голубого цвета глаза, на широком лбу разбегались в разные стороны белесые брови. Одно ухо человека было раздавлено и напоминало засохшего моллюска, зато второе, уцелевшее, украшалось массивной золотой серьгой.

– Если ты хочешь узнать, как он умер, Мозес, я могу тебе рассказать.

Старик сглотнул, шумно, с трудом, и покачал головой.

– Не говори мне ничего. Не надо. Скажи только, он умер достойно?

– Да, он умер достойно, – кивнул Иегуда. – Так, как должно умирать. Не беспокойся об этом…

– Как тебя зовут, человек? – спросил Мозес, не сводя с Иегуды своих водянистых глаз.

– Ксантипп.

– Хорошее имя. Не хуже любого другого.

– Зачем тебе знать то, что может быть опасно? Ты – мирный человек.

Взгляд Мозеса стал ледяным.

– Это мой третий сын, Ксантипп, – произнес он еще более хрипло. – Третий сын, которого я теряю. Все трое были

непримиримыми, все трое умерли на кресте. Как ты думаешь, кому из них было легче? Моему первенцу Исайе? Или второму моему сыну – Александру? Или моему младшему – Марку? Зачем моему сердцу знать подробности? Чтобы оно разорвалось от горя? Неужели ты думаешь, что я не знаю, какие нечеловеческие муки перенес каждый из них? И что изменилось в мире от вашей борьбы, кроме того, что они умерли, и семя мое ушло в землю? Да, я мирный человек, но это не помешало мне потерять тех, кого я любил. Ты можешь объяснить – с какой целью Неназываемый забрал у меня детей? Что он от меня хочет?

– Не могу. И никто не сможет, Мозес. Мы просто люди и нам не дано проникнуть в его замысел.

Мозес помолчал, двигая губами. Щеки у него были вислые, такие же тяжелые, как веки, мимо крыльев крючковатого носа пролегали глубокие складки, и Иегуде показалось, что по одной из этих складок, сверкая, покатилась слеза.

– Значит, так было нужно. Таков был его замысел. Что ж… Ты принес весть, Ксантипп, – прохрипел Мозес. – Спасибо тебе. Что просишь взамен?

– Немного.

– Обычно за этими словами прячется многое.

– Не в этот раз, аба[5], не в этот раз…

Иегуда наклонился вперед и что-то прошептал в здоровое ухо собеседника.

---

[5] Аба(иврит) – отец.

В первый момент Мозес отшатнулся, но быстро взял себя в руки и сел ровно, запахнув простынь на неожиданно волосатой груди.

Он молчал долго, и Иегуда тоже молчал, слушая стук капель и песню воды в мраморной вазе фонтанчика.

– Хорошо, – произнес Мозес спокойно. – Я помогу тебе найти этого человека. Но другой помощи от меня не жди.

– Мне не нужна другая помощь. Я бы не просил бы и об этом, но не могу же я, чужак, ходить и расспрашивать прохожих… Ты – богатый купец, гражданин Рима – знаешь все, всех и каждого. Ты легко приведешь меня к нему…

– Я богат, я купец, – усмехнулся Мозес горько. – Я римлянин, я уже почти и не иудей, раз не живу по Закону. Дети мои – зелоты – отказались от меня, мне никогда не слышать смеха внуков. Я даже не смог прочесть каддиш над телами сыновей. Я давно умер для вас, в моем доме стоят статуи, новая жена моя – чужого племени… Ты просишь чужака помочь, хотя знаешь, что случится со мной, если кто-нибудь узнает, что я хоть как-то способствовал тебе…

– От меня никто и ничего не узнает, Мозес.

– Ты уверен в этом, Ксантипп?

– Никто не будет знать, что ты помог мне.

– Ты даешь слово?

– Даю.

Мозес помолчал, двигая бровями.

– Ты ведь чистоплотный человек, Ксантипп? – спросил

он неожиданно. – Любишь помыться? Поплавать в чистой воде? Можешь не отвечать. Сам вижу, что да… Приходи в мои бани через два дня, после полудня. Возможно, если я тебе поверю, ответ уже будет ждать тебя в раздевалке. Или не будет – тогда тебе предстоит все сделать самому. И не ищи со мной встреч, земляк. В любом случае – не ищи. Мы с тобой больше не увидимся. Так будет лучше для всех.

Иегуда ничего не ответил.

Он облокотился на теплый камень скамьи и прикрыл глаза.

Когда он снова открыл их, в лакониуме уже никого не было.

Глава 3

Израиль. Шоссе 90
Наши дни

«Тойота» не ехала, она скакала, словно раненная лошадь, неловко припадая на согнутую стойку. С каждой сотней метров неприятный звук, доносящийся из-под капота, становился все сильнее и сильнее, словно пикап задыхался. Из пробитого радиатора хлестали струи пара, дизель не стучал, а грохотал, грозя каждую минуту заклинить от перегрева. Но, несмотря на это, «Такома» все еще ковыляла в ритме «три четверти», шлепая одной лопнувшей покрышкой по выкрошенному асфальту.

Профессор крутанул руль влево, ныряя в промежуток между двумя каменными россыпями, пикап прыгнул, подминая рычагами обломки, под днищем загромыхало, по кузову полетела канистра с водой и автомат. Гряда красно-желтых скал, практически такая же, как и та, из которой они недавно выбрались, заплясала перед пробитым пулями лобовым стеклом.

– Ну, дерррржисссьььььь! – процедил сквозь зубы дядя Рувим. – Ну, еще чуть-чуть!

И «Тойота» из последних сил ползла по камням, истекая водой, паром и соляркой из пулевых пробоин. Валентин и сам понимал, что спасение возможно только в скалах, и каж-

дый метр отрыва давал им фору в несколько секунд. Их судорожное движение уже совсем не напоминало езду – это была агония старенького пикапа, спасавшего своих новых и последних хозяев, и все-таки в сравнении с пешим ходом это был стремительный полет.

Сзади взревел реактивный двигатель.

Рувим даже ухом не повел – его единственной задачей было хоть как-то удержать «Такому» на траектории, а это оказалось очень нелегко: руль буквально рвал ему руки из плеч. Зато Шагровский и Арин обернулись вместе, едва не разбив друг о друга лбы, и успели заметить, как F-35 свечкой уходит в небо, опираясь на огненный тугой жгут, бьющий из дюз, а по дороге кувыркается смятой сигаретной пачкой один из сине-желтых минивэнов.

* * *

Когда на тебя летит двухтонный микроавтобус, времени на сантименты не остается, и неудачливый легат решил спасать сам себя. На то, чтобы принять решение, распахнуть дверцу и прыгнуть, понадобилось чуть больше полутора секунд. Быстро? Конечно же, быстро! Но для того, чтобы спасти свою шкуру в такой свистопляске – недостаточно быстро. Беата налегла грудью на рулевое колесо, уводя их вэн от удара, а Кларенс летел в сторону от машины, стараясь сгруппироваться, чтобы не свернуть себе шею об асфальт. Вернее,

прыгая, канадец думал, что летит в сторону, на самом деле прыжок получился заячий – он взмыл над кренящимся микроавтобусом вверх, рухнул вниз, на старый растрескавшийся гудрон, и понял, что Беате, возможно, удастся увернуться, а вот ему…

Минивэн Брайена катился легко, как катится от ветра жестяная банка из-под коки. Он уже и на машину был похож только отчасти: несколько кульбитов изжевали «Джи-Эм» весьма основательно.

Но не сделали легче.

Кларенс сидел на асфальте, разинув рот в крике, но исторгал только лишь мышиный писк: сведенные судорогой голосовые связки не давали воздуху прохода. Легат почувствовал, что его горло сейчас лопнет – разлетится на лоскуты кожа, рванут сосуды, переполненные адреналином, отлетит в сторону потерявшая связь с туловищем голова, и тогда из обрубка шеи и вырвется могучий звериный крик.

Так вот, беспомощно сипя, он смотрел на приближающуюся смерть, не в силах даже опрокинуться навзничь. Скрипел и грохал, ударяясь о землю, сминаемый металл, визжали покрышки, ревел на форсаже могучий движок «Молнии», а Кларенс, еще четверть часа назад ощущавший себя как минимум наследником Александра Македонского, зажмурился, втягивая в плечи голову. «Джи-Эм» перелетел через него, ободрав торчащим в сторону куском металла часть кожи с головы и плеча, и огромным бесформенным снарядом рухнул

на крышу минивэна Беаты, начавшего набирать скорость. Задние колёса микроавтобуса разъехались, словно ноги у лошади, попавшей на лед. Под кузовом что-то оглушительно треснуло, полетели искры. Кларенс успел рассмотреть, как складываются оконные стойки и в сторону отлетает чья-то оторванная рука с зажатой в ней трубой РПГ.

Сцепившиеся, как коты в драке, минивэны выскочили с дороги и, несколько раз перевернувшись, замерли на камнях. Внутри машины, из которой Кларенс выпрыгнул несколько секунд назад, кто-то завыл от боли, а потом принялся орать, словно роженица при коротких схватках – отрывисто, на выдохе.

Хотя кровь от сорванного скальпа заливала Кларенсу лицо, он практически не пострадал. Рука (он не мог понять чья, пока не увидел татуировку на запястье) с гранатометом лежала рядом, и пальцы все еще сжимали трубу ствола. Медленно, словно опасаясь, что обрубок очнется и бросится наутек, канадец взялся за РПГ и потянул его к себе вместе с оторванной конечностью. Потом устроил находку на коленях и принялся по одному отгибать сведенные судорогой пальцы. Когда кровь мешала ему видеть, он смахивал ее небрежным движением, так же, как пот со лба.

Ему больше не было страшно.

Ему даже не было жарко, хотя на разогретом за день асфальте впору было готовить яичницу.

Кларенсу было холодно и, как ни странно, этот холод

отрезвил его, заставил действовать.

Воздух заполнился гулом и свистом. Звук был настолько плотным, что у канадца заболели зубы – тяжелая вибрация сотрясла кости черепа. Ему казалось, что пломбы с зудом начали выдавливаться из своих мест, по пересохшему языку зашуршала мелкая крошка. В пятидесяти метрах от него над дорогой завис истребитель. С этого расстояния он не казался таким огромным – раскрашенная в цвета пустыни пузатая птица или насекомое. За отблескивающим в закатном свете фонарем виднелось отверстие, в котором бешено вращался почти невидимый пропеллер, и поток воздуха, на который опиралась короткокрылая туша, гнал во все стороны мелкую пыль. Работающие рулевые дюзы подхватывали ее, сворачивали в тугие жгуты и превращали в некоторое подобие корней, тянущихся по камням.

Зрелище было фантасмагорическое и страшное одновременно.

Кларенс наконец-то отодрал от РПГ мертвую ладонь своего подчиненного и медленно, опираясь на колено, поднялся, держа гранатомет в руках. Он прекрасно осознавал, что пилот видит каждое его движение, и даже мог представить, как выглядит со стороны – маленькая перекособоченная фигурка, Давид против Голиафа. Он бы с удовольствием побежал, но бежать было некуда.

Летающий монстр хочет боя?.. Что ж, он его получит!

* * *

Пикап «умер» в полусотне метров от спасительных скал.

После очередного козлиного прыжка под капотом глухо бухнуло, крышку сорвало и отбросило, будто в моторном отсеке взорвалась динамитная шашка, профессора со спутниками швырнуло на приборную доску, и «Тойота» стала, как вкопанная, застряв колесными дисками в острых камнях. Повисли на уплотнителях остатки расстрелянного лобового стекла, вверх ударила струя удивительно плотного пара и тут же с шипением осела в изуродованное нутро «Такомы».

– Из машины, быстро, – просипел Кац, держась за ушибленную грудь. – Валентин, оружие и воду – из кузова!

Сам он вывалился из кабины пикапа, таща за собой трофейный автомат и рюкзак Шагровского.

Автомат каким-то чудом не вылетел из «Тойоты» во время их скачки по камням. Канистру с водой вспороло очередью, как консервную банку ножом, и вода в ней плескалась на самом дне. Зато сумка с тремя кожаными флягами, подарком Зайда, уцелела: Шагровский едва отвязал лямку от проушины, выламывая о брезентовый узел остатки ногтей. Шесть литров воды – целое состояние в этих выжженных горах.

Валентин повернулся, готовы пуститься вдогонку за дядей и Арин, но увидел, что те стоят в десятке шагов от ма-

шины, не в силах оторвать взгляд от того, что происходит за его спиной.

Шагровский оглянулся.

На самом деле, путь только показался им длинным: пикап проковылял едва ли метров триста от поворота, и с этого места было прекрасно видно и человека, стоящего рядом с обломками микроавтобусов, и зависший напротив него самолет.

Потом человек положил себе на плечо какую-то палку с грушей на конце. Истребитель продолжал висеть на том же месте, слегка покачивая крыльями. Внезапно от фигурки стоящего в сторону самолета протянулась желто-оранжевая кривая, словно кто-то полоснул по золотистому полотну заката опасной бритвой…

Глава 4

Римская империя
Остия. Вилла Понтия Пилата
37 год н. э.

Есть люди, для которых праздность – это цель жизни. Они готовы много лет трудиться, не покладая рук, для того, чтобы в один прекрасный день возлечь на клинии[6] и вкушать изысканные блюда сутками, делая перерывы исключительно на сон и на любовь. Те, кто наследует свое богатство от предков, могут позволить себе праздность сразу же, не утруждая себя работой. Но Пилат Понтийский ненавидел безделье и не находил себе места в своем поместье, расположенном в прекрасной Остии.

Император Тиберий (раньше Пилат сказал бы – да продлят Боги дни его жизни! – а теперь болезненно кривил губы от упоминания царственного имени) отозвал его из Иудеи и запретил появляться в Риме до особого распоряжения. Письмо было составлено по-отечески, но только совсем не знающий императора человек мог обмануться показным дружелюбием Тиберия. Пилат знал, на что способен этот гниющий заживо от дурной болезни старик, поэтому и не подумал оправдываться или ослушаться.

Как хорошо, что Тиберий умер на своей вилле в Мизене

[6] Римляне ели, возлежа на ложах-клиниях.

еще до того, как корабль, на котором Пилат плыл из Кейсарии в Остию, причалил к берегу. Его преемнику – Гаю Цезарю Германику – было уже не до того, чтобы подчищать недобитых дядей недругов. Вся римская знать, хоть и не подавала вида, но точно удивлялась, узнав, что Пилат все еще жив. Как это так? Неужели император не довел начатое до конца? Или же не оставил наследнику точных распоряжений по поводу попавшего в опалу чиновника? Поступить так неосмотрительно… Это совсем не похоже на императора!

На самом деле, (Пилат прекрасно отдавал себе в этом отчет) все обстояло и сложнее, и проще. Цезарь Тиберий пощадил бывшего прокуратора Иудеи, не имея на то видимых причин. Возможно именно таким образом он воздал должное административным талантам прокуратора и той политической пассивности, которую Пилат проявил исключительно из-за удаленности провинции от столиц. Но для того, чтобы быть казненным за участие в заговоре, вовсе не надо в нем участвовать. Иногда… Да не иногда, а почти всегда, Тиберий беспощадной рукой выжигал не только заговорщиков, но и всех тех, кто мог бы им посочувствовать! Друзей, знакомых, членов семей – до последнего колена, слуг, рабов…

Что стоило отдать прокуратора под суд еще шесть лет назад за сам факт дружбы с Сеяном? Ничего. Одно слово императора – и Пилат Понтийский стал бы перед сенатом, как и всадник Минуций Терм. И был бы лишен званий и достоинства. И имущества. И самой жизни. Так случилось с мо-

гущественным Сеяном, префектом преторианцев, со-консулом Тиберия. А что стоит жизнь всадника в сравнении с жизнью понтифика?

Прошло шесть лет с того момента, как Сеян был казнен по приговору сената за оскорбление величества и заговор с целью умертвить Цезаря, а день его смерти был признан государственным праздником – в честь счастливого избавления императора от опасности. Это случилось в октябре года 784-го. Весть о гибели покровителя застала Пилата в проклятой богами Иудее и – что скрывать? – заставила внутренне дрожать от страха. Всадник Золотое Копье был уверен – Тиберий убил единственного беззаветно ему преданного человека, убил по ложному обвинению, убил, исходя из политических и наследных соображений. Но то, что Сеян пострадал безвинно, не облегчало участи тех, кого приближенные императора считали людьми префекта. Опасность! В каждом письме, в каждом приказе, приходившем в Иудею из Рима, мог содержаться приговор Пилату Понтийскому и его семье. Каждое письмо, шедшее в Сирию, могло оказаться роковым для прокуратора – в его распоряжении не было войск, а у Вителлия они были!

Да, Сеян покровительствовал Пилату – это и отрицать было глупо. Именно Луций Эллий Сеян испросил у Тиберия назначение Пилата в Иудею, именно ему Пилат всегда тайно направлял второй экземпляр отчета о делах в провинции и слал подарки не менее дорогие, чем Цезарю. Но никогда,

всадник Золотое Копье готов был поклясться всеми богами, НИКОГДА консул не беседовал с ним о заговоре против императора, не злоумышлял на жизнь Тиберия.

Пилат не мог спорить с императором – тот был уже мертв, а с мертвыми, как известно, не поспоришь. Новый Цезарь, Гай Калигула, забыл о его существовании, и на это нельзя было жаловаться. Скорее уж, бывшему прокуратору нужно было радоваться и молить богов, чтобы молодой император о нем не вспомнил. О Гае Германике ходили нехорошие слухи, его слова «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!» говорили о новом правителе Рима многое, если не все. Тиберий долго колебался в выборе преемника, и вот: его избранник сегодня приводит в трепет и патрициев, и простых граждан, и рабов.

Молодой, свирепый, безжалостный – качества, которые обеспечат Калигуле место либо в Пантеоне, либо на копьях легионеров. Если то, что рассказывают о Сапожке[7] – правда, то последние минуты Тиберия были не из приятных. Дожить до глубокой старости, благополучно уничтожив всех врагов и многих друзей, которых тщеславие могло сделать врагами, чтобы тебя задушили ворохом покрывал в собственной постели? И кто? Твой же ставленник и любимчик – Макрон, уже присягнувший новому хозяину Калигуле?

Строму властолюбцу еще повезло, он не слышал, как на-

[7] («Сапожок») Прозвище римского императора Гая Цезаря Германика (37–41). Он воспитывался и вырос в Германии, в военном лагере; мать одевала его в миниатюрную солдатскую униформу. Калигула – уменьшительное от «калиги» – обувь римских легионеров.

род, который еще вчера кричал ему здравицы, орал под окнами: Тиберия – в Тибр! Тиберия – в Тибр!

Какая незавидная доля для того, кто еще год назад считался одним из самых любимых плебсом и знатью правителей!

Пилат, до того монотонно вышагивающий по засыпанной мелким камнем дорожке, остановился и вытер выступившую на лбу внезапную испарину.

В саду было прохладно, со стороны моря дул ветерок, и листья апельсиновых деревьев шелестели, перешептываясь между собой. Но стоило сделать шаг из тени, как кожу обжигало жаркое солнце. С каждым годом Пилат все хуже переносил жару и все меньше разбирался в хитросплетении дворцовых интриг. Это было очень небезопасно – государевы люди должны были следить за малейшими изменениями в политических раскладах, иначе любой из них в момент мог кануть в безвестность или получить приказ умертвить себя. Ослушаться такого приказа мог только тот, кто не боялся мук или был готов стать беглецом, в спину которого всегда будет дышать возмездие. Но Пилату было не до того, чтобы вникать в расклады. Плохое уже свершилось. Для человека, привыкшего вершить судьбы провинций и стран, нынешнее положение казалось равносильным смерти. Вынужденное бездействие, неопределенность, отстраненность от огромного, вечно работающего аппарата имперской администрации заставляли римского всадника скрежетать зубами и жадно пить вино, чтобы утопить в нем свое горькое бессилие.

И ещё…

Он разучился скрывать свой страх. Не от окружающих, нет! Тем и в голову не могло прийти, что Золотое Копье способен бояться. Он разучился скрывать его от себя, и это было по-настоящему плохо.

И друзья, и враги считали, что он давно утратил страх. Разве мог чего-нибудь страшиться человек, бросивший свой манипул на тысячный отряд германцев? Разве мог бояться человек, столько лет ставивший коварных иудеев на колени?

На самом деле никто (возможно, Прокула могла догадываться об эмоциях мужа, и то вовсе не обязательно) не знал истинного Пилата Понтийского. Бесстрашный Пилат, переживший битву при Идиставизо, многолетнюю войну с евреями и Вителлием, милость и немилость правителей, предательство ближних, на самом деле всегда боялся. Причем боялся он не смерти – ему ли, воину, всаднику, получившему прозвище Золотое Копье, бояться смерти?! Он боялся унижений, боялся того, что его могут лишить завоеванной кровью славы, уважения, богатства, наконец! Былая слава и деньги – неважное сочетание и долгой жизни не способствует. Рано или поздно кто-нибудь из дворцовых прихлебателей вспомнит о «враге народа», отозванном из вечно мятежной провинции по навету легата Сирии Вителлия. Вспомнит и о том, что бывший прокуратор вернулся домой с немаленьким состоянием, и захочет отобрать то, что с таким трудом было нажито за годы, проведенные в знойной сумасшедшей стра-

не.

И тогда Калигула пришлет к нему преторианцев, чтобы арестовать. Или просто письмо с приказанием покончить жизнь самоубийством. А потом, когда его и его Прокулу найдут в полной крови ванне, саму память о нем сотрут, как недавно стерли память о могущественном Сеяне. И все, что он сделал за годы жизни, все, ради чего рисковал, лгал, убивал, плел интриги и подставлял грудь под чужое железо – пойдет прахом. Вот это было страшно! А умереть…

Умереть – это ерунда!

Пилат вышел к бассейну. Вода в выложенной мозаикой чаше была чиста и прозрачна. Только у низкого бортика билась на поверхности упавшая муха, и треск ее мокрых крылышек и надсадное жужжание были хорошо слышны в тишине безлюдного сада.

Слуг прокуратор удалил. В доме оставалась кухарка, пожилая фракийка с усталым бородавчатым лицом и молодыми, гладкими руками девушки, садовник-египтянин, которого Пилат не видел вовсе – тот умел ухаживать за огромным садом так, чтобы не попадаться на глаза угрюмому хозяину, да секретарь, недавно нанятый прокуратором – грек средних лет с черными и блестящими, как спинки скарабеев, глазами, знающий, кроме латыни и греческого, еще арамейский и хибру.

Нанимать для работы с архивом иудея Пилат не стал бы, слишком уж эти фанатики надоели ему за годы службы, но

– вот незадача! – кое-какие из документов, привезенных им из Ершалаима, были написаны на тамошних наречиях. Пилат говорил на арамейском и понимал хибру, но говорить, понимать, писать и переводить – совершенно разные вещи. Поэтому грек-полиглот оказался ценой находкой. Он был услужлив, аккуратен, молчалив и обладал красивым разборчивым почерком – о чем еще можно мечтать? Найти такого человека в Остии было великой удачей.

Остия – не Рим, это в Риме можно нанять кого угодно и на какую угодно работу. В Остию приезжали отдыхать, расслабиться, подышать морским воздухом, напоенным ароматом трав и хвои, привозя всех слуг с собою из столицы. Пилату же въезд в Рим был заказан, приходилось обходиться тем, что попадалось под руку. И если кухарка, садовник и слуги, присматривающие за домом, были остийцами и жили здесь, то прежний секретарь мало того, что был римлянином и жил в столице, так и того хуже – взял и скончался за полгода до возвращения хозяина.

Справа от бассейна, там, где густые заросли плюща оплетали легкий каркас перголы[8], бросая густую тень на изразцовый пол, был установлен стол – массивная доска из ливанского кедра покоилась на двух мраморных тумбах. На светлой поверхности столешницы стоял письменный прибор, сереб-

[8] Пергола (итал. *pergola*) – садовое устройство, наборная конструкция из повторяющихся секций арок, соединённых между собой поперечными брусьями, для защиты прохода от палящего солнца. Она может быть как отдельно стоящим сооружением, так и частью здания, закрывающим открытые террасы.

ряный с золотом, работы римского ремесленника, рядом находилась стопка пергаментов, кувшин с вином, высокий серебряный сосуд с водой, несколько кубков для питья и блюдо с фруктами.

Секретарь при приближении хозяина встал и ожидал приказа, стоя чуть в стороне от стола – невысокий, широкий в плечах, но не приземистый, с шапкой густых черных волос, перехваченных через лоб лентой по греческому обычаю, и гладко бритым, суровым лицом. Такое лицо более соответствовало бы не книжнику, а воину, но воинов много и их легко заменить, а вот найти хорошего секретаря, как убедился Пилат, намного сложнее, чем обычного храбреца-легионера. Хорошие помощники встречаются так же редко, как герои.

Пилат кивнул греку, сел в удобное кресло, крякнувшее под его весом – годы жизни в провинции быстро добавили ему жирка, хотя прокуратор по-прежнему оставался крепок и не потерял навыки всадника, проводившего в седле несколько суток без отдыха. Сел и жестом показал, чтобы его помощник занял свое место. Секретарь повиновался, расположившись в двух шагах от Пилата, за торцом стола.

Грек молчал, ожидая приказов.

Это было здорово, Пилат Понтийский ценил тех, кто умел открывать рот только по делу.

Надо будет прибавить ему жалования.

Прокуратор налил себе вина, разбавил водой и, отпив глоток, откинулся на мягкую матерчатую спинку сидения.

– Ты готов, Ксантипп? – спросил он чуть сипловато и откашлялся, чтобы прочистить горло.

Секретарь кивнул, взял в руки стило и открыл письменный прибор.

– Я разбирал ваши документы, – начал он, – датированные апрелем 783 года. Отчет о событиях в Ершалаиме, случившихся на иудейский праздник Песах…

Израиль. Шоссе 90

Наши дни

Адам ждал этого момента.

Он был уверен, что человек с РПГ выстрелит.

Только безумец мог надеяться, что F-35i можно сбить из гранатомета.

Только безумец или чудовищно самоуверенный пилот стал бы проверять, можно ли это сделать.

Оба участника этой дуэли были достаточно безумны.

Адам не видел момента выстрела, он его почувствовал. Можно было дать десять из десяти за то, что его противник будет наводить прицел на фонарь кабины – так сделал бы любой, кто считает колпак из бронестекла самым уязвимым местом, плюс ко всему, истребитель висел перед стрелком с дифферентом на нос, создавая у того иллюзию прицеливания в центр силуэта.

«Молния», даже в режиме зависания, слушалась рулей ничуть не хуже гоночного болида «Формулы 1». Адам слегка

качнул штурвалом и добавил тяги на «вентилятор», а самолет уже прыгнул вверх, одновременно поднимая изогнутый клюв носового обтекателя за доли секунды то того, как реактивная граната пролетела в том месте, где только что отблескивал на солнце фонарь пилотской кабины.

Потом нос опустился и огромный «москит» плавно занял прежнюю позицию.

Герц посмотрел на человека, который только что развязал ему руки, и укоризненно покачал головой.

Связанная с его шлемом невидимыми электронными нервами пушка, торчащая из контейнера в подбрюшье F-35i, повела стволами из стороны в сторону.

* * *

Кларенс стоял столбом, все еще не в силах поверить, что промазал.

Истребитель качнул пушкой, и канадец, отшвырнув в сторону пустую трубу гранатомета, повернулся и побежал. Бежал он быстро, словно не бился об асфальт при падении и не его кровь покрывала черный панцирь бронежилета алыми разводами.

Самолет неторопливо сошел с места и двинулся вслед за бегущим.

Вот он навис над Кларенсом, вот внезапно изменил угол тангажа на положительный и… Из сопла вырвался дрожа-

щий раскаленный язык, истребитель рванулся в небо столь стремительно, словно не носил имя «Молнии», а действительно был ею.

Со стороны казалось, что бегущий человек просто исчез в выхлопе, но если присмотреться, то можно было разглядеть на асфальте некоторую неровность. Это были остатки кевларового бронежилета.

* * *

Вальтер опустил бинокль и посмотрел на Мориса, даже не пытаясь скрыть довольную ухмылку.

– Похоже, мой французский друг, что в этом мире нет совершенства. Сейчас птичка упорхнет и состоится наш выход, в котором у меня снова главная роль. Что-то ты не рад, Морис, а ведь я – твой последний шанс. Или у вас за кулисами припасен еще один легион?

Морис молча смотрел перед собой. Спорить не имело смысла. Ревевший над горами самолет только что вбил на метр в асфальт тех, на кого француз делал главную ставку. Шульце прав: он – последняя надежда на успех миссии. Другой нет. И времени нет. Ничего нет.

Истребитель качнул крыльями, словно прощаясь с кем-то, и, вспоров небо, ушел в сторону Негева на «дозвуке».

* * *

– Ястреб-один, Ястреб-один, – раздалось в наушниках Адама. – Ответьте Гнезду!

– Гнездо, я – Ястреб! На связи!

– Адам, что там у тебя стряслось? На полицейской волне говорят о каком-то самолете, атаковавшем автобусы охранной фирмы на Девяностой. Докладывают о стрельбе из автоматического оружия… Доложите обстановку, Ястреб-один.

– Обстановка нормальная, – сказал Герц, улыбаясь. Врать не имело смысла – заинтересованные лица всегда могут просмотреть видеорегистратор. – Выполнил тренировочный полет на сверхнизких высотах, отработал уклонение от ракет противника и набор высоты на максимальной тяге. Ничего особенного не видел. Какая стрельба, Гнездо? У меня полный боезапас…

* * *

Смеркалось.

Вдалеке завыли сирены полицейских машин, но на шоссе – что спереди, что сзади – был такой завал, что работы полиции должно было хватить минимум до утра.

– Нет, – сказал Морис. – Другого легиона у меня нет…

Он молчал, пока джип набирал скорость, а потом спросил:

– Скажи-ка, легат, а ты веришь в Бога?

Карл бросил на него короткий взгляд и рассмеялся своим неприятным хриплым смехом.

– Нет, Морис.

– Жаль, – пожал плечами француз. – Было бы у кого попросить удачи. Ну, да исполнится воля Первого!

Лицо Мориса едва заметно изменилось: сошлись к переносице жидковатые бровки, выдвинулась вперед скошенная нижняя челюсть, хищно пошевелился кончик носа…

Карл смотрел на эту метаморфозу в зеркало заднего вида и вдруг поймал себя на том, что, что ему вдруг стало не по себе.

Как было не по себе много лет назад, в том бистро на Бульваре Капуцинов, когда к нему за столик подсел невысокий человек, похожий на мышь. Шульце быстро повернулся на сидении – инстинкт подсказывал ему, что сидеть спиной к французу опасно – и натолкнулся на жесткий хищный взгляд выпуклых глаз.

– Поищи-ка для меня пушечку, дружочек, – процедил Морис, скаля мелкие зубы. – Грешно мне отлынивать от работы в тяжелую минуту!

Шульце, как завороженный, протянул ему пистолет.

– Вот так-то лучше, – проворковал француз. – Так гораздо лучше…

Глава 5

Израиль. Иудейская пустыня
Неподалеку от Мертвого моря
Наши дни

– Смотрите! – крикнула Арин.

Сумерки еще не стали непроницаемыми, воздух едва начал сгущаться, и звезды, изобильно рассыпанные по небесам, пока не налились ярким лучистым светом. Зато белый шар луны светил вовсю, и джип с потушенными фарами, медленно проезжавший рядом с разбитыми автобусами, девушка разглядела легко.

– Вот черт! – профессор невольно посмотрел в ту сторону, где только несколько минут назад исчез самолет. На его возвращение надежды не было. – Не стрелять, ребята… Быстро уходим в скалы! Если полезут – встретим их из засады!

Сомневаться в том, кого везет крадущаяся в полутьме машина, не приходилось – уж явно не спасательную команду!

Шагровский, пригибаясь, метнулся к камням, от которых уже поползли черные тени – туда бесследно канула ладная фигурка Арин. Дядя Рувим добежал до укрытия последним. Лицо у него было бесконечно усталое, осунувшееся, седые волосы взялись пылью, и знаменитый хвост, в который профессор увязывал свою «гриву», уже не выглядел украшением.

– Слушаем внимательно, – проговорил он негромко, следя в трофейный монокуляр за тем, как «Лендровер» съезжает с дороги и из распахнувшихся дверец выпрыгивают люди с оружием. – Их… три, четыре… Четверо. Всего четверо, ребята! Но они уже знают, что нас надо бояться. Это плохо. Плохо, потому что в лоб они не пойдут… Находились уже…

Сумерки превратились в плотную чернильную тьму, разбавленную потоками нежного лунного света.

– Раньше они пытались нас разорвать на куски без всяких хитростей. Не получилось. Так что теперь они попробуют нас загнать, а это совсем другая тактика, и прихватить их скопом, как мы делали до того, уже не получится. Так что… Слушай мою команду, молодежь! Бить наверняка. Не сближаться – в губы нас никто целовать не собирается. Головы из-за камней не высовывать, смотреть понизу – над самой землей или из тени. Зуб даю, – он ухмыльнулся, но, как показалось Валентину, чуть через силу, – как говорил мой мудрый друг Беня, у них есть снайперка с «ночником». Если засекут – будет новая дырка в организме. Все ясно? Пошли! Пошли!

Просто дежавю, подумал Шагровский на бегу. Каждую ночь – одно и то же! Каждую ночь! Опять лунный свет, эти проклятые камни и сзади кто-то с автоматом. И никто не просит отдать эти пергаменты, на рукопись всем плевать! Зато все хотят нас пристрелить… Сколько еще мы сможем бегать?

Сзади тяжело задышал дядя Рувим – годы брали свое. За-

дышал шумно, с напряжением, но темпа не сбавил – бежать в таком ритме было бы сложно и молодому человеку, а уж пожилому да с простреленной двое суток назад задницей и вовсе тяжко, так что профессор выдерживал этот марафон на характере. И, судя по тому, что Валентин узнал о дядюшке за последние несколько дней, характер у Рувима был не дай Бог! Или наоборот – дай Бог каждому!

Впереди между тенями скользила Арин.

Она бежала легко (во всяком случае, так казалось), огибая препятствия, перескакивая через невысокие россыпи мелкого камня, перетекавшие тропу поперек – рюкзак прыгал между лопаток, автомат девушка держала в руке, чуть на отлете.

Становилось прохладнее. Несмотря на разогретые камни, пустыня проявляла свой норов. При одной мысли о том, что им снова придется ночевать, дрожа от холода, Шагровскому стало тошно. Спасти от полуночной стужи могла пещера, стоило внимательней смотреть по сторонам, тем более, что по мере того, как тропа углублялась в скальный массив, стены вокруг них начали расти, постепенно закрывая звездное небо.

Погони не было слышно, но Валентин понимал, что идущей по их следу группе понадобится минимум минут десять-пятнадцать, чтобы преодолеть расстояние от места, где они оставили джип, до начала тропы. Да и преследовать их ликвидаторы будут с осторожностью, чтобы не налететь на

засаду. Пока что у беглецов была фора во времени, и использовать ее надо было с максимальным толком. Оторваться, найти убежище, позволяющее наблюдать за противником и выдержать короткую осаду, если до того дойдет. Предусмотреть пути отхода тоже будет не лишним…

В общем, той четверти часа, на которые они оторвались, на всё могло и не хватить.

– Отдых! – выдохнул Рувим, останавливаясь. – Дайте дыхание перевести…

Не снимая рюкзака, профессор сполз спиной по камню и уселся, вытянув ноги. Шагровский шлепнулся рядом с ним и потянулся к фляге – приоткрытый в беге рот высушило до хруста. Арин садиться не стала, только нагнулась, опираясь ладонями о собственные колени.

Дядя Рувим сверился с экраном GPS, подвигал губами, посматривая наверх, где между скалами толпились звезды, и удовлетворенно кивнул.

– Готовы? – спросил он и закашлялся, прочищая горло. – Не спать! Замерзнем! Арин – первая. Держись левее! Пошли!

* * *

Иудея. Ершалаим.
30 год н. э.

– И его действительно короновали? – переспросил Пилат.

Он удивился. Кожа на широком лбу на мгновение собралась гармошкой, как раз в том месте, где у обычных людей начинают расти волосы, брови едва уловимо приподнялись и тут же опустились на свои места, над частоколом густых рыжеватых ресниц. Верхние веки Пилата, тяжелые, налитые, прикрыли глаза.

Удивление. Брезгливость. Легкое раздражение.

К полудню, когда станет по-настоящему жарко, Пилат Понтийский будет уже не раздражен, а зол. Будет пить много воды – кубок за кубком – потеть, жевать ломтики лимона. У него будет подергиваться верхняя губа, как у пожилого пса, который угрожающе рычит, открывая все еще крепкие желтоватые зубы. Когда Пилат в таком состоянии, до вечера лучше с просьбами не обращаться – бесполезно.

Афраний давно научился с легкостью ориентироваться в нюансах поведения прокуратора. Нельзя сказать, что тот был совсем уж открытой книгой – столь опытный царедворец, как Всадник Золотое Копье, никогда бы не поднялся на вершины власти, если бы эмоции на его лице читались любым встречным. Но Афраний, с его опытом работы в Иудее и немалыми познаниями человеческих типажей, научился видеть незаметные для других детали.

Пальцы, барабанящие по мраморной столешнице. Едва заметный тик под правым глазом. Ухмылка, кривящая узкий рот. И тут же – взлетающие кверху брови.

– Да, прокуратор, его короновали…

– Не думал, что у евреев это так просто!

– А это далеко не просто, – сказал Афраний ровным, равнодушным голосом. – Существует целый ряд вещей, которые надо исполнить в обязательном порядке. Например, в ритуале должны принимать участие патриархи.

– Какие патриархи?

– Например – Мозес.

На этот раз Пилат не удержался и Афраний услышал вырвавшееся из узкого рта покашливание, означающее смех.

– Мозес? Ты, наверное, шутишь, Афраний!

– Нет, прокуратор. Я не могу позволить себе шутки во время доклада.

Прокуратор чуть склонился вперед и уперся блестящими темными глазами в переносицу начальника тайной полиции.

– Мозес… Патриарх Мозес. Я знаю только одного патриарха с таким именем. Если это тот самый Мозес…

– Это тот самый Мозес, – продолжил Афраний. – Тот, который давно умер.

– Кхе-кхе… – можно было считать, что Пилат расхохотался, но глаза его оставались злыми и колючими. – Действительно, странный народ. Ну, хорошо… Из покойников только Мозес?

Если бы Афраний Бурр мог печально вздохнуть в присутствии прокуратора, то он бы вздохнул. Нельзя править провинцией и ничего не знать о народе, которым правишь. Пилат Понтийский более привык полагаться на копья и мечи,

чем на невидимые рычаги, которыми двигал начальник тайной полиции. Но именно потому Пилат был римским всадником и Золотым Копьем, а Афрания знали только те, кому это было положено. И еще знали враги. Хорошо знали.

– Если прокуратор позволит, – продолжил Бурр спокойно, – я в двух словах объясню, что произошло.

Пилат отхлебнул из кубка и лишь потом кивнул.

– С ним было только трое из двенадцати его последователей – Шимон по прозвищу Кифа, и братья, сыновья Зевдея – Иаков и Иоханан. Все они хорошо известны моей службе. Кифа, по слухам, некогда принадлежал к партии зелотов, но уже давно не поддерживает с ними связи. Двое других – дальние родственники Иешуа, в их доме он проживает последний год – тоже имели отношение к канаим, теперь же – верные последователи учения Галилеянина. Мне доложили, что эти трое и сам Га-Ноцри удалились на гору Хермон, а, после возвращения оттуда ученики уже называли Иешуа Га-Ноцри сыном Божьим – в еврейском ритуале это означает, что они помазали его на царство. Всех известных истории еврейских царей, прокуратор, помазывали на царство на горе Хермон, так что это не совпадение. Я вообще не верю в совпадения, господин. Слишком уж много совпадений я организовал сам. У него двенадцать учеников – и это означает двенадцать колен Израилевых. Его люди на каждом шагу говорят, что он рода Давидова…

– А это не так? – то ли подтвердил, то ли спросил Пилат.

– Это не так, прокуратор, – отозвался начальник тайной полиции незамедлительно и без сомнений в голосе. – Но, прошу меня простить, какое это имеет значения? Важно не то, какого рода этот человек в действительности, а то, что любым его словам верят.

– Завидное качество. Хотел бы я обладать таким, – если подергивание угла узкогубого рта означало улыбку, то Пилат улыбнулся. – Тогда моя карьера могла бы сложиться иначе. Продолжай.

– Насколько мне известно и понятно пророчество Илии, все, что делалось Иешуа и его учениками, делалось для того, чтобы объявить его машиахом. Этот самый Шимон-Кифа не скрывал поход на Хермон, а наоборот, рассказывал при большом стечении народа, что они строили для Га-Ноцри кущи, как и положено для коронации, что Иаков и Иоханан разыграли действо, в котором один из них изобразил пророка Илию, а второй – Мозеса…

– Ты это серьёзно, Афраний? – спросил Пилат Понтийский, поднимая бровь.

– Я серьезен, как никогда, прокуратор. И, более того, Иешуа и его соратники тоже не шутят. И, если мне позволено дать тебе совет – отнесись и ты к моим словам серьезно. Это не обычный бунт, прокуратор, не стихийное бурление толпы – я не стал бы даже говорить по такому ничтожному поводу. Большие дела делаются маленькими людьми, большие неприятности начинаются с упущенных деталей. В

Иудее не бывает незначительных подробностей, слишком уж здешний народ убежден в своем предназначении и склонен к вере в мистику. С тех пор, как царство Ирода стало тетрархией, римские наместники сумели сделать так, чтобы все находилось в равновесии. Но если это равновесие нарушить, то все может рухнуть в один час. Здесь нет мира, прокуратор, нет, и никогда не было. Под пеплом всегда тлеет пламя, и залить его можно только кровью. Мы же на сегодня лишь научились не ворошить угли руками. Человек, который хочет заявить права на царство, должен быть точен в деталях – у евреев все расписано, кто и где стоит, кто и что делает! – и если ему поверят, то за ним пойдут. Они так долго ждут машиаха, что он просто обязан появится. Если уже не появился…

Он прервался, отпил воды с лимоном из стоящего перед ним кубка, облизнул пересохшие губы и продолжил:

– Не скрою, я озабочен. Но у моей озабоченности есть причины. На праздник в Ершалаим стекается около миллиона людей – это очень много для города, это очень много для моей службы. Это, вообще, очень много, если помнить, что легионы стоят у Вителлия, в Дамаске, а не у нас в Кейсарии и ты при всем желании не сможешь задействовать их немедленно. Я не трус, прокуратор, и никогда не обращался к тебе попусту, ты это знаешь. Я не стал бы беспокоить тебя и далее, но… Если события нас застанут врасплох, мне не будет оправданий. Поэтому я и попросил выслушать доклад.

– Пока что я не понял, что именно испугало тебя, Афраний, – сказал Пилат. – Ты, опытный чиновник, моя правая рука, и кого испугался? Бродячего философа и жалкой кучки его последователей? Тебе ли – римлянину – бояться этих болтунов? Да сотни таких «учителей» бродят по округам, рассказывая небылицы! Что заставляет тебя прислушиваться к этому жалкому чириканью вместо того, чтобы просто скрутить воробушку голову?

Несерьезные, издевательские нотки в его голосе исчезли.

Теперь он говорил хрипло и тягуче – вещал, как настоящий римский чиновник, который одним своим тоном должен приводить окружающих в трепет. И глядел грозно, исподлобья, наклонив голову, словно взбешенный буйвол перед атакой. Кожа на бритом черепе неприятно шевелилась, живя собственной жизнью.

Иудея. Ершалаим.
30 год н. э.

Секст Афраний Бурр мало кого боялся.

Его боялись – это было вполне объяснимо, иначе зачем бы он брался за эту опасную, грязную, но необходимую государству работу? Но, глядя на Пилата Понтийского, Афраний испытывал крайне противоречивые чувства.

Прокуратора стоило побаиваться. Перед Афранием в начальственном кресле сидел прежде всего, воин и лишь потом – чиновник. Такой человек не развязывает узлы, а рубит

– это неразумно и может привести к далеко идущим последствиям, но тому, кто привык решать проблемы сталью, последствия безразличны. Во время войны такие люди на вес золота. А в мирное время… Кто же держит у очага горшок с греческим огнем? Нет! Нет! Не такой префект нужен этой стране! Как был бы хорош Всадник Золотое Копье в роли наместника в любой из варварских колоний! И как опасен он здесь, где вовремя сказанное либо несказанное слово может предотвратить кровопролитие или спровоцировать его!

Не уважать Пилата было бы ошибкой – он был умен, по-звериному хитер и жесток, алчен и властолюбив без меры, но решителен и целеустремлен, быстр в действиях и потому очень опасен. При всем при том, в глубине души, начальник тайной службы не испытывал к прокуратору Иудеи никакой симпатии и считал, что Пилат, несмотря на все достоинства, не заслуживает занимаемого места. Тот же Вителлий – неприятный, подозрительный, жестокий, жадный и злопамятный, как хорёк, был настоящим наместником, обращавшим любое событие не только на пользу себе, но и на пользу Цезарю и Риму. Достоинства же Пилата вредили делу чаще, чем его недостатки, потому что воин всегда одерживал верх над политиком!

В проблеме, стоявшей перед Афранием сегодня, рубить узлы наотмашь было рискованно. Во-первых – узлов было много, как всегда в политике, во-вторых – в эти узлы были скручены интересы Империи, четырех тетрархий, садду-

кейского первосвященства, фарисеев, зелотов, греков, египтян…

Тут пригодится не меч, а острый, как игла, ум, знание слабостей и силы противодействующих сторон, понимание тайных пружин, управляющих каждой из группировок. Афраний понимал многое, хотя далеко не все. Пилат же пытался править по своему разумению, не считаясь с обстоятельствами. Так можно победить грубую силу, сломать ее, засыпать колодцы трупами, водрузить штандарты над разрушенными крепостями и сожженной страной. Но так нельзя построить мир. А Риму нужен мир в провинции, дающей как минимум третью часть хлеба Империи. С другой стороны, проявить слабость в противодействии нарождающейся смуте – это дать возможность поднять головы тем, кто только и мечтает о том, чтобы Иудея отпала. Канаим с их тактикой ударов из-за угла представляют куда меньшую опасность, чем те, кто пытается сплотить вокруг себя народ – до тех пор, пока Га-Ноцри проповедовал за стенами Ершалаима, вызывая скрежет зубовный у Каиафы и его тестя, Афраний лишь следил за ним вполглаза. Нынче же, после его шумного приезда в столицу, после всех событий, произошедших накануне в Храме и за его пределами, нужно было выстроить стратегию противодействия, причем выстроить ее так, чтобы прокуратор полагал ее своей, но при этом не сжег Ершалаим в неудержимом стремлении к победе любой ценой. Кому нужен будет мир на развалинах?

– Позволено ли мне, мой господин, подробно объяснить свою точку зрения? – спросил Афраний.

Пилат кивнул, не сводя с начальника тайной полиции неприятного, давящего взгляда.

– Благодарю, – продолжил Бурр. – Недавно, прокуратор, по приказу тетрарха Галилеи и Переи Ирода Антипы был казнен Иоханан, по прозвищу Окунающий. По моему мнению – безвредный человек, избравший Ирода и его семью объектом для своих проповедей о нравственности. Согласен, он говорил не слишком приятные вещи, но о любви тетрарха к чужим женам в Тивериаде и Кейсарии Филипповой не судачил только ленивый. Однако Ирод казнил Окунающего в назидание остальным болтунам. Так вот, мой господин, до тех пор, пока Иоханан был жив, у него было не так много последователей, чтобы о них беспокоиться. Зато после смерти многие посчитали его пророком, Галилеянина же признали воскресшим Иохананом, что добавило ему популярности, а ученики убитого теперь ходят за Га-Ноцри, как овцы за пастырем. Тайная служба тетрарха даже проводила дознание по этому поводу, и естественно, пришла к выводу, что это не Иоханан, ведь тело Окунающего захоронено, а голова выставлена на всеобщее обозрение. Только кто их слушал? Народу не нужны факты, народу нужна сказка, в которую он поверит…

Иногда живой человек, прокуратор, пусть даже очень беспокойный, приносит меньше хлопот, чем мертвый. Возвели-

чивать мертвецов куда проще, чем понимать живых. Мертвец не струсит, не наделает глупостей и никогда не обманет ничьих ожиданий. Если мы не хотим плодить пророков и подавлять восстания, то, может быть, стоит задумываться, прежде чем рубить кому-то голову? Мой друг детства – Сенека-младший, говорит, что голос с креста слышен дальше, чем голос из каменоломни. Он не воин – он философ, хотя и претендует нынче на должность квестора[9], и к его словам можно и должно прислушиваться. Много раз его советы помогали мне в трудные минуты, я доверяю его мнению и собственному опыту и поэтому стараюсь не убивать без особой на то нужды и не плодить мучеников. Но это вовсе не означает, что я беспечен! Сейчас я ощущаю опасность, мой господин, а не выдумываю ее, чтобы заслужить вашу благосклонность за бдительность. Мне не по душе, когда человек, известный своим ораторским даром, вдруг начинает изо всех сил стараться соответствовать пророчествам из еврейских священных книг. Потому, что иудеи верят пророчествам. Мне не нравится, когда на рынках и во дворах начинают шептаться о том, что в город пришел машиах, потому, что иудеи верят в то, что машиах придет, и любого проповедника готовы признать своим спасителем, пока он не до-

[9] **Ква́стор** (от лат. *quaestor*, от *quaerere* – букв. «расспрашивать», «расследовать») – один из римских ординарных магистратов. Были первоначально лишь общими помощниками консулов без какой-либо специальной компетенции. Пока уголовная юрисдикция находилась в руках консулов, квесторы, как их помощники, производили предварительное следствие (*quaestores parricidii*).

кажет обратное. Мне совсем не по себе, когда кто-то провозглашает себя Сыном Божьим, царем Иудейским и назначает свой собственный Синедрион, потому, что в Ершалаиме уже есть Синедрион, а двух Синедрионов Иудея просто не выдержит![10] И волнуюсь я еще потому, что миллион пришедших на Песах правоверных иудеев, при определенных обстоятельствах, могут легко стать миллионом свирепых канаим, а такие обстоятельства, на мой взгляд, как раз нынче и возникают. Достаточно искры, прокуратор, и потушить пожар сможет только чудо. А чудеса, как мы оба знаем, случаются редко.

– Я слушал тебя достаточно, – произнес Пилат все тем же тоном оратора, и Афраний сразу понял, что ему не удалось разбудить в прокураторе дипломата. – Теперь ты послушай меня, Бурр, послушай, как всадник – всадника, как римлянин – римлянина. Ты слишком долго прожил в Иудее…

Прокуратор замолчал. Было видно, что он обдумывает свои слова.

– Так бывает, – наконец, продолжил он. – Годы, что ты провел в их обществе, на их земле, вникая в их обычаи, их дрязги и их верования, изменили тебя, Афраний. Я не говорю, что ты мыслишь, как иудей. Я не говорю, что ты стал

[10] Лука, 10:1 «после сего избрал…и других семьдесят и послал их по два перед лицом своим во всякий город и место, куда сам хотел идти». Некоторые исследователи считают, что Иешуа в качестве пророка-царя назначил собственный синедрион и разослал его членов по городам своего царства, чтобы подготовить их к своему коронационному шествию.

иудеем. Но ты слишком близко к сердцу принимаешь их проблемы и полагаешь, что интересы Рима зависят от их благополучия или покорности…

О, боги, подумал Афраний, он не понял ничего из сказанного! Ничего!

– Это не так, – Пилат снова пригубил разбавленное вино и с силой потер бритую гладкую щеку. На висках его стала заметна испарина – мелкие капли засверкали на коже россыпью. – Рим, хвала Богам, не зависит от того, что хотят или что делают эти дикари. Это они зависят от Рима. Зависят во всем, Бурр! Во всем – в своей жизни и в своей смерти. Ты предостерегаешь меня, стараешься посвятить в их дела. Спасибо тебе за это. Но…

Прокуратор растянул узкий рот в улыбке и снова насмешливо поднял бровь. Эта гримаса, долженствующая означать иронию, плохо вязалась с рокотом начальственного голоса. Таким тоном командуют на поле сражения, а не шутят. В громовых раскатах трудно разобрать оттенки.

– … я не хочу и не буду вникать еврейские интриги. Мне вполне достает своих, римских. И я не буду делать так, чтобы никого не затронуть и пробежать сухим между каплями дождя. Я буду делать так, как посчитаю нужным в интересах Империи.

И в своих интересах, подумал Афраний, не отводя от Пилата преданного взгляда.

– И в своих интересах, Афраний! – подтвердил прокура-

тор.

Он сказал это так, будто услышал сокровенную, невысказанную вслух мысль начальника тайной полиции, и тот невольно содрогнулся.

Иногда человек, сидящий в кресле напротив, пугал Бурра своей проницательностью.

– Меня не остановят возможные волнения, – продолжил Пилат, чуть поубавив грохота в голосе. – Мы легко справимся с несколькими сотнями фанатиков. Так уже было, Бурр, и иудеи хорошо помнят, что ни их кинжальщики, ни их бог не помешали мне залить кровью мостовые. Стоит убить нескольких вожаков в лающей стае, и собаки разбегаются – с дикарями всегда надо поступать так. Ершалаим – это не вся Иудея, Афраний. В Ершалаиме не растят зерно, оливы и виноград, здесь не пасут скот. В Ершалаиме нет ничего, кроме камней, нечистот, сумасшедших фанатиков, коварного священства и их ложного Храма. Как там сказал твой проповедник?

Пилат заглянул в лежащий перед ним пергамент, прищурился и прочел вслух:

– Говорил, что разрушит Храм и в три дня воздвигнет новый… Хорошо сказано, жаль, что это ложь! Было бы неплохо, чтобы твой галилеянин со своими учениками исполнил обещанное! Вот только пусть не спешит восстанавливать! Кто в Риме станет убиваться, если Храм будет разрушен? Скорее уж, наоборот – одной опасностью станет меньше.

Этот твой Га-Ноцри с учениками выгодны нам, они делают для Империи больше, чем самые близкие наши союзники. Ничто так не ослабляет врага, как внутренняя борьба в собственном лагере! Так о чем ты беспокоишься?

Если Га-Ноцри принесет хлопоты Каиафе, то от этого выиграет Рим – у первосвященника и его тестя будет меньше возможностей строить мне козни. Если Каиафа одолеет проповедника – снова ничего страшного не произойдет, ему придется тратить время и силы на истребление последователей галилеянина: всех этих Шимонов, Иохананов и прочих Мозесов…

Афраний слушал прокуратора с все возрастающим вниманием. То, что говорил этот круглоголовый человек с тяжелыми веками и отвисшими щеками…

Это было …

Это было совсем не глупо! Это было правильно. Начальник тайной полиции был уверен, что может предугадать ход дальнейших рассуждений Пилата Понтийского.

Бурр ощутил, как между лопатками мышью проскользнул нехороший холодок.

Неужели он мог так ошибаться в своих предположениях? Неужели этот жесткий, не гнушающийся палаческих приемов человек умнее, чем казался? Чем ХОТЕЛ казаться?

– Без моего разрешения они не смогут казнить ни одного бунтовщика, – сказал Пилат совсем негромко, – только козла, которого мы оставили им для ритуалов! Только в мо-

ей власти посылать человека на смерть, и каждый раз, когда Синедриону понадобится кого-нибудь забить камнями, они будут идти ко мне на поклон. Ты понимаешь, о чем я говорю, Афраний?

– Да, господин.

– Вот и хорошо. Тогда запомни – мы ничего не будем предпринимать, вернее, будем делать все по закону. Для нас следовать его букве нынче проще и выгоднее всего. Думаю, что еще до праздника Каиафа придет ко мне, чтобы получить разрешение на арест этого Га-Ноцри. Так?

– Да, – подтвердил Афраний.

– И мы это разрешение дадим. Ведь у нас нет оснований не верить Первосвященнику Иудеи, лицу, назначенному императорской властью? Так, Бурр?

– Именно так, прокуратор.

– Не сомневаюсь, что проповедника попытаются приговорить к смерти, но без моего разрешения им этого не сделать. И они снова придут сюда.

– Да, прокуратор.

– Скажи мне, Афраний, а обязаны ли мы казнить человека, который ничего не злоумышлял против Цезаря и римской власти? Путь он даже и пытался захватить иудейский Храм? По закону, Афраний, по его букве?

– Нет, господин.

Пилат рассмеялся, но не привычным слуху окружающих открытым смехом воина, а совершенно незнакомым началь-

нику тайной полиции свистящим, похожим на шелест, смешком.

– И действительно, что за преступление – врачевать в субботу?

– Вы правы, прокуратор, это не преступление… Но он называет себя царем Иудейским. Вернее, так называют его люди.

– Это, конечно, прискорбно и есть преступление против Цезаря, Рима и… – Пилат скривился. – И меня, как властителя Иудеи. Но, возможно, люди ошибаются?

– Вполне возможно, прокуратор. Люди часто ошибаются, им свойственно принимать желаемое за действительное. Но, боюсь, именно на злоумышление против власти Цезаря будут упирать те, кто придет к вам просить о вмешательстве.

– Им придется просить меня долго, как следует просить…

– И в результате? – спросил Бурр, сохраняя бесстрастное выражение лица.

– Что в результате? – переспросил Пилат и пожал широкими, по-прежнему мощными, несмотря на сидячую работу, плечами. – Не знаю, Афраний. Возможно, я дам себя уговорить. А, возможно, и не дам. Ведь это неважно? Так? В любом случае – казнят Га-Ноцри или не казнят – это будет НАШЕ решение. Не чье-нибудь – не Каиафы, не Иоханана, смердящего, как труп, не их фанатичного Синедриона, а наше… Так что, Бурр, действуй в соответствии со сказанным. Ни во что не вмешивайся до тех пор, пока не возникает опас-

ности для власти Цезаря. Пусть все, что будет сделано, от чего ты не сможешь отвертеться, будет сделано по закону. Не по еврейскому Закону, Афраний, а по римскому. И не твоими руками! Это их внутреннее еврейское дело, Бурр. Но они должны запомнить, что их закон – это мы.

– Я понял, прокуратор.

Пилат кивнул, давая знать, что, если у начальника тайной полиции нет каких-нибудь дополнительных важных вопросов, то аудиенцию можно заканчивать.

У Афрания вопросов не было.

А если и были, то он не считал, что настало время их задать. Нужно было обдумать услышанное, привыкнуть к мысли, что все годы он недооценивал хитрость и ум человека, сидящего перед ним в кресле с высокой резной спинкой. Пусть одежды укрывают массивное, слегка покрывшееся жирком праздности тело воина, но за широким лбом скрывается недюжинный ум прекрасного политика и умелого игрока.

Да, к этой мысли нужно привыкнуть. И принять решение, как вести себя дальше.

Слегка согнув спину в полупоклоне (Пилат терпеть не мог подобострастно согбенных подчиненных и не скрывал этого), Афраний Бурр попрощался и вышел из залы. Ожидающий за дверями секретарь вопросительно взглянул на начальника тайной полиции и, получив в ответ утвердительный кивок, с мышиной ловкостью проскользнул к своему

столу, чтобы возобновить прерванную приходом Бурра работу.

Глава 6

Израиль. Иудейская пустыня неподалеку от Мертвого моря.
Наши дни.

Рувим Кац оказался прав: последние события многому научили Карла.

У Легиона не было истории, на примерах которой можно было бы привить его бойцам предусмотрительность или осторожность. Вернее, история была, но рядовым легионерам и легатам знать ее было не положено, да и узнать неоткуда. Все удачи и неудачи, конечно же, учитывались, но обособленность частей организации, гарантировавшая ей строгую конспирацию и возможность выжить при любых обстоятельствах, в данном случае играли против Легиона.

Неудачники умирали – таков был закон, и неизбежность наказания являлась одним из краеугольных камней существования тайного ордена. Вторым краеугольным камнем стали деньги, потому что нет на свете более сильного побудительного мотива, чем человеческая алчность! А если алчность соседствует со страхом, то человек делает невозможное!

Люди, создавшие Конклав и Легион почти две тысячи лет назад, не сомневались, что человеческая натура останется неизменной всегда, и оказались правы. Но человеку – лю-

бому человеку – свойственны также самоуверенность, самовлюбленность и беспечность, от которых ни страх, ни алчность уберечь не могут. Это под силу только опыту, но коллективный опыт рождается лишь в свободном обмене информацией, а вовсе не в обстановке секретности и таинственности.

Каждый легион, каждый легат, каждый легионер мог научиться преодолевать обстоятельства только на собственных ошибках. Успех же рождал уверенность, уверенность – беспечность, беспечность приводила к поражению, а поражение – к смерти.

Взамен проигравших приходили новые люди, но Конклав, связанный обязательствами, законами и уложениями прочнее, чем рабы цепями, не мог изменить существовавший изначально порядок.

Никто из новеньких не знал, что случилось с предшественниками. Никто не знал – были ли они. Никто не анализировал их победы и их ошибки. Каждый легионер начинал с чистого листа, пустого банковского счета, и каждый новый Первый снова и снова предлагал новичкам только лишь деньги и страх – ведь Вера и Идея были исключены из плана изначально.

Поражения и победы хранились в одном месте – в памяти Конклава – так было всегда и так должно было оставаться в веках.

Опыт, полученный Шульце в Израиле, был воистину бес-

ценен, но для того, чтобы его сохранить и передать дальше, нужно было выжить, а это оказалось задачей не из легких. Впервые на его памяти (и откуда ему было знать, что такое случалось не раз и не два?) легионеры столкнулись с организованным сопротивлением и не смогли переломить обстоятельства. Старик, журналист и девчонка – клоуны, на которых не стоило обращать внимания! – разгромили его группу и полностью уничтожили группу Кларенса.

Этого не могло быть!

Это не должно было случиться, но случилось!

Карл только что своими глазами видел зажеванные искореженным металлом тела легионеров, оставшиеся в минивэнах, а немец привык верить своим глазам. Те, кого он считал клоунами, оказались опаснее пустынной гадюки! И ему не надо было два раза объяснять новые правила…

Перед ними была не дичь, которую можно загнать и расстрелять без труда и сожаления. Перед ним был враг! Враг умный, грамотный, неплохо вооруженный и непредсказуемый. И еще… Врагу помогала страна, страна, враждебная Шульце по определению. Помогала, скрывая его в каменных трещинах своего тела, посылая навстречу Легиону свои самолеты с ненормальными пилотами за штурвалом…

Шульце был небедным человеком, а небедные люди быстро учатся понимать, чего хотят от жизни. Карл очень хотел выжить, чтобы насладиться заслуженной роскошью и праздностью в старости. А выжить означало одно – победить!

Поэтому никто не бросился за профессором и его спутниками очертя голову. Шульце и его люди вошли в ущелье в боевом порядке «два плюс два» с ПНВ на головах, в бронежилетах и со снятыми с предохранителей автоматами. У беглецов была пятнадцатиминутная фора, но их спасение было не в том, чтобы попытаться убежать или спрятаться! Нужно было сражаться и победить!

Это понимал Рувим Кац.

Это понимал Карл Шульце.

Это понимали все.

Смерть была так близка, что, казалось, в воздухе уже висит сладковатый запашок тлена.

Но вот только чьею была эта смерть?

* * *

Пустыня остывала.

Едва слышно пощелкивали разогретые за день камни.

Шагровский шагал молча, стараясь не сбиться с ритма.

Если бы кто-то еще пару недель назад сказал ему, что пустыня – это крутые горные тропы, провалы, разломы, рассекающие огромные каменные массивы на части, то был бы осмеян. Сегодня Валентину было не до смеха. Он снова потерял направление, не мог сообразить где какие стороны света, и ни яркая огромная луна, ни россыпь звезд на черной простыне южного неба не могли помочь сориентироваться.

Таинственная команда дяди «держаться левее» означала, что из открывавшихся им проходов в скалах Арин неизменно выбирала крайний левый. По мнению Шагровского, такая тактика должна была заставить их кружить на месте, на практике же они все дальше и дальше углублялись в каменный хаос.

Несмотря на то, что луна заливала скалы белым, холодным, как позёмка, светом, идти бесшумно не получалось даже у опытной Арин. Летящие из-под ног мелкие камушки звонко щелкали о камень, хрустели под подошвами ботинок осыпи, и даже тяжелое дыхание беглецов, казалось, разносится на многие сотни метров вокруг.

Погоня, конечно же, шла по пятам. Ее слышно не было, но Шагровский понимал, что стоит им троим на минуту остановиться, замереть и прислушаться, как их ушей достигнут шаги тех, кто спешит по их следам. Хотелось надеяться, что преследователи собьются с пути, очень хотелось. И еще хотелось сесть или лечь хотя бы на полчаса, чтобы перестали ныть натруженные икры, не горели стопы и невидимый мучитель прекратил бы закручивать шурупы в колени.

Он посмотрел на идущую впереди него Арин.

По тому, как девушка ставила ногу, по потерявшей прямизну спине можно было понять, что каждый новый шаг дается ей с огромным трудом. Неровная скалистая тропа выматывала, высасывала силы. Главное – не упасть, не повредить связку, сустав, не рассадить кожу до кости, ударившись

об острый выступ…

Внезапно Арин остановилась и подняла руку – внимание!

Они стояли на краю достаточно высокого обрыва. Скала уходила вниз, открывая глазу неширокое ущелье, на дне которого клубились непроницаемо темные тени, словно кто-то налил туда чернил.

Дядя Рувим ловко проскользнул мимо племянника и замер над провалом, высматривая дорогу. Арин негромко заговорила с ним на иврите, и Шагровский уловил только одно знакомое слово «нахаль»[11]. Профессор кивнул и поднял голову к небу, будто принюхиваясь, повел носом из стороны в сторону и поморщился. Из последовавшей за этим тирады Валентин не понял ни слова, зато Арин произнесла «беай-От» – проблемы – и несколько раз энергично выплюнула интернациональное «shit».

– В чем дело, Рувим? – спросил Шагровский тихонько. – Что-то стряслось?

Дядя пожал плечами.

Он взмок от пробежки по скалам, и от рубашки исходил резкий запах пота.

– Пока ничего. Арин говорит, что внизу ручей. Она слышит запах воды.

– И все?

Профессор отхлебнул из фляги, прополоскал рот, проглотил теплую влагу и покачал головой.

---

[11] Нахаль (ивр.) – ручей.

– Нет, не все. Я тоже слышу запах влаги, но не от ручья. Я эту воду затылком чувствую, последние два часа ноет не переставая – сегодня может быть дождь. Удобная штука – метеозависимость!

– Ну и прекрасно! – обрадовался Шагровский. – Дождь смоет следы!

– Сейчас апрель, – вмешалась Арин. Она начала говорить на русском, но тут же перешла на английский, так было легче сформулировать мысли. – В апреле дождь может быть сильным. Особенно сильным. Даже не дождь, а … настоящая суфА!

– Буря, – подсказал Рувим. – Настоящая буря! А настоящая буря в этих местах смывает не только следы… На иврите это называется шитафОн – что-то вроде наводнения. Вода скатывается с гор и сама выбирает русло. Или пробивает его себе. В принципе, она может легко подняться и до того места, где мы стоим, все зависит от того, сколько ее будет и как соберутся потоки.

Валентин с недоверием посмотрел вниз, в приоткрытую пасть провала.

– Будь уверен, – подтвердил дядюшка. – Я вовсе не шучу. Обычно буря длится несколько часов. Сначала приходит хамсин, а уже потом начинается ливень – настоящий, с молниями, громом! Все ущелья, что мы видели за эти дни, это русла, пробитые водой в скалах. Обратил внимание на камни с наш джип величиной? Их тоже принесли потоки! Поверь,

воды будет много, очень много! Гораздо больше, чем надо нам для того, чтобы скрыться…

Арин на мгновение положила руку на плечо Шагровского, нашла глазами его глаза и ободряюще улыбнулась.

– Нам надо вниз, чтобы успеть, – сказала она по-русски. – Ходи аккуратно, Вэл…

– Успеть куда? – с недоумением спросил Шагровский. – Зачем нам вниз, если там вода? И будет этот ваш, как его… шитофонОт?

– Поверху мы не пройдем, – отозвался дядя. – Все изрезано ущельями, так что если мы не научимся летать или на крайний случай, планировать через многометровые провалы, то дальше у нас путь только по руслам… Наводнение? Наводнение, конечно, страшно… Это я не спорю… Но мы с вами знаем о наводнении, а вот те, кто идет за нами, наверняка не знают. Так что одно преимущество у нас есть! Выберемся, Валек, не волнуйся – выберемся… Как говорил мой русский друг Беня Борухидершмоер: нет в мире жопы, которая нам не по плечу! Уж в чём в чём, а в жопах Беня разбирался виртуозно… Можешь мне поверить!

Издалека донёсся глухой рокот, словно на огромный барабан бросили пригоршню мелких камешков. Рокот возник на юге, за линий горизонта, прокатился над неровно освещенными скалами, отражаясь от стен ущелий и валунов, и замер, зацепившись за спящую в тени тьму, оставив после себя гудящее настороженное эхо.

А потом из пустоты вдруг пахнуло горячим. Воздух на мгновения наполнился запахом раскаленного песка, сухой мелкой пылью и жаром, как из духовки. Шагровский даже ощутил, как сворачиваются, подгорая, волоски на бровях и в носу, но тут же все стало на свои места и снова стало легко дышать.

– Хамсин, – произнес Рувим с отвращением. Он вглядывался в темноту, словно стараясь рассмотреть того, кто дунул на них горячим. – Черт бы его побрал! Хамсин! Он еще далеко, но скоро будет здесь! Быстрее, ребята! Вниз! Быстрее!

Иудея. Ершалаим.
30 год н. э.

Прокуратор был насуплен, более суров, чем до прихода Афрания, и вытирал вспотевшую голову куском мягкого полотна, смоченного в воде с лимонным соком. В воздухе все еще витал запах кожаной перевязи и пота.

– Что еще? – буркнул Пилат. – Мелочи отбрось, говори о главном.

– На праздники в Ершалаим прибыл тетрарх Иудеи Ирод Антипа, – проговорил секретарь быстро. – Он выразил вам свое почтение и передал подарки. Тетрарх надеется увидеть вас у себя в гостях сразу после праздника.

Пилат поморщился, как от зубной боли.

Антипу он не любил.

Никто не любил Ирода Антипу – ни братья, ни подданные,

ни римляне. Из всех сыновей Ирода Великого он был больше всех внешне похож на отца и поэтому всегда вызывал у окружающих желание сравнивать его с великим родителем, но, увы, такого сравнения не выдерживал.

Он был сложен почти как отец, но за одним исключением: Антипа родился коротконогим, и из-за этого широкие плечи и могучая грудь воина смотрелись на маленьких ножках смешно, не по размеру.

Он унаследовал от Ирода черты лица крупной лепки, но и тут природа пошутила – острые скулы, крепкий подбородок, широкий лоб плохо сочетались с крошечным ртом-бантиком, почти незаметным под сенью крупного крючковатого носа.

И умом своим Антипа, как это ни прискорбно, явно не дотягивал до отца. Впрочем, никто из сыновей не мог сравниться талантами с мертвым царем Иудеи. И именно по этой причине вместо великого Царства Ирода в его бывших владениях нынче разместились три отдельных государства. Неспособный к разумному царствованию этнарх Архелай лишился царского титула еще при Цезаре Августе и отправился в ссылку в Галлию, а Иудея стала римской провинцией под рукой прокуратора.

Северной тетрархией – Трахонеей, Батанеей и Авранитидой – продолжал успешно править второй сын Ирода Филипп, а Ирод Антипа, не особенно утруждая себя государственными хлопотами (зато умея выбирать умных советни-

ков), владел Галилеей и Переей.

Так пожелал разделить царство Ирода Рим – и так было сделано. У Цезаря Августа имелись на то веские причины, и даже самые горячие сторонники единого Израиля не предоставили аргументов против такого императорского решения.

Оставить страну в управлении сыновьям Ирода Великого означало ввергнуть Израиль в многолетнюю гражданскую войну, в разорение, залить одну из главных римских житниц кровью. Особого доверия к Филиппу и Ироду Антипе Цезарь Август не испытывал, и унаследовавшего проблему вместе с властью императора Тиберия не было оснований поменять отношение к тетрархам. За каждым их шагом внимательно приглядывали римские чиновники, донесения которых шли как к Пилату, в Кейсарию Стратонову, так и в Дамаск, на стол наместника Вителлия.

Каждый из тетрархов прекрасно знал, чем может кончиться малейшее проявление своеволия и чем грозит преступное неповиновение римской власти, поэтому конфликты между тетрархами и Империей были практически невозможны, а малейшие проявления недовольства пресекались одномоментно – грозным окриком сверху.

Пилату был более симпатичен взвешенный и рассудительный Филипп, но тот редко покидал пределы своих владений, и ждать его в Ершалаиме не приходилось даже на Песах.

Напротив, Ирод Антипа находил удовольствие в путешествиях. Приезжая в столицу, заполненную праздничными

толпами, словно рыночная площадь, он каждый раз считал своим долгом выразить свое уважение Пилату Понтийскому. Отказать ему в приеме прокуратор не мог, тем более, что Антипа всячески демонстрировал свою любовь к Риму и римскому образу жизни, следовал обычаям и традициям Империи куда как больше, чем обычаям своего народа и веры, а его столица Тивериада, мало похожая на иудейские города, носила имя в честь властвующего императора Тиберия.

Именно Ирод Антипа унаследовал от Ирода Великого страсть к строительству, и это было единственное его качество, признаваемое и друзьями и врагами как несомненное достоинство.

Да, Антипа не был умен, как отец, не был так уравновешен, как брат Филипп, но притом далеко не глуп и правил куда лучше томившегося на чужбине Архелая. Его мало интересовало мнение тех, кто не мог изменить его судьбу. А изменить ее мог только правитель Рима и его наместники, которых Ирод Антипа боялся настолько, что даже уважал.

Оба брата-тетрарха славили Цезаря, всячески выказывая свое расположение к нему, но в то время как Филипп вел размеренную, скучную жизнь праведника, лично вершил суд и разрешал споры мудро, подобно еврейскому царю Шломо, Ирод Антипа жил в свое удовольствие.

В его дворце играла музыка, лилось рекой вино, стояли статуи и постоянно звучал призывный женский смех. Что там говорить – он даже открыто жил с бывшей женой Фи-

липпа – Иродиадой, без стеснения нарушая священные для евреев законы Мозеса, запрещавшие иудею брать к себе жену брата, пока она не овдовеет. Его откровенно льстивые манеры и сладкие речи, в изобилии лившиеся из крошечного рта тетрарха при встрече, приводили Пилата в раздражение, но положение обязывало не отвергать приглашение, и, справившись с брезгливою гримасою, прокуратор ответил на вопросительный взгляд секретаря:

– Обязательно, в любой удобный для него день. Напишите ему. Дальше?

Дальше пошли неотложные хозяйственные списки.

Гарнизонные дела, а гарнизон в Ершалаиме был невелик, решали Марк и Квинтиллий, но документы, касающиеся расходов на снабжение войска продовольствием и фуражом, на ремонт казарм и на работу оружейников, подписывал прокуратор. В очередной раз удивившись про себя сумме, истраченной на содержание кавалерийской турмы, Пилат подписал счета.

В сравнении с теми деньгами, что платились через Афрания шпионам и соглядатаям, наводнявшим улицы Ершалаима, гарнизонные траты казались мелочью. Но если бы люди Бурра не сообщали о каждом подозрительном писке в подворотне своему хозяину, вместо трех центурий и алы здесь пришлось бы держать как минимум легион. Так что пока арифметика складывалась Пилату на пользу.

С нескрываемым облегчением просмотрев последний

пергамент, прокуратор приказал секретарю удалиться и снова промокнул голову и шею влажным полотном. Если повезет, то вскоре после полудня между колоннадами дворца начнет гулять легкий ветерок, он разгонит застоявшийся над горячими камнями воздух, и можно будет дышать. В Кейсарии он спасался у моря или в бассейне, наполненном прохладной водой. Хотя, надо сказать, дышалось в Ершалаиме легче, чем в Кейсарии Стратоновой – воздух был суше, а вечером, когда с гор спускалась прохлада, можно было даже замерзнуть во сне, если не прикрыть ноги легким одеялом. Прокула, не выносившая холода совершенно, спала, с головою накрывшись покрывалом из овечьей шерсти.

Вспомнив о жене, Пилат невольно улыбнулся.

Родители ее, люди богатые, но лишенные места при дворе и, соответственно, императорской милости, были счастливы выдать дочь за военачальника из рода всадников, фаворита командира преторианцев, делавшего стремительную карьеру. Странно, но случилось так, что женщина, отданная ему в жены по расчету и не вызывавшая сначала ровным счетом никаких чувств, сейчас – единственный человек, которому Пилат доверял абсолютно.

Хотя, подумал прокуратор, абсолютно – это слишком сильное слово. Абсолютно Пилат не доверял никому, даже себе.

Он вышел на балкон и, опершись о низкую балюстраду, с надеждой посмотрел на ярко-синее, режущее глаз небо.

Ни облачка.

Висящий в зените раскаленный шар здешнего неистового солнца.

Шум города, неясный, тревожный, как гудение в гнезде диких ос, едва доходил во внутренний двор Претории.

И все-таки в воздухе неуловимо пахло грозой. Она была далеко, очень далеко – возможно, что дождь хлынет с небес только через несколько дней, но то, что с севера на Ершалаим катится тяжелая грозовая туча, прокуратор мог сказать определенно. Он достаточно долго прожил в этой стране, чтобы уметь определить приближающееся ненастье по почти неуловимым признакам – особому дыханию ветра, по изменившейся дрожи раскаленного воздуха над каменными плитами мостовых, по отчаянному полету ласточек и стрижей над крышами.

Гроза приближалась. Он был в этом уверен.

Прокуратор убрал широкие ладони с перил и, переводя дыхание, отступил с пекла в спасительную тень залы.

Под мантией между лопаток покатилась струйка холодного пота.

Буря близко, но когда она грянет над городом, Пилат не знал.

Глава 7

Израиль. Иудейская пустыня
неподалеку от Мертвого моря.
Наши дни.

Карл замер, почувствовав на лице дуновение горячего ветра.

Замер и поднял руку, приказывая своему маленькому отряду остановиться.

– Что это было? – прошептал Морис, бесшумно скользивший справа от легата.

Карл покачал головой.

Лунный свет давал возможность различать не только жесты, но и выражение лиц спутников, но сильно портил картинку в окулярах ПНВ – глаза нестерпимо резало от ярчайшего зеленого света, заливающего визир, поэтому все четверо продолжали преследование, откинув приборы в положение «на лоб».

– Не знаю, – произнес немец едва слышно. – Но это мне не нравится!

Морису тоже не понравилось прилетевшее с юга дыхание. Опасность француз чувствовал кожей, на уровне инстинкта, и инстинкт подсказывал ему, что ничего хорошего от притаившегося в скалах великана ждать не приходится. А вот неприятности… Это да! Неприятностей можно не обобрать-

ся! И еще – этот рокот…

Среди двоих оставшихся легионеров Карла один, бельгиец по имени Ренье ван дер Ворт, воевал в составе Французского иностранного легиона и помнил, как приходит хамсин в районе Аденского залива. Он вспомнил и тут же насупился: об опасности надо было предупредить начальство. Хамсин – это не просто пыльная буря. Хамсин – враг, которого надо встречать во всеоружии, если, конечно, хочешь его пережить. Крайне желательно иметь укрытие. Нужны мокрые повязки, чтобы дышать. Нужны противопылевые очки. А, вообще, хотелось бы оказаться за пару сотен километров отсюда, потому что, когда буря навалится на их отряд, никому не будет сладко…

Ренье вспомнил ревущую и клубящуюся стену, налетевшую на их роту, набившийся в рот, в нос, в уши мелкий красновато-черный песок, гноящиеся глаза и постоянный мерзкий кашель, после которого на тропе оставались сгустки черной мокроты…

Вспомнил и содрогнулся.

Второй легионер из отряда Вальтера, датчанин по имени Ларс Йенсен, никогда не бывал в Африке и на Ближнем Востоке, но тоже насторожился, глядя, как замерли Карл и Морис, и как поводит носом, словно собака, уловившая след, его напарник.

Йенсен был испуган.

События последних двух дней заставили его задуматься, а

насколько в действительности легки те деньги, что приносит ему сотрудничество с седым и молчаливым человеком, которого он знал под именем Вальтер. Участь, постигшая людей Кларенса, окончательно разрешила дилемму – ни одни деньги не стоили того, что случилось с этими ребятами! Ренье – другое дело! Он профессиональный наемник. Не то чтобы бельгиец много говорил, но по некоторым фразам, по тому, как он обращается с оружием, по его ухваткам можно догадаться, что ему многое пришлось повидать.

Йенсен тоже повидал немало – служил в бывшей Югославии, потом осел в охранной структуре в Исландии… Одно время его звали снова взяться за автомат, но Йенсен в профессионалы не стремился: воевать его больше не тянуло, ведь на войне можно и умереть! Он бы так и просиживал штаны за пультом в диспетчерской, пил пиво и в ус себе не дул, но случившийся кризис заставил его сняться с насиженного места.

Предложение Вальтера он принял в тот момент, когда понял, что ссуду на дом ему теперь уже не выплатить без помощи чуда, а чудо, как известно, нужно создавать собственными руками. Пусть работка была мутная, пахнущая кровью, но оплачивалась она превосходно! Буквально первых же двух операций хватило, чтобы забыть о финансовых проблемах и начать откладывать на черный день. Убивать, конечно, грешно, но Ларс считал, что убивает не он, а Организация – Легион. Он – всего лишь руки, не более. Только

вот сейчас, когда жертвы оказались не так беззащитны, как случалось до того, Йенсен понял, что смертоносный Легион останется, а вот он, вполне материальный, конкретный человек, имеет все шансы умереть за не очень большие деньги. За сумму, которой его жене и двум детям не хватит даже на пару лет. Умирать Ларсу не хотелось – ни за деньги, ни за идею.

Из игры надо было выходить, и Ларс дал себе слово, что эта миссия – последняя. В конце концов, кризис почти закончился! Неужели он с его опытом и физическими кондициями не найдет себе работу в охранном бизнесе? Не может быть! Обязательно найдет! Только бы выбраться отсюда! Из этой страны! Из этой каменной пустыни! Подальше от непонятного старикана и его помощничков, умудрившихся за два дня оставить от смертоносного, не знавшего поражений элитного отряда жалкие ошмётки! Подальше от Вальтера, от маленького, похожего на обозленного хорька француза, появившегося из ниоткуда! Пусть сами подставляют свои головы под еврейские пули!

Но даже для того, чтобы сбежать, нужно было выйти из пустыни, а они все глубже и глубже уходили в лабиринты из выветренных скал, узких ущелий и каменистых троп. И там, в этом лабиринте, их ждало все что угодно, кроме спасения. Датчанин чувствовал, что за жизнь придется сражаться и, несмотря на заполнявший его естество животный страх, был готов зубами выгрызть свое спасение. Это был как раз тот

случай, когда испуг делает из труса героя: Йенсен очень хотел вернуться домой.

Ренье осторожно и совершенно бесшумно приблизился к легату и зашептал что-то ему на ухо. Морис сделал вид, что совершенно не интересуется происходящим, на самом деле пытаясь расслышать хоть что-то – мало ли какие мысли придут в голову Карлу? – но немец сам шагнул к нему и заговорил, понизив голос до максимума:

– Ренье говорит, что приближается пыльная буря… Но от пыли еще никто не умирал, так, напарник?

В свете луны сверкнули керамические челюсти – Карл ухмылялся.

Морис кивнул и первым двинулся дальше. Из-под его ног рванул в сторону заспавшийся на теплом камне скорпион. За французом, ступая с осторожностью кота, двинулся Ренье, потом пошел Ларс. Тени заскользили по скалам, причудливо изгибаясь и множась на изломах каменных стен. Замыкала четверку массивная фигура Карла. Он шагал последним, и ночь смыкалась за его пропотевшей спиной.

В этот момент в километре от них профессор Рувим Кац, Валентин Шагровский и Арин бин Тарик начали спуск вниз по тропе, ведущей со склона в каменные реки Иудейской пустыни – они исчезли с поверхности, словно ушедшие в глубину аквалангисты.

* * *

Двигаться под прикрытием нависающих сверху скал оказалось сложнее, чем ходить по каменным осыпям. Склоны гор были ярко освещены полной луной, в то время как вниз свет почти не попадал. Помучившись минут десять и едва не свернув себе шею, Рувим все-таки включил трофейный налобный фонарик. Конечно же, с одной стороны яркий светодиодный луч мог демаскировать, но с другой стороны – двигаться без подсветки было вовсе невозможно!

Профессор занял позицию лидера и, стараясь как можно меньше крутить головой, повел своих спутников по высохшему руслу. Темп он задал высокий, только успевай, и идти за ним было непросто – приходилось повторять его маневры практически вслепую, ведь дорогу видели только дядя и, отчасти, идущая за ним Арин. Валентин же наблюдал только прыгающее впереди бледное пятно да спину девушки, которую надо было постоянно держать в поле зрения и повторять ее маневры так, чтобы не наткнуться на один из валунов, в изобилии лежавших на дороге.

Через полчаса такой ходьбы, более похожей на медленный бег с препятствиями, у Шагровского появилось желание застрелиться, только бы мучения закончились. Но к этому времени дядя заметил какую-то боковую тропку, взбиравшуюся на склон слева от них, и повел спутников по ней. Дорожка

оказалась узкой, едва ли полметра в ширину, но вполне проходимой и куда как более удобной для передвижения, чем та, по которой они шли только что. Жаль, что счастье было недолгим – тропка спикировала резко вниз, отчего пришлось укорачивать шаг или вовсе переходить на приставной, рискуя слететь кубарем в облаке из щебня и пыли. Профессор выискал еще одну тропку, на этот раз изгибающуюся по правому склону.

– Ищите пещеры, – проговорил он, задыхаясь от бега. – Тут их много! Нужна такая, чтобы мы могли к ней подняться…

Пещер, действительно, было много.

Темные пятна рассыпались по склону ближе к гребням, там, где свободно разгуливал по скалам лунный свет. Но вот подняться на такую высоту могли только птицы, и спрятаться ни в одном из каменных убежищ оказалось невозможно.

Двигаясь, профессор соблюдал тот же принцип левой руки, что и раньше, выбирая крайние левые ответвления ущелий и дорог. Два раза им пришлось вернуться – боковые проходы оказались тупиками. Один оказался заросшим и диким, он никогда и не был сквозным проходом – в конце стояла осыпающаяся вертикальная стена, а вот второй образовался в результате недавнего камнепада, закупорившего узкое ущелье наглухо. Недавнего – означало минимум несколько лет назад.

Наткнувшись на препятствие, группа разворачивалась и

шла до первого правого поворота, отматывая назад метры с трудом пройденного пути. Каждый возврат на основную дорогу стоил им десяти минут из с трудом завоеванной форы, и если бы погоня не петляла и не тормозила, разыскивая следы беглецов, то уже давно бы дышала им в затылок.

На самом деле, отрыв был больше, чем думали беглецы, но знать, что их преследователи двигаются так медленно, они не могли. Рувим заботился о том, чтобы найти пещеру, которая могла послужить убежищем или местом для засады. Он прекрасно понимал, что еще полчаса такого бега исчерпают его силы и изрядно утомят Валентина с Арин, а это значит, что делать остановку придется на открытом месте. Четверо против троих было бы неплохим раскладом, только вот приборы ночного видения и снайперская винтовка могли изменить расстановку сил не в пользу беглецов. Будь рядом с Рувимом бойцы его бывшего подразделения, те ребята, с которыми Египтянин совершал свои рейды, и профессор бы никуда не бежал – четверку, висевшую у них на хвосте, вырезали бы, как только преследователи сунулись в каменный лабиринт – без единого выстрела. Но рисковать племянником и девушкой Кац не мог и не хотел.

Нужно было найти укрытие! Нужен был ход, который бы помог одолеть противника, избежав потерь! Профессор слишком долго был военным, чтобы не понимать – боя без потерь не бывает. Слишком долго они обманывали судьбу, слишком долго им везло. И везение могло кончиться в лю-

бую минуту.

Беглецов и группу преследования разделяло расстояние в полкилометра, если брать напрямую, и вдвое больше, если считать путь по тропам. По идее, легионеры должны были догнать археологов в течение часа – дистанция неуклонно сокращалась по мере того, как Рувим и его спутники уставали больше и больше: где взять силы на третьи сутки погони?

Но находить следы на каменных россыпях становилось все труднее и труднее и, в конце концов Вальтер допустил ошибку, выбрав не то ответвление. Преследователи ушли правее, и ущелье, по которому они двигались, увело легионеров в сторону. Теперь группы двигались под прямым углом друг к другу, и все больше поворотов и каменных стен отделяло загонщиков от жертв.

Через час погони впустую немец понял, что потерял след и, выругавшись, уселся под стенкой, присосавшись высохшим ртом к фляге. Нужно было возвращаться к месту, где след был потерян, или искать проход, ведущий восточнее того места, где они находились сейчас. В том, что группа профессора находилась к востоку от него, Карл был уверен и, что странно, не ошибался. Трое беглецов действительно находились восточнее… Взмахнув рукой, немец повел своих спутников вперед, внимательно разглядывая скалу слева. На экране GPS проходы были обозначены, значит, хотя бы один из них существовал в действительности! Боковой ход выведет его на выгодную позицию! Прямо наперерез старо-

му еврею и его птенцам! Уж теперь Карл не собирался дать маху! Утро он встретит победителем!

Приблизительно в это же время Арин увидела вход в пещеру, находящуюся в пределах досягаемости. Для того, чтобы выдержать осаду, пещера не годилась, а вот чтобы пересидеть до того момента, как мимо пройдет погоня, и ударить преследователям в спину – была в самый раз! Оставалось не наследить и не указать врагам собственное расположение, что беглецы и постарались сделать.

В каменном убежище было тесно, но потому и теплее, чем снаружи. Тела и одежда пахли дневным потом, но никого из троих, привыкших к чистоте и гигиене в той жизни, в жизни этой отсутствие душа уже не смущало.

Профессор вызвался дежурить первым, и Шагровский с Арин не стали спорить, а, рухнув на камни, уснули мгновенно, прижавшись друг к другу, как любовники после бурно проведенной ночи.

Рувим же сел у самого выхода, стараясь устроиться как можно менее комфортно – его не на шутку клонило в сон, а спать было нельзя, вот профессор Кац и сидел на остром валуне, как воробей на ветке, не выпуская из рук автомата. До того, как он разбудит племянника, оставалось полтора часа. А, возможно, и гораздо меньше: все зависело от того, смогли ли ликвидаторы удержаться у них на хвосте.

Иудея. Ершалаим.

30 год н. э.

Несмотря на многие годы, проведенные в этой стране, и на то, что возраст давал о себе знать не только проступающей на висках сединой, в душе Афраний чувствовал себя молодым человеком. Да что чувствовал? Он и был молодым человеком – Пилат родился почти на шесть лет раньше, чем начальник тайной службы прокуратора Иудеи. Глядя на всадника Золотое Копье, можно было предположить, что он старше Афрания не на шесть, а на все двадцать шесть лет, но это потому, что Афраний был гораздо суше прокуратора и рядом с массивным торсом воина, которым природа наградила Пилата, вовсе казался хрупким юношей.

Но стоило только приглядеться к этому «юноше», и становились заметны глубокие складки вдоль носа, пробороздившие лицо начальника тайной службы ножевыми порезами, морщины на шее и в уголках темных усталых глаз, глядящих на мир холодно и без иллюзий. И руки Афрания при ближайшем рассмотрении оказывались вовсе не тонкими и изящными, какими казались на первый взгляд, а словно скрученными из жил – с неожиданно крепкой кистью фехтовальщика и сильными худыми пальцами, похожими на когти хищной птицы. Хотя начальник тайной службы очень редко появлялся на улицах Ершалаима без серого бесформенного плаща с надвинутым по самые брови капюшоном, но все равно – безжалостное здешнее солнце выдубило его кожу до темно-коричневого цвета, превратив лицо Афрания в некое подобие

маски (такие вырезали из дерева темнокожие племена, жившие далеко на юге).

Большинству римских граждан служба в мятежной провинции могла показаться малопривлекательной, а Афраний был доволен своим назначением, и, даже если бы вдруг император Тиберий приказал бы ему вернуться домой, пусть даже с повышением…

Одна мысль об этом вызывала у Афрания зубную боль.

Вернуться в Рим? Никогда и ни за что!

Тут, среди мятежных евреев, в центре заговоров и интриг каждого против каждого, Афраний чувствовал себя по-настоящему нужным и живым. Здесь и только здесь он был первым после Бога, а на какое место он мог бы претендовать в столице? Что бы он делал там, в надменном Риме? В Иудее его карьера была головокружительной! Зачем желать большего?

У Пилата, конечно, было больше власти, зато у Афрания куда больше информации, а что стоит власть, которая слепа? Афраний всегда знал, что не железо правит Империей. Империей правят те, кто знает все и обо всех – они направляют легионы. Не только Пилат, но и Вителлий, не кажущий и носа из Сирии, во многом зависел от информации, поставляемой Афранием, от того, что и как делал этот невысокий, высохший под жарким солнцем Иудеи человек. Правда, у Вителлия был свой начальник тайной службы – грек Александр, но…

В общем, его Афраний всерьёз не принимал. Со своими прямыми обязанностями Александр, конечно, справлялся неплохо – Вителлия до сих пор не зарезали, хотя хотели, и не раз, и это все-таки характеризовало грека с хорошей стороны. Но как стратег Александр был, как бы это сказать помягче… Вовсе никакой.

Пробираясь через густую, как баранья похлебка, толпу, заполнившую Рыночную площадь от края до края, начальник тайной службы прокуратора Иудеи едва не оставил там свой плащ. Праздник был близок – это Афраний ощущал буквально всем телом.

Он скривился, выдергивая застрявшую меж двух корзин полу.

Как всегда на Песах, в Ершалаим съехались все, кто мог (многих приезжих Афраний предпочел бы здесь никогда не видеть) – евреи из Александрии, Рима, темнокожие иудеи с Юга, сирийские евреи, евреи из всех провинций страны и из самых отдаленных мест за ее пределами. Внести свою лепту на храм да принести жертву Яхве, что еще нужно иудею для того, чтобы следующий год прошел для него и его родичей хорошо? Ах, да… Еще пасхальная трапеза…

Но на праздник приезжали и неевреи – египтяне, сирийцы, греки, македоняне, сабеяне, эфиопы и еще неизвестно кто и откуда – вплоть до оливковых купцов из далекой Индии, северных варваров, волосатых, как обезьяны, рыжих бриттов и завернутых, несмотря на жару, в вонючие шкуры

галлов…

Ершалаим принимал всех – и тех, кто пришел помолиться в Храме, и тех, кто решил на этом заработать. Весь город пропах баранами и мочой – в эти дни продавалось невообразимое количество животных, и улицы столицы буквально покрылись навозом. Пришлые люди тоже особо с надобностями не церемонились – попытки городской стражи хоть както следить за соблюдением чистоты и порядка были тщетны. Афраний даже не пытался смотреть под ноги – здесь, в районе Рынка, это было совершенно бесполезно. Он просто шагал, стараясь не оскользнуться, протискиваясь боком там, где толпа становилась особенно плотной. Если в Верхнем городе было относительно тихо, то в городе Нижнем царил невообразимый шум. Люди галдели, бараны и овцы блеяли, пронзительно кричали торговцы водой и сладостями: тысячи и тысячи голосов сливались в один мощный гул, слышимый не ушами, а костями черепа, и от этого звука у Афрания чесались зубы.

Людская пена, заполнившая Ершалаим, бурлила на его улицах и площадях, как подошедшая чечевичная похлебка. От мельтешащих вокруг лиц у неопытного человека могла бы закружиться голова, но начальник тайной службы видел уже не один Песах и ко всему привык. Это был его город. Он не любил толпу, но это была его толпа – в ней он чувствовал себя, как рыба в реке. Как хищная рыба.

Он еще раз окинул взглядом Рыночную площадь.

Воры, срезающие кошельки с поясов, шныряли в толпе с выражением абсолютного счастья на лицах – уж кто действительно любил праздники, так это они! Денег в Ершалаиме и так всегда хватало, а когда в столицу приезжали гости…

Торговля шла на каждом клочке земли. Те, кто победнее или побережливее, приводили жертвенных агнцев с собой. Те же, кто мог не тащить ягненка за многие лиги, покупали жертву для Яхве на месте – и их было много крат больше. Песах – лучший праздник не только для воров, но и для торговцев скотом, менял, продавцов воды, пекарей, хозяев постоялых дворов и гостиниц, для гулящих женщин, жуликов, предсказателей судеб, фокусников и проповедников.

И, конечно же, для канаим.

К ним, непримиримым, Афраний не питал ненависти. Более того, он относился к зелотам с уважением, как к опасному и коварному врагу, но ненавидеть…

Ненавидеть – это слишком большая роскошь, слишком опасно! Давать волю эмоциям означало поставить себя в невыгодное положение, все равно, что обнажить перед противником уязвимое место. Только холодный трезвый расчет. Только доскональное знание неприятеля, его приемов, целей и тактики. Афраний не мог похвастать тем, что предугадывает действия врага, но твердо знал, что каждый праздник, каждое стечение народа в Ершалаим означало: клинки непримиримых снова окрасятся кровью. Их жертвами станут евреи, сотрудничающие с римлянами, мытари, прости-

тутки, крутящиеся возле солдатских казарм и, если не повезет, сами римские солдаты.

Сначала приехавший в Иудею Пилат приказал казнить сотню евреев – любых евреев, просто схваченных на улице – за каждого убитого римлянина, и Афраний едва уговорил его отменить приказ. Сделано это было не от излишнего человеколюбия (начальник тайной службы при прокураторе Иудеи не мог позволить себе роскошь любить людей, ни в общем, ни в частности), а исходя из опыта предшественников и личного опыта.

В свое время Валерий Грат, сообразивший, что такая политика приводит не к желаемому результату, а лишь плодит новых непримиримых среди иудеев, отказался от казни заложников и по каждому случаю гибели римлянина начали работать дознаватели. Иногда убийцу удавалось схватить, иногда нет, но чаще все-таки хватали, и тогда на Кальварии, которую иудеи называли Голгофой, ставили крест, на котором и повисал виновный – без милосердия, с целыми голенями. Такие умирали долго, но смерть их имела конкретную причину, понятную и канаим, и простым иудеям.

Глаз за глаз, кровь за кровь.

Зелоты не перестали убивать, римляне не перестали их казнить, но настойчивость и авторитет Афрания не позволили Пилату превратить Ершалаим в поле битвы. Это оценили члены Большого Синедриона, священство и сами канаим. Афраний знал, что существует негласный договор среди зе-

лотов – не трогать начальника тайной службы, может, потому он и позволял себе ходить по городу без охраны, полагаясь только на капюшон своего поношенного плаща. Его смерть развязала бы руки Понтию Пилату, а что такое Пилат с развязанными руками, в Ершалаиме хорошо помнили. Афраний был врагом канаим – умным и беспощадным. Канаим были врагами Афрания и знали, что будет, если они попадут в руки его дознавателей. Но между ними, несмотря на войну – войну ежедневную и жестокую – существовали правила. Без Афрания правила отменялись. Сотня евреев за каждого римлянина – у всадника Золотое копье был свой счет к этой стране, так что кинжальщики сами закололи бы каждого, кто замыслил бы зло против главы тайной службы.

Через полторы сотни шагов толпа поредела, под сандалиями перестало чавкать растоптанное овечье дерьмо, и дышать стало гораздо легче. Сквозь острую вонь фекалий проступили обычные городские запахи, иногда малоприятные, но все же не настолько отвратительные, как тот, что был густо разлит вокруг рыночной площади.

Слегка сутулясь, Афраний скользнул в приоткрытую дверь одной из лавок, серой тенью мелькнул в полумраке среди выставленной на продажу металлической посуды и светильников из Персии и вдруг исчез, словно провалился. Хозяин лавки, дремавший в углу, не двинул и веком – он спал или делал вид, что спит. Даже очень внимательный наблюдатель не заметил бы шевеления огромного шерстяно-

го ковра, за которым перед Афранием открылся узкий проход, в котором можно было двигаться только боком, касаясь спиной и грудью шершавых небеленых стен. Человек более крупного сложения коридора не преодолел бы коридора, застрял бы в нем, как пробка в горлышке кувшина, начальник же тайной полиции ровно через три вздоха оказался в другой лавке – хлебной – двери которой выходили на другую улицу. Лавка была пуста, квасное уже удалили из города – Ершалаим накануне праздника не выпекал хлебов – поэтому Афраний, никем не замеченный, прошел к двери, открыл ее, откинув засов, и снова оказался в толпе.

Тут походка его изменилась: плечи развернулись, он перестал сутулиться и зашагал вниз по мостовой походкой моряка – слегка вразвалочку, раскачиваясь при каждом шаге. Капюшон, закрывавший голову, Афраний отбросил, обнажив перед встречными неожиданно благообразное лицо типичного римлянина – скуластое, с крупным, но тонким носом и темными блестящими глазами под выпуклым, с залысинами лбом. Волосы начальника тайной службы были коротко стрижены по военной моде, и от этого стала особенно заметна седина, густо окрасившая виски в цвет стали.

Впрочем, с открытым чужим взглядам лицом он шагал недолго. Свернув на боковую улочку, Афраний шагнул за каменный выступ и, прижавшись спиной к грубой старой кладке, замер в ожидании. В переулке сильно пахло мочой, Афраний старался дышать поверхностно, чтобы не чувство-

вать себя в выгребной яме. Он ждал так минуту, а может больше. За это время в переулок вошли четверо – торговец рыбой, тащивший на плече огромную корзину с товаром, женщина с ребенком да супружеская пара, шумно выясняющая отношения.

Все они прошли в шаге от Афрания, не заметив его и не почуяв его присутствия.

Бесшумно и быстро начальник тайной службы покинул свое убежище, руки его взлетели к плечам, набрасывая капюшон на место, и в этот момент на миг стал виден широкий пугио в кожаных ножнах, висящий на поясе у Афрания. Пройдя полсотни шагов, Афраний взбежал по крутой лестнице со щербатыми ступенями, расположенной меж двух богатых домов. Тень в этом месте напоминала сгусток ночной тьмы – вверх по стенам ползли пышные лозы дикого винограда и смыкались аркою, закрывавшей солнечный свет.

В этой густой тени Афраний и канул, как несколько минут назад исчез за шерстяным ковром: вот он был здесь, а вот и нет его вовсе.

На самом деле Афраний никуда не исчезал. За виноградными листьями скрывалась дверь – ее начальник тайной службы и открыл, с привычной небрежностью ковырнув ключом. За дверью обнаружился садик – тенистый и приятный на вид, с небольшим фонтаном по римскому примеру, прилепившимся у входа в дом. Тут было гораздо прохладнее, чем на улице, а в доме еще прохладнее, и пахло гораздо

приятнее, и Афраний, воспользовавшись тем, что тот, кого он хотел увидеть, пока не пришел, вернулся во двор и омыл ноги, выглядевшие после похода по рынку как ноги крестьянина, весь день не покидавшего хлев.

Сидеть в теньке было приятно. Афраний замер на скамейке под смоквой, практически слившись со стеной. Он не пошевелился, когда калитка распахнулась, пропуская во двор дома невысокого человека в поношенном кетонете и со здешней разновидностью солдатских калиг на кривоватых ногах. Человек был практически лыс, лишь на затылке кудрявились редкие бесцветные волосенки, зато борода его была густа и брови устрашающе топорщились над глубокими глазницами, из которых на мир смотрели темные навыкате глаза. Лицо пришельца было широким и все на нем выглядело под стать бровям: крупные губы, большой нос – бесформенный и бугристый, скорее всего, изуродованный давним, очень сильным ударом. От виска вниз, прочертив щеку, сбегал шрам. Афраний знал, что на левой руке человека не хватает двух пальцев – мизинца и безымянного, отрубленных в схватке много лет назад. Начальник тайной службы хорошо знал этого человека, а тот – Афрания.

– Здравствуй, Малх! – сказал Афраний негромко. – Ты задержался…

– И тебе – привет, – отозвался гость. – Странная у тебя привычка, Бурр, пугать людей, оставаясь невидимым. Я же тебя не заметил!

Он шагнул к фонтану и принялся пить, шумно черпая воду горстью.

– Я не прятался, – заметил Афраний, ухмыляясь под капюшоном. – Просто ждал.

– Жарко…

Малх плеснул водой на разгоряченное лицо, на лысину и фыркнул довольно, рассыпая вокруг себя мелкие капли.

– Как ты только ходишь по улицам в своем плаще в такую жару?

Афраний пожал плечами.

Он знал, что его подчиненные, давно изучившие повадки начальника, за глаза называют его человеком в сером плаще. О его привычке закрывать лицо, находясь в городе, проведали и его враги, но все же именно знаменитый плащ, о котором были наслышаны все, делал его невидимкой на улицах Ершалаима. Конечно же, под капюшоном было жарко, гораздо жарче, чем без него, но какое это имело значение?

– Пойдем в дом, – сказал он, поднимаясь со скамейки. – Там удобнее.

Малх кивнул, и перед тем, как последовать за Афранием, задвинул засов, наглухо закрывая вход в садик.

Глава 8

Париж. Отель «Плаза».
Наши дни.

Ночной звонок всегда тревожен, даже если это не звонок вовсе, а нежное мурлыканье многофункционального аппарата.

Таччини уснул не более получаса назад, и потому пробуждение было особенно болезненным: мысли смешались, он даже не сразу сообразил, где именно находится. Правда, рука сама по себе потянулась к выключателю ночника, и в размытом желтоватом круге света возник картонный флаер с золотым тиснением и надписью «Отель Плаза на Елисейских полях. Уважаемые гости! У нас не курят. Спасибо».

Телефон продолжал звонить, подмигивая красной лампочкой – обычный гостиничный телефон, весь усеянный кнопками. Позвонить на такой аппарат напрямую из города невозможно, только через коммутатор. Из номера в номер? Впрочем, что гадать? Узнаем…

Он снял трубку, одновременно посмотрев на свой «Патек Филипп» – половина третьего ночи.

– Месье Таччини? Доброй ночи! Я прошу прощения за то, что беспокою вас, – судя по голосу, портье действительно испытывал неловкость оттого, что так поздно разбудил постояльца. – Но меня убедили в том, что вы ждете звонка. Ес-

ли же нет, то еще раз прошу меня извинить – я немедленно отключаюсь!

– Кто убедил? – буркнул Таччини.

– Простите? – не понял портье.

– Кто мне звонит?

– Ах, да, месье… Звонок от месье Розенберга. Могу я соединить вас, месье?

– Соединяйте…

– Доброй ночи! – голос у Розенберга был бодрый. Или он не хотел спать, или уже выспался. – Я смотрю, вы любите Париж?

– Да, я люблю Париж, – сказал итальянец не особо дружелюбно. – Вы решили перезвонить мне, Розенберг, после того, как я двое суток безрезультатно обрываю вам телефоны?

– Мне обрываете? Телефоны? – искренне удивился Розенберг. – У вас есть мой номер? Странно. Я, в принципе, сам не знаю своего номера. Так получается по жизни – сегодня один телефон, завтра – другой… Разве у вас не так?

– У меня по-разному, – отрезал Таччини. – Я искал вас, ваших хозяев, кого-нибудь, с кем можно обсудить сложившуюся проблему…

– Мой дорогой синьор Таччини, – проворковал Розенберг. – Хочу вам сообщить, что ни у меня, ни у, как вы выразились, моих хозяев никакой проблемы не сложилось. Она, наверное, сложилась у вас. Но позвольте напомнить наши предварительные договоренности: ваша проблема – это толь-

ко ваша проблема. Не моя. Не моих хозяев. Только ваша. Мы дали вам срок – урегулировать свои вопросы вы должны были до сегодняшней полуночи. Мои наниматели гарантировали невмешательство. Только невмешательство. Отвернуться, знаете ли, это одно, а вот поддержать – уже совсем другое.

– Для чего вы мне звоните, Розенберг?

– Я звоню, чтобы сообщить вам, Таччини, что время вышло. Начиная с двенадцати часов ваши люди на территории Израиля вне закона.

– Вот, значит, как…

– Вы ждете аплодисментов? Поинтересуйтесь, что натворили ваши посланцы за два последних дня! Просто уму непостижимо. Откуда у вас такие отморозки?

– Вы уже нашли их?

– Пока нет, но мы знаем, где они находятся…

– Значит, они все еще действуют? – спросил Таччини, радостно ухмыляясь. Он даже сел в кровати. – Понимаю вас, Розенберг! Ночь на дворе! Кто ж идет на операцию на ночь глядя? Да, никто! Перевожу с еврейского на английский – вы даете мне шанс управится до рассвета. Я правильно перевел?

– Повторяю. С полуночи ваши люди вне закона, – жестко сказал Розенберг. – Будь моя воля – они бы никогда не ступили на нашу землю. Если повезет, то мы найдем их в течение часа. Или двух. Или утром. Но обязательно найдем! Они в пустыне, рядом граница Иордании. Вы правы, у нас связаны руки. Прямо сейчас мы не можем начать войсковую

операцию, потому что это приведет к непредсказуемым политическим и военным последствиям. Но утро обязательно настанет, синьор Таччини. И, уверяю вас, это утро будет для вас печальным. Да, кстати… Чтобы вам лучше спалось! С прискорбием сообщаю, что вчера на 90 шоссе в автомобильной аварии погибли двенадцать человек. Приезжие, туристы. У всех паспорта разных стран… При них почему-то было очень много оружия и вели они себя как-то странно! И если бы они не умерли, то явно имели бы проблемы с законом! Так что им повезло, что они умерли! Очень темная история, синьор. Но этот факт совершенно достоверен. Думается мне, что эти люди имели какое-то отношение к вам, например, исполняли ваши поручения. Но вмешался случай! Или это было неслучайно? Как вы думаете? Может быть кто-то решил сделать всю работу за нашу службу безопасности? А?

– Вы пользуетесь тем, что мы беседуем на расстоянии? Интересно, отважились бы вы так говорить со мной, если бы сидели напротив?

– Я пользуюсь тем, что больше не связан условностями. Мне с самого начала не нравились вы и ваши договоренности с моими нанимателями.

– Вам не нравится Договор?

– Да, мне не нравится Договор. Мне не нравится, когда под видом благих дел творят непотребства…

– Благо, – сказал Таччини с нескрываемым презрением к собеседнику, – никогда не бывает для всех. Договору тыся-

чи лет, и с вашей стороны его подписывали далеко не глупые люди. Не вам, Розенберг, решать, что есть зло, а что есть добро… Тем более, что сегодня так не легко отличить одно от другого! Вы дали мне время до утра. Пусть не по своей воле, по воле обстоятельств, но дали. Мои люди или исполнят свой долг, или не исполнят его – третьего не дано. И что интересно…

Итальянец посмотрел на надпись «Не курить», достал из пачки сигарету и с удовольствие затянулся, щелкнув золотым «Ронсоном». Потом медленно выпустил густой дым сквозь зубы в сторону торчащего из потолка датчика.

– … ни вы, ни я уже никак не повлияем на ход событий. Поэтому, Розенберг, думайте, что хотите, говорите, что вам нравится, а я заканчиваю разговор с вами и ложусь спать. Кажется мне, что в лучшем случае вы сможете хоть что-то предпринять только на рассвете, а это, если учесть разницу во времени, означает для меня как минимум пять часов здорового сна. Звоните утром, месье Розенберг. Я как раз буду пить кофе с круассанами и апельсиновый сок на террасе, официант принесет мне трубку, и мы поговорим… Хорошо?

– Не откажу себе в таком удовольствии, – тон Розенберга тоже не блистал приязнью к собеседнику. – Спите, синьор Таччини, если сможете. Доброй ночи!

– И вам того же… – сказал Таччини и повесил трубку.

А потом с хрустом раздавил недокуренную сигарету о мрамор прикроватного столика.

Интермеццо 1

Недаром в сказках в полночь происходят удивительные вещи.

Можно сказать, что и в современный высокотехнологичный мир полночь тоже привносит некий мистический оттенок. Например, некоторые статьи, которые по какому-то странному стечению обстоятельств не попали на страницы израильских изданий в последние два дня, вдруг оказались в верстке вне очереди. Возникнув из ниоткуда, прямо в студии отправились телерепортажи, сделанные за прошедшие двое суток. Репортеры, акулы пера, утверждавшие, что для них нет ничего важнее свободы слова, вдруг обрели эту самую свободу по указке свыше, вернее, просто исчезла та сила – невидимая и непонятная – которая её ограничивала.

Тат-алуф Гиора Меламед был отпущен с извинениями из штаба армии, куда его привезли едва ли не под конвоем и держали до ночи без объяснений. Впрочем, объяснений ему так и не дали, только начальник армейской контрразведки краснел и начинал заикаться, как школьник, когда генерал требовал от него сказать хоть что-то вразумительное. По лицу контрразведчика было видно, что он скорее сделает себе харакири, чем расскажет Меламеду правду.

Был выпущен из-под ареста адъютант тат-алуфа Адам

Герц, задержанный сразу после посадки F-35 до выяснения обстоятельств. Но в этом мистики не было, первый же звонок Гиоры Меламеда снял все вопросы по поводу поступка пилота.

А вот сестра Рувима Каца, пребывавшая в гостях у подруги и разбуженная двумя сотрудниками Департамента по неарабским делам Шин-Бет, была крайне удивлена таким мистическим вниманием к своей особе со стороны двух привлекательных молодых людей в штатском. Настолько удивлена, что проявила несвойственное ей послушание и позволила агентам увезти ее на конспиративную квартиру без заезда домой.

Розенберг не соврал своему визави – армейские подразделения тоже должны были принять участие в операции спасения. Несколько отрядов, имеющих опыт боевых действий в условиях пустыни, были приведены в боевую готовность и могли выступить на позиции с первыми лучами солнца…

Жаль, что чудесные спасения бывают только в сказках, в жизни же опаздывает даже скорая помощь. И в этом тоже нет никакой мистики.

Если бы профессор Кац знал, что государственная машина, которая 48 часов игнорировала происходящее, вдруг ожила, то вел бы себя совсем иначе. Достаточно было бы затаиться, отсидеться в убежище несколько часов, не высовываться. Но Рувим этого не знал и не обнаружив за собой погони (преследователи как сквозь землю провалились!)

трое беглецов покинули пещеру за сорок минут до рассвета…

Иудея. Ершалаим.
30 год н. э.

В доме царил полумрак, пахло чистотой, побелкой и, едва уловимо, очагом – наверное, вчера на кухне что-то готовили. На столе стоял кувшин с вином и второй, побольше, с питьевой водой. На глиняной тарелке лежали фрукты.

Афраний плеснул себе вина – немного, на донышко – и разбавил его водой: такая смесь прекрасно утоляла жажду, не кружа головы. Малх, так и не напившись до конца, налил себе кружку воды, жадно глотая, осушил, и принялся недовольно отдуваться. Его широкий лоб и лысина мгновенно покрылись мелкой густой испариной – сириец переносил жару хуже римлянина.

– Слушаю тебя, Малх, – сказал начальник тайной полиции, усаживаясь за столом.

Здесь можно было бы снять капюшон, но Афраний этого не сделал – не сделал обдуманно. Так было гораздо удобнее для самого Бурра. А вот для Малха – наоборот. И это было совсем не лишним. Афраний не любил, когда кто-то смотрел ему в глаза во время разговора.

– Хозяин озабочен, – произнес Малх, выискивая на тарелке смокву помягче.

– У первосвященника всегда найдется повод для волне-

ния…

– Ты всегда шутишь, Бурр…

– Я не шучу, Малх, – голос, доносящийся из-под капюшона, был лишен интонаций, а видеть глаза собеседника сириец не мог. – Ты бы удивился, наверное, узнав, как редко я шучу…

Малха в присутствии Афрания всегда бросало в дрожь: неприятный тип со злыми, неживыми глазами и дурацкой привычкой прятаться под плащом, никогда не поймешь, что у него на уме! И если бы Малх не так любил деньги и свое место…

– Так что хозяин? – переспросил Афраний. – Что его гнетет?

– В городе появился проповедник, которого Каиафа упустил два года назад. Опасный человек, окруженный каналим…

Афраний кивнул, всем видом показывая, что внимательно слушает.

– С ним люди, которые называют себя его учениками. Многие из тех, кто был с Окунающим до того, как его казнили…

– Убили, – поправил говорящего начальник тайной службы. – Казнить можно после суда и приговора, а разве станет Антипа заниматься такими мелочами? И много их?

Вопрос был задан без перехода и Малх немного растерялся.

– Кого?

– Тех канаим, что пришли с проповедником?

– С ними еще женщины… Думаю, что сопровождает его не более двадцати человек. Но за ним идет толпа тех, кто наслушался его речей!

Из-под ткани раздалось хмыканье. Малх был готов поклясться, что Афраний ухмыляется.

– Не тот ли это человек, следить за которым Ханнан посылал в Капернаум?

– Именно он.

– Скажи мне, Малх, – сказал неспешно начальник тайной службы, – чем же так неугоден твоему господину, первосвященнику Ханнану, еврей-проповедник, что он подставляет его мне, чужаку? Не слишком ли часто вы пытаетесь расправляться со своими врагами руками римской власти? Что мне до ваших пророков, Малх? Или он призывает к войне с нами?

Малх не удержался и шумно сглотнул. Только что съеденная смоква едва не стала ему поперек горла. Проклятый римский лис! Пес прокуратора! Он с самого начала знал, что Ханнан послал меня к нему! Знал с самого первого дня и только делал вид, что покупает мои услуги…

Сириец похолодел сердцем, вспоминая, как гордился тем, что выведывал у Афрания при разговоре некие подробности и доносил их господину.

Он откашлялся, пряча от начальника тайной службы ра-

зом побледневшее лицо – благо, в сумраке комнаты это было несложно.

– Его встречали, как машиаха, Афраний… Когда он въехал в ворота Ершалаима, люди кричали ему «Спаси нас!».

– И он спас? – спросил римлянин тем же бесцветным голосом, то ли в шутку, то ли на полном серьезе – не разберешь.

– Он ничего не сказал.

– Действительно, заговорщик… Я слышал о нем, Малх. Два года назад, на Песах, храмовая стража подавала прошение о помощи при аресте некого Иешуа Га-Ноцри. Но арест не состоялся, а после Песаха обвинений никто не выдвигал, поэтому беглого никто не искал. Были ли обвинения, Малх?

– Их не было, Афраний.

– И вот, через два года ты приходишь ко мне и говоришь, что беглый проповедник, которого, несмотря на отсутствие официальных обвинений, все это время ни вы, ни я не теряли из виду, снова гневит твоего господина!

– Да.

– Тем, что называет себя машиахом?

– Да.

– Разве не машиаха ждут все евреи? – спросил Афраний.

– Да, мы ждем Машиаха, Бурр, но Га-Ноцри не машиах!

– Так он сам называет себя спасителем?

– Нет, но люди так говорят о нем…

Начальник тайной службы вздохнул – так вздыхает мать,

объясняя что-нибудь нерадивому сыну.

– На прошлой неделе, – сказал он, – мы арестовали Дисмаса и Гестаса. Они сикарии, канаим, с руками по плечи в крови. Они убивали евреев, которых считали нашими пособниками, они убивали римлян. Знаешь, скольких они отправили к Плутону?

Сириец покачал головой. Он слышал о Дисмасе и Гестасе, но слышал немного и не интересовался подробностями. Сан хранил его господина от кинжальщиков надежнее любой охраны.

– Позавчера мы взяли Вар-равана, их предводителя, – продолжил Афраний, – действительно опасного человека, который боролся против нас с мечом в руках. Он уже в подземелье под Иродовой Башней, вина доказана, приговор подписан, и казнь состоится в праздник. Его никто не называл машиахом. Ты понимаешь, зачем я рассказываю тебе это?

– Понимаю.

– Это радует. И все-таки вас, которых не заботили ни Дисмас, ни Гестас, ни Вар-раван, очень беспокоит этот странный галилеянин… И его вина в том, что люди, повторяю, люди считают его вашим долгожданным машиахом! И это все?! Скажу тебе честно – я удивлен! Я много лет знаю твоего хозяина. Он не из тех, кто гневается по мелочам… И если уж ты пришел ко мне и просишь о помощи, то этот самый Га-Ноцри стоит первосвященнику поперек горла. Но вопрос не в этом. Вопрос в том, чем в действительности Хан-

нану и Каиафе неугоден этот проповедник? А теперь, скажи-ка мне, Малх, что произошло вчера в Храме?

– Зачем мне рассказывать тебе это? – спросил сириец, кривя рот. Шрам, рассекающий его щеку, стал совсем белым, кусты бровей стянуло к переносице. – Ты ведь знал о том, что происходит в Храме, раньше, чем все закончилось!

– Считай, что мне интересна твоя версия.

– Этот Га-Ноцри… Он пытался захватить Храм!

Афраний молчал. Малх попробовал разглядеть спрятанное в тени капюшона лицо собеседника, но не смог – лишь виднелся наружу гладко выбритый по римской моде крупный подбородок.

– Он осквернил храмовый двор!

– Почему ты не ешь фрукты? – спросил римлянин негромко, почти ласково, но от этой ласковости у немало повидавшего в жизни раба первосвященника по спине побежали мурашки. – Неужели прислуга положила несвежие плоды? Или ты боишься яду, а, Малх?

– Я сыт, Афраний, – выдавил он из себя. Малх чувствовал, что свирепеет, теряет над собой контроль, а это было недопустимо. Он всегда ненавидел и боялся этого человека, даже тогда, когда думал, что играет с ним, как кот с зарвавшейся, наглой мышью. А сейчас, уже понимая, что много лет мышью был именно он…

Главное – не потерять самообладания! Жизнь длинная, и портить отношения с этим римлянином не стоило. Еще на-

ступит время… Наступит время…

Раб первосвященника Иудеи поднял свои черные, блестящие, как спина скарабея, глаза на начальника тайной службы прокуратора Иудеи.

– Зачем тебе, чтобы я ел, Афраний? И зачем тебе травить меня ядом? Как такая мысль может посетить мою голову? Разве мы не друзья? Разве наша дружба не помогает нам обоим быть нужными для наших хозяев? Зачем же рубить плодоносящую пальму, Бурр?

А разве мы друзья, Малх? – подумал римлянин и, пользуясь тем, что лица его никто не видит, насмешливо дернул бровью.

– Мне показалось, что ты раздражен, Малх… – вкрадчиво ответил он вслух, не меняя позы. – Что ты чем-то напуган… А поесть я предложил тебе, потому что за едой человек успокаивается. Ты слишком зол сейчас, а когда человек зол, он плохо слышит. Мне надо, чтобы ты хорошо расслышал то, что я тебе скажу. Передай своему хозяину следующее. Несколько перевернутых столов менял – это не бунт. Десяток выбитых зубов и рубцы от плети пойдут на пользу его разжиревшей страже. И ради вашего же Бога, да поставьте вы менял на площади, за стеной, и тогда никто не назовет ваш Храм лавкой!

Малх невольно показал зубы – так скалится недовольный пес. Синеватые губы разъехались, обнажая неровные, желтоватые, но все еще крепкие резцы и сломанный клык справа.

Вот только рычания Афраний не услышал.

Начальник тайной стражи поднял руку, обратив ладонь к собеседнику, останавливая несказанные Малхом слова.

– Не говори того, о чем потом придется жалеть, дослушай меня до конца. Если бы то, что делает этот галилеянин и его люди, хоть отдаленно напоминало бунт, мы бы давно вмешались. Мы никогда не боимся испачкаться, Малх, но пачкаемся исключительно своим дерьмом, а не чужим, и таскать угли из костра моими руками ни у Каиафы, ни у Ханнана не выйдет. Галилеянин – иудей, Храм – иудейский, все, что вчера утром там случилось – это ваши иудейские дела и римлянам нечего там делать. Вот если люди этого вашего машиаха убьют кого-то, или станут замышлять против Цезаря или прокуратора – тогда зови! Я приду.

Раб первосвященника ничего не сказал в ответ, а, усевшись, взял с тарелки засахаренную в меду фигу и принялся ее жевать с таким выражением лица, как будто бы важнее этого занятия в мире ничего не было. Афраний же, закончив, тоже хранил молчание, и в маленьком садике вдруг стал слышен назойливый городской шум, падение капель воды в каменную купель у источника и даже жужжание мух у отхожего места.

Закончив есть, Малх поднялся, слизнул мед с пальцев и омыл руки в прохладной воде. Лицо его уже не выражало ни гнева, ни раздражения.

– А ты прав, Афраний, – произнес он, потирая влажные

кисти. – Еда успокаивает. Не располнеть бы…

Афраний едва слышно хмыкнул, но Малх легко представил себе, как презрительная улыбка кривит тонкие губы римлянина в спасительной тени капюшона.

– Я понял твой ответ. Значит, только бунт? Злоумышление против Цезаря Тиберия? Да продлит Яхве его годы!

– Да, – кивнул Афраний.

– Удобная вещь – бунт, не так ли, Афраний? Прокуратор любит, когда в Ершалаиме начинаются волнения. Нет ничего лучше, чем ловить рыбу в мутной воде. Каждый раз, когда на камни Ершалаима проливается кровь, прокуратор становится богаче и сильнее. Сильнее, потому что сам Цезарь знает о том, как Пилат печется о его провинции и, чем больше евреев будет убито, тем большую заботу прокуратор проявил об укреплении власти. А почему после волнений он становится богаче?.. Ты и сам это знаешь, господин префект! Не думаю, что мы порадуем прокуратора новым бунтом.

– Мне тоже кажется, что так будет лучше, – обронил Афраний, никак не показывая своего отношения к произнесенным собеседником словам.

Конечно, их можно было толковать по-разному, но раз никто третий их не слышал…

Афраний знал слишком много для того, чтобы верить в бескорыстность власти.

Власть – это самый короткий путь к богатству, а богатство, как известно, самый короткий путь к власти – и одно

никак не может обходиться без другого. Сам начальник тайной службы был небедным человеком, но настоящим достоянием его за многие годы стало то, что все здешние тайны, интриги и заговоры вращались вокруг него – это ощущение стоило любых денег, и он не задумывался над тем, сколько тысяч сестерциев отправлено в Рим. Будет время сосчитать нажитое – путь к дому из Кейсарии Стратоновой занимал несколько недель при спокойном море и попутных ветрах. Никто и никогда не приходит на государственную службу без намерения сделать лучше свою собственную жизнь. Кто-то делал ее лучше преданным служением – терпеливо ожидая, когда хозяин бросит верному слуге сытную мозговую кость. А кто-то не хотел ждать милостей господина и брал все сам. И те, и другие считали себя правыми, более того – государство тоже было не в претензии: главное, чтобы корабли с зерном, маслом и пальмовыми плодами регулярно отплывали к берегам Империи. И они отплывали. И Риму было глубоко плевать, кто и как умер в далекой Иудее. Умер и умер, нет ничего удивительного – люди обыкновенно умирают. А наместник провинции всегда уходит с поста богаче, чем был до вступления в должность, и дело вовсе не в жаловании.

Приятно это или неприятно – сириец говорил правду. И кому, как не начальнику тайной службы, было это знать?

– Иди первым, – сказал Афраний.

– Хорошо, – согласился Малх, вставая. – Спасибо за еду. И за беседу, господин префект.

Он подошел к калитке, отодвинул засов и исчез за дверью – даже спина его излучала ненависть. Чтобы почувствовать это, у Афрания не было необходимости смотреть Малху в лицо.

Ну, что ж…

Так даже лучше. Интересно, расскажет ли Малх Каиафе или Ханнану о том, что префект с самого начала разгадал их игру?

Афраний откинул на плечи капюшон и с удовольствием освежил лицо водой. Плащ давал ему преимущества, но, видит Юпитер, как же под ним жарко!

На месте Малха он бы ничего не сказал господину. Просто сделал бы выводы из открывшегося и постарался найти с начальником тайной стражи общий язык. Единственный выход из создавшейся ситуации – служить двум господам, да так, чтобы один не знал о существовании второго. На этом Афраний построил свой расчет и, если он не ошибся в Малхе (а Афраний неплохо разбирался в людях, положение обязывало!), то сириец сделает именно так! А если не сделает? Что ж… Тем хуже для него. Каиафа – не самый добрый человек и умеет делать жесткие шаги. За неверный ход Малх может поплатиться значительной частью своей власти и влияния, а власть и влияние для раба, пусть даже раба самого первосвященника Иудеи, значат больше, чем для любого другого человека. Потому что его влияние – это его свобода, его жизнь!

Афраний усмехнулся и снова уселся в тени у стены.

В переулке неподалеку пронзительно закричал осёл, и от его рева в голубое раскаленное небо поднялась стая шумных короткокрылых голубей. Солнце карабкалось к зениту, и город тяжело дышал под его беспощадными лучами.

Жаркий в этом году выдался нисан, подумал начальник тайной стражи при прокураторе Иудеи, что же будет летом?

Он прикрыл глаза и принялся считать в уме до трехсот. Выходить на улицу раньше было бы неразумно. Афраний умел ждать, да и спешить, в общем-то, было некуда.

До следующей встречи оставалось достаточно времени.

Глава 9

Израиль. Иудейская пустыня
Наши дни

Если ориентироваться по карте на экране GPS, то другой дороги у профессора не было.

Вальтер-Карл еще раз просмотрел изображение, меняя масштаб.

Он вел свой небольшой отряд всю ночь, сделав только один короткий перерыв на еду получасовый сон. На сравнительно ровных участках Вальтер переходил на бег. Приходилось двигаться, не прикрывая свет налобных фонарей – слишком резкие перепады освещенности мешали рассмотреть дорогу.

Шульце чувствовал себя ходячей мишенью, которой для удобства стрелка на лоб привязали лампочку, и более всего боялся выскочить на засаду. Судя по сноровке старика-археолога, ему завалить преследователей при таком раскладе будет в удовольствие! Каждый новый поворот тропы, каждое ущелье, в которое Карл вбегал впереди отряда, могли нести смерть – Шульце это знал, но даже инстинкт самосохранения не мог его остановить. Так несется за подраненным кабаном охотничий пес – забыв обо всем, кроме сладкого запаха добычи.

Морис тоже выдержал гонку. Выглядел он, если честно –

краше в гроб кладут, тут сказывалось отсутствие тренировок, привычка к сытой жизни и комфорту. Молотить пятками по камням пустыни – это не на «Мерседесе» ездить, но навыки у французика все-таки остались! Вот он сидит под скалой и дышит со свистом, как через порванную мембрану. Но добежал ведь!

Шульце высунулся из-за рыжей каменной глыбы и огляделся вокруг.

Через линзы бинокля серый предрассветный полумрак виделся гуще, чем был на самом деле. Немцу казалось, что в воздухе, помимо утренней дымки, висит какая-то красноватая взвесь, но для того, чтобы понять, как и насколько изменились цвета, было еще слишком темно. И дышалось почему-то тяжело, слишком тяжело для столь раннего часа.

Местность вокруг была исполосована разломами, ущельями и проходами, словно окружающий пейзаж был делом рук гиганта-безумца с ятаганом в руке, а не природных сил. Основная часть ущелья протянулась с запада на восток – огромная промоина неправильной формы более километра длиной. Боковые его стены, достигавшие иногда и стометровой высоты, были иссечены небольшими руслами, впадающими в основное в направлении с севера и юга.

Когда-то (другое объяснение было просто невозможно подобрать!) среди этих скал пробивал себе дорогу бурный поток – именно его усилия прорезали в горном массиве ущелье. Потом стена воды столкнулась с каменной стеной и

брызнула в стороны, рассекая на части мелкие препятствия. Или наоборот – мелкие стремительные ручьи, искромсавшие скалы на части, слились на этом месте в единое русло и вся эта масса воды двинулась на восток, к Мертвому морю.

Шульце никогда не мог похвастать академическим образованием, но и совсем уж неучем тоже не был, и, хотя базальт от гранита не отличал, но знал, что великое оледенение до этих мест не дошло и многочисленные порезы в скалах сделаны не льдом – их прогрызла вода. Интересно, сколько тысяч лет ей понадобилось, чтобы исполнить эту работу?

Старик со своим выводком выйдет сюда. Если он не повернул назад, конечно – даже думать о такой возможности было для Шульце мучительно. Он едва не заскрежетал зубами!

Не повернул! Не повернул! Он обязательно появится! Вот с минуты на минуту появится солнце и вместе с ним…

Из-за спины Вальтера-Карла снова пахнуло горячим – словно кто-то сзади открыл дверцу огромной духовки. Охнул и сдавленно выругался Морис.

Что за черт?! Шульце обернулся, ожидая увидеть что угодно, но не …

Поверх скал на них двигалась волна, но не воды, нет! Верхушка волны клубилась, и только в этом месте можно было рассмотреть, что летящая на них масса не черна, а имеет темно-красный цвет…

Мелкие пылинки радостно заплясали в воздухе, низкое

гудение заполнило все вокруг, скалы потеряли очертания, расплылись, казалось, вокруг них зароились сотни тысяч маленьких мух.

Это же…

– Хамсин! – взревел Ренье, и в тот же момент земля под их ногами дрогнула.

Пылевой вал рухнул в ущелье, накрыв его от края до края, и покатился с визгом, натыкаясь на скалы, заполняя каждую ложбинку, каждую выемку… Красно-черно-желтая взвесь поглотила все вокруг, словно вода, затопившая отсеки тонущей подводной лодки. Она билась о камни, образуя валы, вихри, пылевороты, лишая Карла Шульце и оставшихся бойцов из его легиона возможности видеть, слышать, целенаправленно двигаться и даже дышать.

* * *

Хамсин, накрывший легионеров, ударил по профессору и его спутникам спустя несколько секунд.

Они уже выходили на открытое пространство после утомительного бега по каменным лабиринтам, когда стена раскаленного воздуха, смешанного с пылью, буквально смела их с тропы с неправдоподобной легкостью. Рувим и Арин удержались на ногах, а Валентина ветер опрокинул и даже протащил несколько метров, словно ручей унёс перевернутого на спину жука. После нескольких попыток Шагровский всё-та-

ки неуклюже встал на колени и, цепляясь за камни, поднялся, пряча лицо от набегающего воздушно-песчаного потока. За считанные секунды его рот наполнился сухой пустынной пылью и песком, а слюна высохла едва ли не с шипением, как плевок на раскаленной плите.

– Держись за меня, – крикнул ему в ухо дядя, – закрой рот тканью!

Сказать было проще, чем сделать!

Шагровский ощутил, как на его локте сомкнулись пальцы профессора, и Кац безо всяких церемоний потащил родственника куда-то в красно-чёрную круговерть. Оставалось только безоговорочно подчиняться – возможности сориентироваться не было, ни одно из пяти чувств не работало. Хотя нет – нестерпимую жару Шагровский ощущал каждой клеточкой тела! И еще песок – на такой скорости он хлестал по коже стеклянной крошкой, буквально снимая с открытых частей живую плоть!

Валентин ждал обещанного Рувимом ливня, а попал на жаровню к пустынным духам – во всяком случае, на первый взгляд местный ад должен был выглядеть именно так!

На Шагровском были остатки рубашки, которую они с Арин разодрали на перевязку еще позапрошлой ночью, да старая галабея[12] с бедуинского плеча – ветхая и грязная. Он не сразу сообразил, что дядя тычет ему какую-то тряпку –

[12] Галабея – часть облачения арабов – длинная верхняя рубаха из хлопчатобумажной ткани.

половину своей куфии[13]. Для нужного эффекта ткань хорошо было бы обильно смочить, но для этого следовало найти место, где их бы не сдуло и не занесло песком, пока они льют воду из фляги, так что пришлось обойтись так – всухую. Воздух был горячим, настолько горячим, что Валентину казалось – стальные части пистолета-пулемета обжигают ему ладони. Глаза, забитые землей, не хотели открываться, песок под веками со скрежетом царапал роговицу.

– Держись! – прохрипел рядом дядя.

Шагровский ощутил, что с другой стороны его подхватывает Арин и, уже не делая попыток осмотреться, позволил спутникам волочь его прочь, под прикрытие скального выступа – ему оставалось лишь передвигать ноги и не мешать.

Только забившись в щель, как перепуганные мыши, и накрыв головы дядиной галабеей, все трое смогли перевести дух и откашлять землю из горла. Несколько глотков воды из горячей фляги вернули Шагровскому способность говорить, он даже потратил пару граммов драгоценной жидкости, чтобы промыть глаза, иначе веки было не разлепить. Вокруг бушевала песчаная буря, и хотя здесь, в узком месте, скорость ветра вырастала, зато скалы прикрывали от прямого давления ветра. Стремительный воздушный поток со свистом несся по каменному коридору на расстоянии вытянутой руки. Казалось, достаточно сделать шаг и остановиться уже

[13] Куфия – арабский головной убор, известный под жаргонным названием «арафатка».

не удастся – клубящаяся стена поглотит тело, понесет его, словно лист бумаги, ударяя о скалы. Было страшно. Шагровский поймал себя на том, что вжимается в стену за спиной так, что острые сколы породы царапают раздраженную потом кожу.

– Это надолго? – прохрипел он.

– Неизвестно, – отозвалась Арин чужим, грубым голосом, настолько не похожим по тембру на ее обычную речь, что Шагровский не сразу понял, что эти звуки издает именно она. – Может быть, час, может два. Или день-два…

– Не пугай мне племянника! – дядя скрипел, как плохо смазанная ось. – Не больше суток, Валентин! Я думаю – пару часов! Или меньше. Вы слышали грохот? И зарницы ночью были… Будет гроза и сильный дождь! Будет суфа[14]!

Само слово «дождь» сейчас звучало, как издевательство. Трудно было представить что-то более невероятное в царившем вокруг песчаном кошмаре.

– Мы не успеем выбраться наверх, – продолжил Кац.

Он вжимал голову в плечи, силясь спрятать рот от весело пляшущего перед самым лицом вихря из пылевой взвеси.

– Одно радует: сейчас они нас не найдут.

[14] Суфа (ивр.) – буря с ливнем.

* * *

Дядя Рувим не ошибался – найти их в тот момент, когда не видно пальцев вытянутой вперед руки, было невозможно. Но он предполагал, что между его маленьким отрядом и преследователями как минимум пара километров. На самом деле, профессора Каца и Карла в этот момент разделяло не более сотни метров, и если бы вокруг не бушевала пыльная буря, они бы могли слышать друг друга, ведь Шульце тоже приходилось кричать, чтобы его слова разобрали спутники.

Легионеры находились в куда худших условиях, чем те, кого они ждали в засаде. Если Рувим легко увел своих подопечных под защиту скал, то Карл этого сделать не мог – валуны, за которыми они расположились, не укрывали от ураганного ветра, а до места, где каменные стены смыкались, надо было еще добраться. Пришлось забиваться в щели, как тараканам, держась поближе друг к другу, чтобы не потеряться в сумасшедшей круговерти.

Шульце, до того ни разу не побывавший в такой передряге, чувствовал себя ужасно. У него разом отобрали зрение, слух и возможность передвигаться. Он кожей ощущал, что враг неподалеку, но был бессилен изменить хоть что-нибудь – закрывая пересохший рот рукавом, он мучительно перхал и пытался откашляться, но из этого ничего не получалось: на языке и за губами накапливалась омерзительная на вкус

взвесь, хрусткая и сухая.

– Никому не отходить! – хрипло прокаркал он, задыхаясь. – Ждем, пока стихнет!

– Какого хрена! – отозвался Ренье. Ему было явно плевать на субординацию. – Это может быть и на несколько дней, командир! Надо выбираться! Заматываем морды и ползем хоть раком отсюда! Мы все тут до завтра сдохнем!

– А куда ползти, ты знаешь!? – проорал Морис (его Карл видел как силуэт, и голос его мог разобрать только потому, что у француза теперь были противные визгливые интонации, хорошо слышимые в шуме ветра: от пересыхания в горле у него свистело, остальные же, наоборот, хрипели, словно пробитые динамики старого радиоприемника).

– Пока – туда, откуда пришли! – легионер взмахнул рукой, указывая куда-то во мглу, себе за спину. – Там можно найти укрытие от ветра и пересидеть. У нас воды – всего по фляге! Если не спрячемся – нам конец!

Ползти туда, откуда пришли, означало отказаться от мысли догнать профессора. Догнать прямо сейчас, сегодня и сломать его, свернуть ему шею… Этого Шульце допустить не мог. Оставаться в засаде?.. Ренье был прав. Это не выход. Сдохнуть здесь – это дать Кацу уйти безнаказанным. Ну, уж нет!

На принятие решения ушли доли секунды, все-таки недаром Вальтер-Карл столько лет руководил своим легионом. Возможно, немец не был Спинозой, но своим солдатам он

всегда казался Наполеоном.

– Взять друг друга за пояса! Не отпускать! Идем вперед!

Никто ничего не сказал. Наверное, потому, что никакой разницы между «вперёд» и «назад» в настоящий момент не существовало – главное было уйти с места, где они находились. Но никто и не сдвинулся с места – встать и подставить себя под сокрушительные порывы, требовало решимости. Или предводителя.

– Я иду первым! – крикнул Карл. – Вторым – Ренье! Морис! Ты – третий! Замыкающий – Ларс! Встали! Ну!?

Шульце поднялся на полусогнутые, подставляя круглую согбенную спину ударам бури. От порывов ветра его качало.

– Ну!? – проорал он снова и закашлялся так, словно хотел выплюнуть легкие. Внутри все горело, кожа на губах ссохлась в корку.

Ренье ухватил Вальтера-Карла за ремень, неразборчиво выругался, занимая позицию, и сила давления ветра для немца чуть уменьшилась – чужое тело прикрыло ему спину. Они двинулись сквозь клубящуюся пыль гуськом, словно пингвины сквозь антарктические снежные заряды, неуклюже переставляя ноги. Красные текучие струи вились под ногами, обтекая подошвы ботинок.

Ураганные порывы толкали легионеров, и им приходилось упираться, отклоняясь назад, иначе вполне можно было рухнуть ничком и свалить всех остальных. Воздух вокруг гудел, шуршал, скрипел, на мгновение замолкал, словно у ве-

ликана, выдувающего из нутра раскаленный газ, перехватывало дыхание, и через мгновение снова наседал на маленький отряд, издавая неприятный вибрирующий звук.

Легионеры медленно приближались к темной расселине, укрывшей профессора и его спутников. В густой, как засыхающие чернила, мгле, чья-то невидимая и очень недобрая рука толкала их друг к другу, сокращая и без того небольшое расстояние, до тех пор, пока…

* * *

Рувим Кац недаром имел опыт окопных схваток и кличку Египтянин. Даже спустя пару десятков лет почти гражданской жизни его рефлексы срабатывали безотказно и, что главное, быстрее, чем разум успевал принять решение.

Он почти ничего не видел и не слышал – он чувствовал. Вот изменилось шевеление теней, может быть, голос ветра стал на четверть тона ниже, не так зашуршал скользящий по камням песок…

Профессор внезапно стал чуть ниже ростом (колени согнулись, мгновенно напряглись плечи – со стороны могло показаться, что внутри Рувима взвели мощную пружину), повернул ствол в сторону прохода и свободной рукой слегка оттолкнул от себя Валентина и прижавшуюся к нему Арин. Слегка, но ровно настолько, чтобы выступ скалы, под которым все трое только что прятались, закрыл племянника с де-

вушкой от любого взгляда со стороны расселины. От взгляда, а, значит, и от пули.

Карл, находившийся в нескольких шагах от ненавистного противника, тоже замер на мгновение, будто бы почувствовав направленное на него оружие. Он остановился так и не поставив на землю ногу и сбил с ритма идущих на ощупь легионеров: следующий вторым Ренье толкнул его в спину, и немец, потеряв равновесие, завалился вперед, выставляя руки навстречу земле.

Забряцало оружие. Ренье рванул легата за пояс, стараясь удержать, но не смог, и Шульце упал, больно ударившись локтем о камень.

И в этот момент профессор Кац нажал на спуск.

Он специально дал длинную очередь, не жалея патронов, так, чтобы свинец прочесал расщелину перед ним от стены и до стены. Последние две пули ушли вверх и вправо, но полдюжины раскаленных кусков металла вспороли дымный бок бури и ввинтились в пыльную мглу. Два девятимиллиметровых снаряда ударили в Ренье – в самый центр груди, защищенной легким бронежилетом, и в бицепс, чуть ниже плечевого сустава. Третья, пройдя над плечом бельгийца, срезала ухо Морису, оставив в целости только верхнюю часть ушной раковины.

Грохот стрельбы буря съела не полностью, зато вспышки на дульном срезе пыль поглотила без остатка. Все выглядело так, будто кто-то с треском разорвал кусок парусины, и

звук сбил с ног троих из четверых легионеров. Вальтер-Карл мгновенно сообразил, что произошло, и откатился в сторону, забиваясь под стену. Ренье, отброшенный пулями, рухнул на спину, словно упавший со стола таракан. Морис же, схватившись за голову, осел на месте, потянув за собой Ларса, который понял меньше всех.

Шульце опомнился первым, как и подобает командиру – его штурмовое ружье плюнуло огнем, посылая в проход между скалами заряд картечи. Ремингтон[15], снаряженный патронами «магнум»[16], рявкнул голосом разъяренного медведя. Задержись профессор на открытом месте хоть на полсекунды, и картечь, пущенная в полуметре от земли, оторвала бы ему ноги. Но Рувим Кац успел отступить за камни, и свинцовый вихрь пронесся в нескольких сантиметрах от него, не причинив вреда. «Помповик» рявкнул еще раз, и еще раз, и еще раз…

Карл давал возможность своим людям отползти, спрятаться, найти укрытие. Здесь, в самом начале расселины, они были беззащитны, и стоило кому-нибудь из беглецов открыть плотный огонь, как легион можно было бы списывать в утиль. Возможно, что жилеты спасли бы их от смерти, но с простреленными конечностями сильно не повоюешь!

---

[15] Ремингтон 870 – гладкоствольное помповое ружье 12 калибра. В штурмовом варианте снаряжается подствольным магазином на 8 патронов.

[16] **Магнум** (лат. *Magnum* – номинатив от *magnus – большой, великий*) – патрон повышенной мощности.

Бабах!

Из ствола ремингтона вылетел сноп огня, и новая порция картечи с кровожадным шелестом промчалась по проходу. Шульце не видел, что происходит сзади него. Он слышал вскрик Мориса и удары пуль в тело Ренье. Теперь в ушах гудело от грохота ружейных выстрелов, и в клубящемся мраке было ничего не разобрать.

Пять выстрелов. Один был в стволе и восемь в магазине, значит, осталось четыре. Пора менять диспозицию.

Вальтер-Карл вытянулся в струну и прокатился к противоположной стенке, как оказалось, вовремя. Рувим выставил из укрытия автоматный ствол и полил место, где только что лежал противник, градом пуль. Обойма кончилась, щелкнул в пустоту боек. Каменная крошка, полетевшая во все стороны, рассекла затаившемуся Ларсу щеку, а рикошетирующая пуля на излёте ударила Шульце по пальцам, сжимавшим цевьё, и раздробила две фаланги на левой руке.

Было больно. Очень больно. Так, как если бы пальцы ломали дверью, но Карл не издал ни звука, только оскалился и заскрежетал зубами. Вокруг него выла и бушевала пылевая буря, и он не мог понять, кто из его людей жив, а кто попал под огонь этого престарелого коммандос. Он был уверен – в бою он со своими ребятами расправится с археологом за считанные минуты. Только вот боя не получалось. Получалась стрельба наугад, атака вслепую, без зрения, без слуха, без предварительной рекогносцировки.

Шульце уже успел забыть, что только что мчался по следам Каца, как гончая, не считаясь ни с опасностями, ни с голосом разума. Он снова потянул за курок. Ремингтон рванулся из рук, скользкое от крови цевьё вывернуло искалеченные пальцы.

Бабах! Три в остатке! Вальтер-Карл выщелкнул из закрепленного на «щеке» помповика картриджа патрон и быстро заправил его в приемник. И еще один. И еще. Пять в магазине, шестой в стволе. Только бы никто не полез вперед! И ни в коем случае не бросать гранаты – завалит на хер! Мы его достанем, как развиднеется! Вот пусть только станет видно хоть что-нибудь!

Шульце в ярости сорвал с головы бесполезный ПНВ и швырнул его в расщелину. «Ночник», пролетев добрый десяток метров, упал на камни рядом с ботинком дяди Рувима, выкатился из стелящейся пыли и замер. Кац вставил в автомат новую обойму, отхаркнул забившую горло пыль и, повернув голову к спутникам, прокаркал: «Отходим! От стены ни на шаг!»

Шагровский видел дядю плохо: он не мог ни открыть ни закрыть запорошенные пылью глаза, взгляд увязал в плотной завесе бури. За свистом ветра громогласно лаяло ружье – значит, противник был совсем рядом. Но где рядом? Хватаясь рукой за камни, Валентин побрел вперед. Он совершенно не мог сориентироваться, но четко осознавал, что единственный шанс не попасть под картечь – слушаться дядюш-

ку. Стена прикрывала их от выстрелов, но уже не заслоняла от ветра, дующего со скоростью больше сотни километров в час – на воздушный поток можно было улечься. Беглецы двигались сквозь бурю медленно, с трудом совершая каждый шаг, словно альпинисты идущие по крутому подъему сквозь снежный буран.

Со склона вниз сдуло несколько крупных камней и один из них едва не угодил в Арин. Вслед за ним, прошивая воздух, сверху посыпались сотни мелких обломков. Увернуться от них было невозможно, оставалось только пригнуть головы, чтобы не получить по темени куском породы. Позади снова рявкнул ремингтон, а потом по расщелине хлестнуло автоматной очередью.

Легионеры не отставали. Их все еще было четверо, хотя рана Ренье оказалась серьезной, и он мог истечь кровью буквально за несколько минут. Он шел, как пьяный, зажимая простреленное плечо, он вообще едва поднялся после ранения, но остаться один на один с бурей было бы настоящим безумием. Страх быть брошенным на произвол судьбы победил слабость от кровопотери и болевой шок. Пока рядом были товарищи, оставался шанс! В одиночестве такого шанса не было. Ренье помнил, что такое Африка, и очень хотел вернуться домой. Наверное, так, как не хотел никогда до того.

Происходившее нельзя было назвать бегством, как, впрочем, нельзя было назвать и преследованием. Просто трое

обессиленных и грязных, как черти, людей ползли через бурю прочь от четверых, таких же грязных и обессиленных.

А потом…

Потом небо над ними лопнуло, огромная многоножка электрического разряда засверкала в зените, и Шагровский едва не ослеп и не оглох. А через мгновение едва не захлебнулся – сверху обрушился дождь. Он не начинался, не бил крупными каплями, а именно обрушился. Сразу. Тоннами. Сотнями тонн. Вода смешивалась с пылью, висящей в воздухе, и до земли уже долетали коричнево-красные земляные струи, тяжелые, словно железные трубы. Казалось, само небо разродилось грязью, и за считанные секунды густая жижа заплескалась вокруг щиколоток беглецов, хлынула рекой по расщелине. До этого момента Валентин не понимал, что такое «дождь стеной», хотя видел ливни в Сибири и на Дальнем Востоке. Нечто похожее ему довелось наблюдать в Южной Америке, но в сочетании с пылевой бурей, бушевавшей над Иудейской пустыней еще считанные секунды назад, рассвирепевшая стихия давала ливню в сельве сто очков вперед. Настоящая стена из грязи, соединившая небо и землю, буйство молний над головой, ветер, валящий с ног – если такая вот суфа была обычным делом для этих мест, их обитателям можно не завидовать.

Профессор продолжал упорно брести вперед, то и дела выпуская в водяную завесу за спиной короткие очереди на три патрона. Сзади тоже стреляли в ответ, но, судя по всему,

обе группы находились вне досягаемости для пуль и картечи противника: стены расщелины за счет изгибов защищали их до поры до времени. Но стоило расстоянию сократиться!..

Ливень усилился, хотя минуту назад Валентин ещё считал это невозможным. Падающая с небес вода мгновенно вымывала из перегретого воздуха тепло. Перепад температур был настолько резким, что Шагровского бросило в дрожь. В свете молний он увидел лицо Арин – прилипшие ко лбу пряди волос, посиневшие губы, воспаленные глаза, обведенные темными кругами. Под ногами мерзко хлюпала жидкая, но очень липкая грязь, и сразу стало скользко – так скользко, словно они бежали не по камням, а по льду. Шум водяных струй, хлещущих под разными углами, напоминал грохот водопада, со стен то и дело падали камни, некоторые величиной с хороший арбуз, но беглецам пока везло – многокилограммовые «подарки» пролетали мимо.

Но и преследователям везло не меньше – никто из них не пострадал от каменных снарядов. Они старались не упустить беглецов, но из-за раненого Ренье не могли бежать достаточно быстро, и профессор со спутниками пока что выигрывал в гонке.

Поворот… Расщелина плавно пошла влево, распрямилась, снова заложила вираж…

Мощный разряд хлестнул по скале как раз над головами беглецов: взлетели искры и в облаке пара брызнула во все стороны каменная крошка. Последовавший за этим удар гро-

ма был настолько силен, что сбил всех троих с ног словно кегли! Шагровский оглох и почти ослеп – окружающий мир поплыл в тумане, контуры предметов потеряли четкость. Он мотал головой, как контуженая лошадь, не в силах ни навести резкость, ни сориентироваться. Остались ли рядом дядя и Арин? Где он находится? Почему так сильно звенит в ушах?

Потом резкость как-то сама по себе навелась…

Он сидел в вязкой жиже, опираясь руками, чтобы не завалится на бок. Рядом пыталась подняться Арин, автомат она из рук не выпустила. Валентин снова потряс головой и принялся искать свой, шаря ладонями в грязи. Автомат нашелся, правда походил он на кусок рыжей глины из которого торчал забитый жижей ствол. Шагровский примерился протереть затвор рукавом, но только еще больше все испачкал.

Тысячи мух в его голове спорили с миллионом комаров, и от этого в ушах стоял страшный гул, перекрывающий любые звуки. Валентин увидел дядю, стоящего на колене. В руках у Рувима дергался автомат и его на дульном срезе плясали вспышки. Шагровский снова удивился, что не слышит звука, да и видит все в немного замедленном темпе. Горячая гильза ударила Валентина в щеку, заставив повернуть голову. Теперь он видел, куда стреляет дядя – в завесе струй пульсировали вспышки. Что-то пронеслось у его щеки, обдав ее горячим. Шагровский шарахнулся и завалился на спину опрокинутой черепахой.

Глава 10

Иудея. Ершалаим
30 год н. э.

К вечеру дождь не пролился, хотя на закате в горах гремело, и ночью, пока Пилат сидел на балконе, отдыхая от дневного зноя, дважды дунуло прохладным ветерком. Порывы были свежи, наполнены запахом грозы – так пахнут молнии и дождевые капли. Но не случилось. Долгожданный ливень поворочался где-то в ущельях, потрепал верхушки сосен и умолк, успокоившись.

Перед сном к Пилату вышла Прокула, посидела с ним немного, поклевала виноградную гроздь, выпила несколько глотков золотистого фалернского, разбавленного тимьяновым родосским медом и, коснувшись губами вислой щеки прокуратора, удалилась во внутренние покои. Дыхание ее было свежим, с медовым привкусом, шаги легки. Скользнув между тенями, особенно густыми в свете дворцовых светильников, она исчезла из виду, но прокуратор еще некоторое время слышал ее шаги. Едва слышно лязгнуло железо: стража распахнула перед женой игемона двери и снова прикрыла створки, оставив Пилата наедине с ночью и мыслями.

Некоторое время он размышлял о прожитом дне. Мысли казались вязкими, словно растопленная на солнце смола. Всплывали какие-то малозначащие детали, какие-то слова,

жесты, строки, написанные на пергаменте. Потом прокуратор поймал себя на том, что спит, и тут же проснулся. Звук, разбудивший его, заставил шарить вокруг в поисках меча, и на мгновение он похолодел оттого, что не нащупал рядом рукоять гладия.

Не сразу, но Пилат сообразил, что лежит не у походного костра и не в палатке во временном лагере, а на ложе, в крытой галерее, и пробудился из-за звона пустого кубка, что обронил на каменные плиты пола. И тогда он перестал судорожно шарить вокруг в поисках оружия, медленно-медленно выдохнул воздух, распирающий легкие, и сел.

Воин остается воином, даже тогда, когда становится чиновником.

Прокуратор видел прежние сны. В них не было этого раскаленного города, его белых камней, громады чужого, враждебного Храма, бело-голубых одежд здешних жрецов и гортанной арамейской речи. И он сам был другим – без жирка, весь состоящий из мышц и скрученных жил, легкий и свирепый, как гончий пес. И участие в яростной схватке привлекало его тогда куда больше, чем раздаваемые после битвы награды.

Думать о том, как он изменился за прошедшие годы, Пилат не хотел. Не хотел – и все. Без объяснений. Что можно объяснить самому себе? Как солгать? Разве себя обманешь?

Он встал (боль в ушибленной спине дала о себе знать – выпрямляясь, он едва сдержал стон) и косолапой походкой

кавалериста зашагал по галерее. Слева, между массивными колоннами, мелькало густо усыпанное звездными россыпями небо, по которому проносились призрачные легкие тени – не то ночных птиц, не то нетопырей, гнездившихся под портиком в огромном количестве.

Стража распахнула перед ним дверь во внутренний покой. Прокуратор шагнул в полумрак галереи, ведущей в спальни, створки за ним сомкнулись и он услышал, как скрипнули кожаные доспехи легионеров.

В спальню заглядывала луна. Ветер лениво перебирал занавесь на окне и осторожно трогал балдахин над ложем. Прозрачная ткань едва-едва шевелилась, в саду внутреннего двора перекликались птичьи голоса.

Прокула спала на боку, свернувшись клубочком, еле слышно посапывая, и у Пилата, у Всадника – Золотое Копье от нежности, от того чувства, которое ранее было ему незнакомо, на мгновение сжалось сердце.

Он сбросил с себя одежду и, стараясь не шуметь, лег рядом с женой, осторожно взял ее за руку, укрыв своей большой ладонью маленькую кисть с тонкими, хрупкими пальчиками. Раньше, ложась спать, он так же касался рукояти меча.

Времена меняются, подумал Пилат, вытягиваясь на прохладных простынях во весь рост. Это ни хорошо и не плохо, так и должно быть. Плохо, что мы меняемся. Самая прочная броня с годами ржавеет и разваливается. Что же говорить о людях? Я не такой, каким был раньше. Совсем не такой, но

этого никто не должен увидеть. Никто. Ни враги, ни друзья. Настанет утро, и все будет как прежде. Наступит утро…

В спальню медленно вливалась пришедшая с окрестных гор прохлада. Едва мерцавший в углу светильник на миг зарделся, так, что тени заметались по комнате, и окончательно угас. Сон навалился на прокуратора, и Пилат уснул крепко, без сновидений, так и не выпустив из ладони руку жены.

А вот Афранию Бурру в эту ночь спать не пришлось.

Каждый раз перед большими праздниками, когда город начинал вскипать, как поставленный на медленный огонь котел с похлебкой, начальник тайной полиции чувствовал, что ненавидит свою работу. Как вскипающая похлебка покрывается неприятной на вид пеной, так и переполненный людьми Ершалаим принимался страдать от пришлой и местной нечисти, мечтающей поживиться за счет гостей и жителей города.

В принципе, все праздники добавляли Бурру головной боли, но самым тяжелым был Песах.

В эти дни население Ершалаима вырастало в несколько раз, переполненные гостиницы и постоялые дворы не вмещали прибывших. Воров на рынках становилось едва ли не больше, чем торгующих. В город спешили блудницы, разбойники, проповедники, бродячие фокусники и актеры. На загаженных улицах то и дело возникали драки с поножовщиной, кого-то грабили, а два-три совершенных за ночь убийства были нормой. И, несмотря на то, что Ершалаим был пе-

реполнен соглядатаями, доносчиками и полицейскими, жить в нем в предпраздничные дни было небезопасно – слишком уж значительным становился численный перевес тех, кто нарушал или был готов нарушить законы при любой возможности.

Агенты Афрания сбивались с ног, но не могли уследить за всем, что происходило на улицах, и чаще всего убийцы оставались безнаказанными, воры благополучно исчезали с добычей, а целители едва успевали вправлять вывихи и врачевать переломы, раны да ушибы. Жизнь не сделала Бурра человеконенавистником, но накануне Песаха даже он, при всей своей уравновешенности и выработанной годами привычке сдерживать эмоции, начинал испытывать приступы мизантропии.

Вечером, когда Пилат предавался размышлениям во дворце Ирода, начальник тайной полиции сначала спустился в Нижний город и, зайдя в один из домов неподалеку от дворца Каиафы, провел в нем почти час. За это время Ершалаим обволокли густые смоляные сумерки, вспыхнули факелы у входа в Храм, один за другим зажглись огни на шестидесяти башнях стены, окружавшей Верхний город, потом разгорелись сторожевые костры на шестнадцати башнях стены города Нижнего. Словно в ответ им замерцали светильники на стенах Храма, обозначая огненным пунктиром его очертания.

Последними зажгли факелы стражники у дворца перво-

священника. Город готовился отойти ко сну, он устал, обессилел от жары и забот, но все еще гудел и ворочался, не в силах отбросить от себя дневные волнения. Ночь приносила облегчение, ночь приносила прохладу. С гор задуло, и начальник тайной полиции запахнул плащ на груди – влажную от пота кожу обожгло ледяным дыханием.

Шагая по улице, ведущей к Верхнему рынку, Афраний внимательно поглядывал по сторонам из-под капюшона. Плащ не только скрывал лицо и фигуру начальника тайной полиции, в его складках Бурр прятал и гладиус, и заточенный до бритвенной остроты пугио, притаившийся в кожаных с медью ножнах. Улицы, несмотря на поздний час и падавшую на город тьму, полнились людьми. Конечно же, толпа не была такой плотной, как днем, но все равно прохожих на улицах было слишком много для такого часа. Некоторые, так и не нашедшие себе места для ночлега, укладывались спать под стенами домов, другие мостились у чужих дверей – мужчины, женщины, дети…

Ночью им не позавидуешь, подумал Афраний. Те, кто ночует на площадях, разведут костры. Здесь же огня не зажжешь, не дадут.

Дома в Нижнем городе были богатыми, жили в этих кварталах все больше состоятельные торговцы, золотых дел ремесленники, поэтому двери ставили прочные, с железом и бронзой, а высокие, тщательно выбеленные известью стены поднимались вверх – не залезешь, не перепрыгнешь. Не до-

ма, а маленькие крепости, стоящие настолько близко друг к другу, что двум всадникам не разъехаться. Их хозяева не будут рады тому, что под их стенами ночуют десятки и сотни приезжих. Но что поделаешь? Песах! Каждый еврей хочет посетить Храм и принести жертву своему невидимому Богу!

Были вещи, которые начальник тайной полиции полагал выше своего разумения.

Рим имел свою религию, и, наверное, чтил своих богов. Но в сравнении с верой, которую нес в себе этот народ, Империя не верила в богов вообще. Разбитая на четыре провинции Иудея, казалось, была лишена единства. Северяне недоверчиво относились к южанам, и те платили им той же монетой. Выходцы с востока терпеть не могли всех остальных, обитатели приморских городов заносились перед жителями горных районов.

Но во время молитвы…

Все иудеи, где бы они ни жили и из какого рода не происходили бы, молились одному Богу, и их белоснежный Храм с золотой чешуей крыш был той самой твердыней, собиравшей народ воедино. Вера губила их, вера отделяла их от всего остального мира, сковывала сотнями смешных запретов, но она же и спасала это племя от ухода в небытие. Ни греки, владевшие Эрец Исраэль сотни лет, ни римляне, снова поставившие иудеев на колени сравнительно недавно, ничего не изменили – в весенний месяц нисан сотни тысяч иудеев со всего мира едут, чтобы принести своему Богу жертвенно-

го агнца, чтобы храмовый жрец окропил четыре угла алтаря свежей кровью. Едут, чтобы внести в сокровищницу Храма свою лепту – и вот он! Громадный, белый с золотом, хранящий в себе сокровища, которые собирали поколения верующих иудеев. Прав, прав прокуратор – тот, кто обещает разрушить Храм, не враг Риму! Нет другого способа изменить этот народ! Зелоты, саддукеи, фарисеи да и идумейцы, давно ставшие полуэллинами – все они молятся одному Богу! Если же отобрать у них единство в вере – не станет народа…

Размышляя, Афраний неторопливо шагал, двигаясь к одному из висячих мостов, переброшенных через провал Сыроварной долины – такой путь к Антониевой башне был самым коротким. Он тоже устал. День был долгим, но для начальника тайной полиции он все еще не закончился, хотя город засыпал, поёживаясь от ночной прохлады, и (Афраний прекрасно об этом знал) вряд ли закончится до утра. На другой стороне долины людей на улицах поубавилось, но чище не стало. Почти миллион приезжих – это гораздо больше того, что могут вместить стены Ершалаима.

Вскоре переулок привел его к цели – большому, в два этажа, с плоской крышей-садом дому. Афраний постучал в двери – сначала два раза, потом еще два и еще один после небольшой паузы. Спустя несколько мгновений звякнули запоры, и Бурр тенью скользнул в приоткрывшийся проем. И вовремя. На улице зазвучали шаги и громкие голоса. Патруль совершал свой еженощный обход. Бурр усмех-

нулся. Хорош непосредственный начальник, прячущийся от подчиненных! Но скрыться незамеченным – это лучше, чем рассказывать солдатам о том, что он тайно проверяет посты. Вряд ли кто-то сопоставит его визит в этот район с обитателями дома, в который он вошел, но… Афраний никогда не боялся риска, вот только терпеть не мог рисковать без надобности.

Во внутреннем дворе горели светильники, и их количество однозначно указывало на то, что хозяин дома богат. Над Ершалаимом как раз начала всходить луна, и ее белый холодный свет смешался с мягкими желтоватыми лучами от горящего масла. Неизвестно как пробравшийся во двор ветерок колыхал пламя, и по стенам скользили причудливые тени. Хотя цветника Афраний не разглядел, но он определенно был где-то рядом. Запах цветов висел в прохладном воздухе, такой материальный, что его можно было потрогать руками.

Афраний откинул капюшон на плечи, открывая лицо, и взглянул в глаза тому, кто распахнул перед ним дверь. Человек, стоявший перед начальником тайной полиции, заслуживал уважения, и играть с ним в те же игры, что и с Малхом, Бурр не мог. Вернее – мог, он пока еще мог почти все в этой стране. Мог, но не хотел.

Израиль. Иудейская пустыня
Наши дни

Говорят, что молния никогда не попадает в одну точку. Это правда. Но ей ничто не мешает попасть всего на несколько метров левее или правее того места, куда она уже била минуту назад.

Огромный сверкающий посох воткнулся в скалу, на этот раз за спинами группы Вальтера, грянул гром, и ударная волна обрушилась на людей, прятавшихся в узкой расщелине. Основной напор чудовищно мощного звука на этот раз пришелся на легионеров, а Каца, Валентина и Арин просто отшвырнуло в сторону.

Шагровский встал на четвереньки и подставил плечо девушке. Потом они вместе помогли Рувиму подняться и снова побрели по проходу, прочь от преследователей. Валентин подумал, что можно было попытаться перестрелять оглушенных врагов, но закончить мысль не успел. Что-то ударило его в спину между лопатками, прямо в рюкзак с бесценным контейнером, и ударило так, что он полетел лицом вперед, прямо в красно-коричневую грязь, которой становилось все больше и больше. Под слоем грязи некстати оказался камень, из глаз Шагровского брызнули искры, и от резкой боли прояснилось в голове. Он осознал, что его волокут, а он едва переступает ногами и что так нельзя, потому что дядя и Арин не смогут долго тащить почти девяносто килограммов веса.

И тут их накрыло потоком воды, немыслимо закрученной, пенной, словно молоко в миксере. Накрыло, сорвало с места

и понесло, вращая и швыряя со стороны в сторону.

Шагровский много раз купался в быстрых горных реках – в потоке почти невозможно скоординировать тело и, несмотря на все усилия, чувствуешь себя бумажным корабликом, брошенным на волю волн. Сейчас эффект был приблизительно такой же, разве что вода оказалась теплее. От неожиданности Валентин ушел с головой в бурую воду, но тут же вынырнул, задыхаясь от неожиданности и страха, что потеряет из виду дядю Рувима и Арин. Профессора он не увидел, зато Арин барахталась в потоке буквально в метре. Ей приходилось загребать одной рукой, во второй она все еще держала автомат. Шагровский только сейчас понял, что он свое оружие потерял, зато рюкзак с рукописью все еще был за плечами и контейнер в нём: Валентин особенно хорошо ощущал его между лопатками. Место, куда должна была ударить пуля, очень болело.

Валентина крутило, словно в барабане стиральной машины, но он все же изловчился ухватить девушку за вздувшуюся в воде рубашку и притянуть к себе. И вовремя – поток встал на дыбы (так бурлит вода, проходя пороги) и их вдвоем проволокло по каменной россыпи. Шагровский успел приподнять Арин над собой и принял удар плечами, задом и рюкзаком. Лямки затрещали, но не лопнули, а вот кожа на правом плече удара не снесла – разошлась. Больно было так, что Валентин не выдержал и заорал: казалось, камни рвут оголенные нервы.

Внезапно рядом оказался дядя с лицом, залепленным красной грязью, и блестящими безумными глазами. Он тоже грёб одной рукой, пытаясь держать свой пистолет-пулемет над водой. Шагровского проносило мимо, он протянул Рувиму руку, но тщетно – пальцы схватили грязную пену в полуметре от плеча профессора, и тут же водяной вихрь бросил дядю Рувима в сторону племянника, заставив оторваться от стенки.

Поток, который нес их по узкому ущелью, с каждой секундой становился все мощнее и мощнее. Ливень питал его своими слезами, каменное русло сжимало, заставляя лететь между скальных стенок, и он волок за собой камни, сотни тонн грязи, а заодно и людей с такой же легкостью, как лесной ручей – упавших в него муравьёв. Вода прибывала, наполняя узкое ущелье, и беглецы, и их преследователи барахтались на поверхности, то и дело попадая в водовороты и получая пинки от мощных боковых потоков.

Молния снова обрушилась с небес, воткнувшись в торчащую над краем обрыва скалу. Каменный зуб лопнул, крошась, воздух разорвало громом, а огромные обломки полетели вниз, прямо навстречу беглецам. Шагровский, в очередной раз потерявший слух, четко видел, как камни летят, кувыркаясь в струях ливня, и неумолимая вода несет их с девушкой точно под удар. Он ухватил Арин за ворот, готовясь нырять, но не успел. Успел только зажмурится. Здоровущий, размером с малолитражку, камень упал в воду в по-

луметре за ними, едва не оторвав руку дяде Рувиму. Поток снова вздыбился, Шагровского перевернуло, и хорошо еще, что внизу не оказалось большого валуна, иначе не сносить Валентину головы, и он вынырнул невредимым, так и не выпустив из ободранных пальцев рубашку девушки.

А вот раненому Ренье (его несло в потоке буквально в полутора десятках метрах от Рувима) не повезло, он ударился коленями об упавший обломок и коленные чашечки бельгийца мгновенно превратились в кашу из обломков кости. Ноги закрутило винтом, мелькнул над грязной водой приоткрытый рот… Раненый вскрикнул и исчез под водой настолько быстро, что никто не успел и руку протянуть в его сторону. Вальтер, увидев, как засосало Ренье, инстинктивно поджал ноги и пролетел над препятствием (вода через обломок катилась мохнатым от пены горбом), Морис тоже проскочил, даже не заметив опасности, его выручил небольшой рост и то, что он не пытался перебирать ногами, чтобы держать корпус вертикально. Плывший последним Ларс ударился о камень щиколоткой и заорал дурным голосом, не столько от боли, как от страха – он ежесекундно ждал смерти и, в общем-то, не без оснований.

Бурлящая река выплеснула беглецов из горловины ущелья, но это было не избавлением, а только началом нового несчастья. Здесь расстояние от стены до стены было гораздо больше, и несколько потоков сливались в один, еще более полноводный, но не такой быстрый и бурный. «Не такой

быстрый» вовсе не означало «медленный», вода по-прежнему тащила их вперед и ливень не собирался утихать. Шагровский, вытянувшись в струнку, ухватил пролетавшего мимо дядю за рукав и умудрился при этом не захлебнуться. Вокруг то и дело возникали воронки больших и малых водоворотов, словно кто-то сидящий под водой вынимал и вставлял в сливы этой каменной ванны десятки пробок. Рувим, Шагровский и Арин вцепились друг в друга мертвой хваткой, понимая, что стоит на миг её ослабить – и их разъединит, расшвыряет в разные стороны, и найти друг друга в этом аду будет невозможно.

– Нас несет к Мертвому морю! – прокричал профессор Кац.

Грязь с его лица дождь смыл, а вот с волосами не справился – по дядиной шевелюре сползали густые колбаски красного цвета.

– Смотрите! – Арин внезапно забила ногами, стараясь направить их «сцепку» куда-то вправо.

Там, куда пыталась плыть Арин, скала резко начала понижаться, склон скатывался к поверхности бурного потока, и, при определенной сноровке и везении, в этом месте можно было попытаться выбраться наверх.

Все трое принялись грести, но вода тащила их мимо в нескольких метрах от спасительных камней, не давай возможности сократить расстояние.

В какой-то момент Шагровский почти дотянулся до валу-

на, но лишь проехался по нему пальцами. Стрельнуло в поврежденном плече, потемнело в глазах. Их развернуло, закрутило еще больше, вынесло на стремнину и тут же бросило обратно, под самый камень, но стенка снова полезла вверх, и до желанного края скалы было больше метра. Вода ревела, вливаясь в новое жерло – вход в ущелье походил на разинутую змеиную пасть. Поток ворвался вовнутрь, царапая бока об острые камни, и припустил в еще большей прытью.

Шагровский увидел за пеленой дождя какое-то белое кипение, уходящие в стороны россыпи крупных обломков, и только мгновение спустя сообразил, что именно видит.

– Завал! – закричал он, понимая, что ничего сделать они физически не успеют.

И они врезались в завал.

Часть скалы обрушилась, скорее всего, несколько минут назад, и вода, с силой ударяя в обломки, взлетала брызгами вверх, рвалась в щели между валунами, но не успела еще заполнить трубу ущелья настолько, чтобы перевалить через препятствие. Откат струи немного мягчил удар, но, все равно, приложило их крепко – Рувима боком, а Шагровского той же многострадальной спиной. Контейнер снова проехался по ребрам и позвоночнику, пластиковая пряжка, скреплявшая лямки рюкзака у Валентина на груди, разлетелась на части. Вскрикнула Арин. Поток многотонной рукой прижал их к камням, норовя раздавить, расплющить, превратить в фарш.

А еще ровно через три секунды вода принесла им незваных гостей.

Гостей было трое – не четверо, но сказать, что шансы стали равны, не рискнул бы самый большой оптимист. Никто не мог предугадать, чем закончится эта встреча. Слишком многое зависело от удачи, от того, как и на какие шахматные клетки расставит игроков судьба. Ларс врубился в камни рядом с Арин и так удачно, что раздробил локоть, и это спасло девушке жизнь – скандинав был тяжелее ее килограммов на сорок, и первый же удар пудовым кулаком отправил бы Арин в нокаут. Ларс был испуган, почти впал в панику, но все же оставался опытным рукопашником, а в схватке двух мастеров боя почти равного уровня вес играет немалую роль.

Кость хрустнула, скандинав с воплем попытался ударить девушку уцелевшей рукой, но та поднырнула, спрятав голову под волну. Ни Ларс, ни Арин и мысли не имели о временном перемирии «во спасение». Легионер настиг врага, виновного во всех свалившихся на легион несчастьях. Девушка же защищала свою жизнь от материализовавшегося зла, мстила за погибших товарищей.

Вода прижала ее спиной к камням, но не смогла помешать девушке осуществить задуманное – она на ощупь ухватила противника за яйца, облепленные мокрой тканью, и, сжав мошонку в кулаке, рванула ее что есть силы, выкручивая, словно отрывала от стебля кукурузный початок.

Ларс потерял сознание посредине крика – боль была

нестерпимой, и сознание выключилось быстрее, чем легионер сообразил, что именно делает девушка. Арин рванула его за плечи вниз, погружая под воду, и одновременно выскочила вверх, опираясь на противника. Вода хлынула Ларсу в рот, он начал дышать ею и тут же пришел в себя – легкие наполнялись жижей, сердце колотилось в горле. Он попробовал вынырнуть, но что-то твердое охватывало его шею, не давая приподняться.

Он забился в страхе, попытался достать врага здоровой рукой, но Арин только сильнее сдавила бедрами его мощную шею, выворачиваясь так, чтобы сломать Ларсу хребет. Скандинав задыхался, он не мог даже выкашлять воду, которая разрывала ему бронхи и легкие, он не мог сбросить с себя эту суку… Он… Он… Хруст позвонков из-под воды не был слышен. Просто противник обмяк и Арин, разжав ноги, отпустила сломанную шею. В крови девушки кипел чистый адреналин, её даже обдало жаром.

Рядом она увидела странного многорукого и многоногого зверя – в скрещивающихся струях схватились насмерть профессор и маленький, похожий на мокрую мышь, человек. Сходство с грызуном было настолько разительным, что поражало воображение. Оскаленная мордочка, торчащие вперед передние зубы, маленький череп, облепленный редкими волосиками, как мокрой шерсткой. Головы противников то появлялись, то исчезали между струями воды – Арин даже не сразу сообразила, кто из дерущихся берет верх, так стре-

мительно менялись позиции, но без колебаний поползла по камням через бьющие с брандспойтной силой струи, чтобы вцепиться в горло противнику.

Морис был совсем не прост и за свою бурную жизнь отправил «на ту сторону» не один десяток людей, но и профессор Кац далеко не всегда был профессором археологии. Вода швыряла их во все стороны и не давала совершать точных движений, потому со стороны схватка выглядела, как борьба нанайских мальчиков из известного циркового номера. На самом деле, противники дрались ожесточенно, не оставляя друг другу шансов даже на ничью. Преимущество Рувима калибром 5.45 висело у профессора на правом боку, и, несмотря на короткий ствол, развернуть его в сторону Мориса дядюшка не мог. Француз пытался добраться до профессорского кадыка, а тот пальцами левой руки цеплялся за глазницы Мориса, пробуя выдавить глаза. Правая рука дяди все еще лежала на рукояти пистолета-пулемета, он просто не успел ее высвободить.

Поток бил в каменное препятствие, как многотонный таран в крепостную стену, и беглецы вместе с преследователями оказались как раз между молотом и наковальней. Арин рвалась на помощь профессору Кацу изо всех сил, а в результате продвинулась на считанные сантиметры. Профессор и человек-мышь в очередной раз исчезли в бурлящей пене, потом пена вдруг окрасилась алым. Что-то затарахтело, словно под водой кто-то застучал камнем о камень. Опознать в

странных звуках выстрелы было практически невозможно, но тут в потоке качнулась чья-то спина с зияющей на ней дырой, из дыры летело красное, и девушка поняла, что кому-то из дерущихся удалось завладеть автоматом.

В воде мелькнула мышиная мордочка с выпученными глазами – казалось еще чуть-чуть, и они вывалятся из орбит сами по себе! Потом снова всплыла спина, на этот раз с торчащим из нее стволом автомата, а через мгновение Арин с облегчением перевела дух, увидев, что рядом с ней появился дядя Рувим. Лицо у профессора было темно-багровым, расцарапанным, угол рта порван, но он был жив – это главное. Арин вцепилась в его рубашку мертвой хваткой, и вовремя: вода хлынула через край каменной плотины, беглецов сорвало с места, закружило…

– Где Валентин? – крикнул профессор, не выпуская из рук плечи девушки. – Арин, где Валентин? Ты его видела?

Стремительный поток уносил их все дальше от места последней схватки. Но уносил он только двоих.

Глава 11

Иудея. Ершалаим
30 год н. э.

Человека, который стоял перед Афранием, звали Иосифом га-Рамоти, и весь Ершалаим (и не только Ершалаим) знал его, как члена Синедриона, уважаемого представителя купеческого сословия и одного из богатейших людей города. Афраний же считал Иосифа образованным человеком, одним из умнейших в партии фарисеев и…

Бурр был бы рад назвать га-Рамоти своим агентом, но – вот незадача! – будучи человеком трезвого ума, он не рискнул бы делать такие выводы, прежде всего потому, что не был уверен в том, кто чей агент. Иногда к нему в голову закрадывались некоторые подозрения, но… Афраний не был готов обсуждать эти мысли с кем бы то ни было. Даже с собой. Во всяком случае, до того момента, пока в этом не возникнет сильной необходимости. Любые взаимоотношения – это всегда обмен информацией, не так ли?

В общем, начальник тайной полиции очень ценил дружбу (если, конечно, такие отношения можно было назвать словом «дружба», но как прикажете их называть?) с членом Синедриона и одним из отцов города и искренне надеялся, что за приветливой улыбкой и вежливыми речами этого нестарого еще иудея не скрывается та всепоглощающая, тяжелая

ненависть ко всему римскому, которой с недавних пор был буквально напоен воздух Ершалаима.

Даже Каиафа и Ханнан, обязанные своим возвышением Риму и его наместникам, излучали неблагожелательность, и Афраний прекрасно понимал, что люди эти поддерживают, прежде всего, свою собственную власть, своё собственное положение в обществе, а вовсе не имперские интересы. Что уж тут говорить обо всех остальных? Это было прискорбно, но не удивляло. Хвалебные крики и показные изъявления горячей дружбы никогда не обманывали Бура. Для этого он был слишком умен, опытен и напрочь лишен иллюзий. Купить предателя несложно, но нет таких денег и благ, что могли бы гарантировать его преданность. Но временный союзник, которому в случае необходимости можно перерезать горло – тоже неплохо. Таких союзников у Рима было полно во всех колониях, и Иудея не была исключением. Их покупали – кого задорого, кого задешево, ведь важен результат! Суммы, которые уходили на поддержание лояльности, наверное, было страшно озвучить, во всяком случае, ведомости, которые Афраний приносил на подпись сначала Валерию Грату, а теперь Пилату Понтийскому, впечатляли.

А вот лояльность Иосифа из Рамоти купить было невозможно. Он был из тех, кто покупает лояльность сам. И деньги в его семье были «старые» (рассказывали, что его дед разбогател еще вначале правления Ирода Великого, а далее богатства лишь преумножались рачительным ведением дел), и

политическое влияние заработано не сегодня, и авторитет в делах общины заслужен уже двумя поколениями предков.

Впрочем, то, что Иосиф, едва достигнувший на сегодняшний день тридцатисемилетнего возраста, вот уже десять лет как заседал в Синедрионе, говорил о многом. Но для Афрания важно было другое – давно, очень давно их с га-Рамоти связывают определенные и не самые плохие отношения: множество взаимных услуг, немало общих тайн, несколько секретов, о которых нужно было бы забыть, чем скорее, тем лучше…

За двенадцать лет в этом сумасшедшем городе легче стать врагами, чем сохранить взаимное уважение, но, к радости Афрания (ему хотелось бы верить, что такая радость взаимна) отношения они не испортили. Бурр осознавал, что если их многолетняя деловая связь раскроется, то для Иосифа это может стать большой проблемой, но – что поделаешь? – даже при взаимовыгодном сотрудничестве один из партнеров всегда рискует больше.

Впрочем, Афраний не был абсолютно уверен, что правильно понимает сложившийся между ним и га-Рамоти расклад. Возможно, что все было не так, как казалось на первый взгляд, и большие риски выпадали как раз на начальника тайной полиции провинции Иудея.

Такое тоже бывало. Увы.

Иосиф га-Рамоти был невысок, хрупок в кости, узкоплеч и притом лысоват и лобаст. Греки утверждали, что подобное

сложение свойственно мыслителям и философам, а не бойцам, – тут Афраний был склонен с ними согласиться, только вот его опыт подсказывал, что для выигрыша в битвах, особенно невидимых на первый взгляд, таких, как Бурр привык вести, высокий лоб значит больше, чем широкие плечи и мощные мышцы на животе.

Кстати, при всем своем видимом изяществе га-Рамоти был очень силен – руки его, жилистые, с большими широкими ладонями и сильное, твердое рукопожатие о многом говорили понимающему человеку. Так что, несмотря на непропорциональное сложение, рано облысевший Иосиф не вызывал у окружающих желания насмешничать.

Из-под выпуклого лба мыслителя на Афрания смотрели широко поставленные карие глаза, умные, внимательные, неожиданно густая борода расширяла нижнюю часть узковатого лица, делая его значительнее, скрывая еще и неожиданно нежный для такого суровой внешности рот, и Бурр подумал, что в иудейском обычае не бриться есть рациональное зерно. Он представил себе га-Рамоти без бороды и невольно едва заметно усмехнулся.

– Здравствуй, Афраний, – поприветствовал его хозяин дома. – Рад видеть тебя, друг мой!

Голос у Иосифа был низкий, хорошо поставленный, тоже не подходящий к узкоплечему торсу – такой голос должен бы принадлежать гиганту ростом под семь футов, а не человеку, который едва достигал пяти с половиной. Но притом

малорослым иудей не казался. Есть люди, умеющие держать себя величаво вне зависимости от габаритов, которыми одарила их природа.

– И я рад видеть тебя, Иосиф!

– Проходи.

В комнатах было прохладно, горели масляные лампы (масло было с отдушкой, и в воздухе витал легкий цветочный аромат), на накрытом полотном столе стояли кувшины с вином и водой, два серебряных кубка ершалаимской работы, со сложной чеканкой и камнями, да сушеные фрукты на потрясающей красоты керамическом блюде, явно греческом, с геометрическим орнаментом, бегущим по краю. В преддверии Песаха хлеба в доме правоверного иудея не было. Впрочем, правоверность Иосифа, как неоднократно имел возможность убедиться Афраний, была далека от фанатичности, слишком уж рациональным и пытливым умом тот обладал.

Иосиф жестом пригласил гостя садиться, налил вина и сам сел напротив.

– Не буду спрашивать, что привело тебя ко мне так поздно, – сказал он.

– Не что, – ответил Афраний, добавляя в вино воду. – Кто. Я не буду спрашивать тебя, знакомо ли тебе имя Иешуа га-Ноцри. Это лишнее.

– Конечно, знакомо, – пожал плечами Иосиф. – После событий в Храме трудно найти в городе хоть кого-нибудь, кто

о нем не знает.

– Но ты знал его еще до того?

– Конечно. Каждый, кто начинает проповедовать, мне более или менее знаком…

Иосиф усмехнулся, но улыбка спряталась в бороде, и Афраний скорее угадал ее, чем увидел.

– Синедрион внимательно следит за тем, чтобы на этой земле не плодились лжепророки.

– Интересно, – не сдержался Бурр, – как вы отличаете пророков ложных от пророков истинных? Мне казалось, что это можно понять только с течением времени.

– Пророчат многие, – сказал га-Рамоти вполне серьезно. – Пророчества одних приводят к тому, что Квинтиллий Варр[17] распинает две тысячи моих соотечественников, и каждая ворона в окрестностях Ершалаима досыта наедается мертвечиной. Пророчества других безобидны. И, в общем-то, неважно, какие из них исполняются, а какие нет. Главное, чтобы не было от них вреда. Мессия обязательно придет, Афраний. Надо, чтобы было, кому его дождаться.

---

[17] **Публий Квинтилий Вар** (лат. *Publius Quinctilius Varus*), часто номен читают как **Квинктилий** (46 до н. э.[1] – осень 9 н. э.) – римский военачальник и политический деятель в период правления императора Августа. Вслед за консулатом Вар в 7–6 гг. до н. э. отправляется на год в провинцию Африка в ранге проконсула. В 6–4 гг. до н. э. он получает должность пропреторского легата Сирии, где под его командованием оказывается 4 легиона. Иосиф Флавий упоминает молниеносные действия Вара против мессианского восстания в Иудее после смерти в 4 до н. э. царя Ирода Великого. После захвата Иерусалима, он распял около 2000 еврейских повстанцев.

– И что ты скажешь о Иешуа?

– Как подданный Рима? Или как иудей?

– Как мой старый друг, Иосиф, как мой старый друг…

– Скажу, как друг, Афраний. Только объясни прежде, что у тебя за интерес к га-Ноцри? Происшествие в Храме – разве римляне интересуются им?

Пришел черед усмехнуться Бурру.

– Все, что происходит в этом городе, интересует Рим, Иосиф. Просто иногда ты не видишь моей заинтересованности, и это хорошо. Значит, я все делаю, как нужно. Иногда я открываюсь перед тобой, но только потому, что доверяю тебе и твоей мудрости. Возможно, это неправильно, но в моем деле, даже если ты не доверяешь никому, нельзя никому не доверять…

– Сказано хорошо. И все же… Ты спрашиваешь о нем из-за бунта в Храме?

Афраний кивнул, подтверждая догадку собеседника.

– Это не все причины, Иосиф, но главная из них.

– И до того у тебя не было интереса к проповеднику из Галилеи?

– Был.

Иосиф взял с тарелки фигу и, не торопясь, откусил кусочек от медового бочка.

– Спасибо за откровенность, – сказал он, не глядя на собеседника. – Значит, у нас с тобой есть повод вспомнить еще одного человека. Даже двух.

– Конечно, – согласился Афраний, пригубив вино. – Иоханнана по прозвищу Окунающий и Ирода Антипу.

– Иногда, – произнес га-Рамоти, поднимая взгляд на Бурра, и почему-то взгляд этот был сочувствующим, – мне начинает казаться, что ты знаешь все и обо всех. Ты слишком долго прожил среди нас, Афраний. Как ты умудряешься оставаться римлянином?

– Ты будешь удивлен, но нечто подобное сказал мне сегодня и прокуратор.

– Говорят, что у умных людей мнения совпадают, даже если это разные мнения. Итак, начнем ab ovo[18]?

Афраний кивнул.

Возможно, то, что он услышит, ему давно известно, а, может быть, и нет. В любом случае, важна интерпретация.

Израиль. Иудейская пустыня
Наши дни

Шульце был недоволен добычей.

Больше всего на свете ему хотелось добраться до горла Рувима Каца. Добраться обстоятельно. Чтобы никуда не торопиться. Чтобы получить максимальное удовольствие. А вместо этого ему достался задохлик-племянник… Ну, за отсутствием дядюшки придется пострадать родственнику! Не повезло парню!

---

[18] Ab ovo (лат.) – дословно «от яйца», употреблялось в Древнем Риме в смысле «с самого начала».

Шульце врубился в Шагровского головой точно как торпеда в борт сухогруза и едва не сломал себе шею, а из Валентина буквально вышиб дух.

Удар отбросил их обоих от стены, поток потащил прочь. Когда искры перестали сыпаться у Карла из глаз, он попытался ухватить Шагровского за рюкзак – тело Валентина кружил водоворот буквально в полутора метрах от немца, но не достал. Огнестрел Шульце потерял, из кинжала в пластиковых ножнах, пристегнутых к бедру, не постреляешь, но для того, чтобы справиться с племянником, он не нуждался в пистолете. Свернуть мерзавцу голову голыми руками! За свой испуг, за погибших легионеров, за все, что пришлось испытать в эти дни! И все будет мало!

Вальтер-Карл еще раз попытался выхватить тело из потока, но тело вдруг ожило, забило по воде руками, заперхало, отплевываясь, и поймать себя не дало.

Валентин дышал с трудом. Дико болели треснувшие от столкновения ребра, саднила ушибленная до того спина, но он был жив и сдаваться не собирался! Теперь он видел врага вблизи. Их разделяло всего несколько метров и, несмотря на дождь, можно было разглядеть даже ссадины на его физиономии. Валентин никогда не имел возможности рассмотреть того, кто называл себя Вальтером, но был уверен, что этот массивный мужчина с тяжелой челюстью и ежиком волос на голове – именно он! Вальтер-Карл смотрел на Шагровского так, что хотелось нырнуть и уже никогда не показываться на

поверхность – немец был переполнен такой ненавистью, что если бы мысли могли убивать, Валентина уже не было бы на свете!

Поток почему-то замедлился, за ревом бури прорезался посторонний шум – так могла бы реветь вода, выливаясь из огромного сливного бачка. Немец оказался почти рядом, уже не в метрах, а буквально в сантиметрах от Валентина. Шаговский изо всех сил загребал руками, прижимаясь к стене, возле которой воде текла ощутимо быстрее, но внезапно что-то потянуло его за ноги, голова начала уходить под воду, и Валентин подумал, что это очень похоже на то, что его глотают!

Чудовище, сидящее в грязной воде, засасывало его в свою открытую пасть, и он ничего не мог поделать. Краем глаза он заметил, как забился Вальтер, тоже пытаясь одолеть странную силу, тащившую его вниз. Заметил и погрузился с головой, но перед тем успел вдохнуть. Нырнув, он тут же провалился в воронку, полетел куда-то вниз и в сторону, бултыхаясь во взвеси из жидкой грязи и мелких камней.

Он не мог дышать.

Вокруг была густая, как раскисший творог, жижа.

И песок.

И камень.

И они смешивались, менялись местами…

Его волокло мощным и неумолимым, как голодный хищник, течением по какой-то узкой скальной щели, словно по

трубе, и если бы он не успел набрать в воздуха в легкие перед погружением, то был бы уже мертв наверняка. В груди горело, он едва сдерживал себя от вдоха – тот стал бы последним в жизни.

Когда-то на съёмках ребята-дайверы учили его правильно дышать во время погружений без баллонов.

«На самом деле, – говорил один из них, – воздуха в организме человека хватит минут на пять-шесть. Только твой мозг об этом не знает. Он чувствует, что прошло тридцать секунд, а ты еще ни разу не вдохнул, и понимает – непорядок! Главное – победить рефлексы. Заставить дыхательный центр подчиниться тебе, а не внутреннему таймеру, который орёт – дыши! И если ты сможешь дышать не тогда, когда хочет твой пугливый организм, а когда ему действительно не хватает воздуха – ты победил!»

Пугливый организм Шагровского был близок к тому, чтобы заставить хозяина дышать грязью. Очень близок. Валентин не был уверен, что выдержит еще хотя бы десять секунд. И тут его вынесло на поверхность.

Это была пещера, каких полно в Иудейских горах. Не то чтобы огромная, но и не маленькая, неправильной формы – так могло выглядеть чрево кита поглотившего Иону. Только в ней не было темно – тусклый грозовой свет проникал через отверстия, рассыпанные на высоте десятка метров от земли. Откуда-то с самого верха отблескивали молнии бушующей снаружи суфы и спускались лианами длинные струи ливня.

Вся внутренняя поверхность скалы была изрыта ходами, густо, словно громадная головка сыра, изгрызенная сотней сумасшедших мышей, но только немногие из ходов, в основном самые верхние, были сквозными.

Вынырнув, Валентин задышал тяжело, часто, с присвистом, как бегун, преодолевший марафонскую дистанцию. Его несло по дуге – вода заполняла каменную полость, словно вино кувшин, прибывая на несколько дюймов с каждой минутой. Шагровский прикинул, с какой глубины его выбросило – получилось, что до дна, откуда выбивался поток, больше трех метров. Выше Валентина, на стене пещеры, виднелся скальный уступ, обегающий каменный зал вокруг по спирали. Импровизированная тропа вела вверх, и при определенной ловкости по ней можно было пройти. Нет, не пройти – пропрыгать, подобно здешним горным козлам.

Вода у противоположной стены вдруг взметнулась брызгами и на поверхность выбросило хрипящего Вальтера. Он выскочил почти по пояс, с выпученными от удушья глазами, испуганный, с перекошенным багровым лицом и закашлял, выхаркивая слизь и грязную жижу из горла. Но спустя секунду глаза его прояснились, и полный ярости взгляд уперся в Шагровского. Взревев, Вальтер-Карл бросился вперед, молотя ручищами-веслами.

Вода все время поднималась, но слишком медленно для того, чтобы Валентин успел взобраться на каменный уступ. Положение было безвыходным, что в прямом, что в пере-

носном смысле слова – игра в салочки с профессиональным убийцей в закрытом каменном мешке не оставляла Шагровскому надежды на спасение. Но даже там, где нет надежды на спасение, всегда остается шанс побороться за жизнь.

Валентин сдаваться без боя не собирался. Когда перекошенное яростью лицо Шульце было в полутора метрах от него, Шагровский резко, почти вертикально, ушел в мутную коричневую воду. Кулак Вальтера обрушился в никуда. Легат взревел, как взбешенный лев, закрутился на месте, ожесточенно крутя головой в поисках ускользнувшей жертвы.

Валентин всплыл у противоположной стены, и течение тут же подхватило его и понесло по кругу. Они с Шульце кружили друг напротив друга, скрестив напряженные взгляды, словно ковбои во время мексиканской дуэли.

Через отверстия в скале хлестнуло белым слепящим светом. Наверху загромыхало, качнулись свисающие сверху струи ливня, стены пещеры вздрогнули, мелкие камни сорвались со стен и шорохом сошли вниз – видимо грозовой разряд случился совсем рядом.

– Я достану тебя, малыш! – прохрипел Вальтер-Карл, и задвигал одновременно шеей и бровями, отчего зашевелился ежик грязных волос на голове, а лицо вдруг утратило сходство с человеческим и стало копией маски вурдалака из «Американского оборотня в Лондоне».

Шагровскому даже показалось, что из-под верхней губы Шульце полезли желтоватые клыки оборотня, но на самом

деле Вальтер просто осклабился.

– Я достану тебя, – повторил Шульце, готовя тело к новому рывку, – и разорву голыми руками. Если я буду ловить тебя долго, то и умирать ты будешь долго, гаденыш, я тебе обещаю.

Он метнулся вперед, но преодолеть расстояние больше пятнадцати метров одним броском было невозможно. Валентин дождался, пока противник окажется совсем рядом, и снова канул в глубину.

Опоздавший на полсекунды Вальтер взвыл, матерясь на всех известных ему языках, замолотил кулаками перед собой, закрутился, с яростью расшвыривая брызги.

На этот раз Шагровский всплыл не сразу, на максимальном расстоянии от противника. Всплыл, как ни в чем не бывало, поправил съезжающие с плечей лямки рюкзачка (при всей непринужденности жеста, заплыв в одежде и с увесистой сумкой за спиной обессилил его) и снова замер в ожидании атаки.

– Ах, вот ты где, малыш! Что же ты ныряешь, как утка? Погоди! Подожди меня, мальчик! Ну, давай же! Дождись! Докажи, что ты мужчина! Ах, ты ж…

Шагровский снова исчез за миг до того, как растопыренная ладонь Шульце схватила пустоту вместо его рубахи.

Невзирая на то, что Валентину приходилось уже несколько раз проплывать весь путь от стены к стене под водой, его дыхание выровнялось, стало неглубоким, приобрело ритм –

сказывались дайверские навыки. Вальтер дышал через раз, сипел и задыхался, чувствовалось, что его силы на пределе. Прибывающая вода все так же крутила их в смертоносном вальсе. Шагровский прикинул расстояние до спасительного карниза – все еще далеко. Слишком далеко!

Вспыхнула молния, и потолок пещеры на мгновение превратился в купол планетария, Валентин не успел зажмуриться и на миг ослеп. Ударил гром, раскат чудовищной силы хлестнул по барабанным перепонкам. Новый бросок Шульце Шагровский скорее почувствовал, чем увидел или услышал. На этот раз пальцы немца скользнули по голове Валентина, но он успел нырнуть, оставляя врагу клок волос.

Долго так продолжаться не могло – это понимали оба. Через пять минут, десять, ну, от силы полчаса, в живых останется один из них. Тот, кто сумеет победить. Или тот, кому повезет. Течение снова волокло их по кругу, Шульце выжидал момент для атаки и пытался восстановить силы.

Самое время прикинуть шансы…

Иудея. Ершалаим
30 год н. э.

– Истории этой почти пять лет, – начал Иосиф, – и если рассказывать ее всю, то не хватит ни этой ночи, ни следующей, ни еще одной. Мы с пониманием относимся к бродячим проповедникам, поэтому Окунающий и его ученики могли чувствовать себя в безопасности. Ничего крамольного он не

говорил, а его обряд очищения в воде – так иудею к микве не привыкать! Не вижу разницы, в чем смыть грехи. Вокруг него собралось немало людей, говорить он умел и не уставал это делать каждый день. Что плохого, если кто-то проповедует воздержание?

– Синедрион не видел в нем ничего опасного…

– До определенной поры – не видел. Беда всех проповедников в том, что они начинают считать себя умнее всех остальных.

– И даже вашего Бога?

Афраний намеренно сказал «вашего Бога», чтобы обозначить дистанцию. То, что мнения Иосифа и Пилата совпали, почему-то не наполняло его радостью.

– Некоторые думают так, – ответил га-Рамоти со всей серьезностью. – Но живут они недолго. Наш Бог (он тоже поставил акцент на слово «наш») безжалостен, Он не любит выскочек. Но Окунающий был не таким. Он был осторожен, умен, последователен и, что немаловажно, истинно верующ. Он не проповедовал ессейскую аскезу, но в чем-то зашел даже дальше, чем они. Нас он вполне устраивал, тем более что среди его учеников находились несколько преданных нам людей, и всякое его слово доходило до нас сразу же, как он его произносил…

Афраний не стал говорить, что среди учеников Иоханнана находились и его люди. Хотя, скорее всего, Иосиф об этом догадывался, если не знал наверняка.

– И, прежде всего, – сказал Бурр, – он был хорош тем, что проповедовал в Галилее.

Иосиф склонил в голову в знак согласия.

– Правда, этим был недоволен Ирод Антипа, но ты же знаешь, что заботы тетрарха не очень волнуют Синедрион.

Бурр позволил себе улыбнуться. Почти без иронии, дружелюбно, так, чтобы собеседник не обиделся и не закрылся, словно устричная раковина.

– Люди шли к Иоханнану, более того, его ученики, прошедшие обряд очищения водой, сами проповедовали на севере. Но среди них не было ни одного, чей талант был бы равен его таланту.

Га-Рамоти замолчал, словно обдумывая, что именно и как рассказать гостю.

– Не скажу, что это нас огорчало. Сильные личности редко терпят рядом с собой соперников. Скажу тебе, Афраний, что по-настоящему талантливые ученики обычно появляются только после смерти учителя.

– Или проявляются, – добавил Афраний.

И Иосиф снова кивнул.

– Когда нам сообщили, что в Капернауме появился новый проповедник, все подумали, что речь идет об одном из учеников Иоханнана, и мне далеко не сразу удалось разобраться, что к чему. Спустя некоторое время стало понятно, что между Иешуа и Окунающим нет ничего общего. Я не был уверен, что га-Ноцри не слышал проповеди Иоханнана, но

легко уяснил, что Окунающий уж точно о проповедях Иешуа не знал ничего.

– Большая разница? – спросил Бурр.

– И тот, и другой опираются на Книгу, – пояснил га-Рамоти. – Но га-Ноцри воспитан фарисеями и говорит, как фарисей.

Снова легкая, как ночная тень, улыбка пробежала по лицу начальника тайной полиции. Вражда между фарисеями и саддукеями принимала самые причудливые формы, но до сих пор обходилась без насилия – все-таки, прежде всего это была война мировоззрений и лишь потом война людей. Но с каждым годом трещина между двумя партиями становилась все глубже и глубже, усугубляясь вмешательством канаим – фанатичных зелотов, жесткой позицией наместника и кинжалами не знающих сомнений сикариев. Рано или поздно, в этом Афраний был уверен, трагедии не миновать. Примеры истории доказывали, что неумение лидеров договариваться раскалывало страну так же легко, как вода и ночной холод раскалывают каменные глыбы в пустыне, и приводило к кровопролитным гражданским войнам. Если же партии не умели договориться и перед лицом вражеского вторжения, то речь шла не о войне, а о тотальном уничтожении. Врагу, в общем-то, плевать на то, кто и к какой партии принадлежит, чьи интересы защищает и из-за какой именно закавыки в Священных Книгах разгорелся спор. Тех, кто не умеет отбросить мелочи и сосредоточиться на главном, неминуемо

ждет поражение. То, что иудеи рано или поздно проиграют, Бурра не волновало, более того, наверное, он был бы рад их полному и окончательному проигрышу – слишком уж хлопотную должность занимал. Но, зная удивительную способность этого народа выживать, несмотря на внешние обстоятельства, Афраний часто задумывался над тем, какую форму примет чудесное спасение на этот раз.

– Когда слухи о проповедях, которые читал га-Ноцри, стали беспокоить нас – слишком уж много народа их слушало – в Капернаум отправился Никодим. У него там родственники и все выглядело достаточно естественно. Мы не хотели беспокоить народ, поэтому Никодим приехал сам, без сопровождения, послушал проповеди и даже поговорил с Иешуа…

Афраний, на самом деле давно знакомый с подробностями сей беседы, внимательно слушал собеседника. «Умение услышать сказанное – половина победы» – эту мудрость начальник тайной полиции постиг на собственном опыте, можно даже сказать, на собственной шкуре.

– Именно Никодим, по возвращении из Капернаума, убедил Малый Синедрион в безобидности Иешуа…

– Могу ли я спросить, Иосиф? Когда ты говоришь, что Га-Ноцри безобиден, что именно ты имеешь в виду? Что его проповеди плохи? Так – нет! Я слышал, что люди ходят за ним, как стадо за вожаком. Для кого он не представляет опасности? Для вас? Или для Рима? Видишь ли, очень часто эти

два понятия не совпадают…

Га-Рамоти задумчиво почесал висок и, взмахнув рукой, отогнал кружившего возле лица ночного мотылька.

– Сложный вопрос, друг мой, – произнес он, растягивая слова. – Очень сложный. Любой проповедник имеет власть над людьми. Нет разницы, какого народа эти люди – самаряне, римляне, идумейцы или греки. Люди любят, когда с ними говорят, люди любят, когда им обещают. Все люди, Афраний. Вот скажи мне, любят ли самаряне иудеев?

– Самаряне никого не любят, – сказал Афраний и снова хлебнул вина. – Справедливости ради замечу – и самарян не любит никто.

– Так повелось, – подтвердил Иосиф, не сводя с собеседника умных темных глаз. – Но самаряне слушают проповеди Иешуа и готовы идти за ним. А любят ли греки иудеев?

– Как собаки – кошек! – рассмеялся Бурр.

– Га-Ноцри обращается к грекам, и греки слушают его. Никодим видел на его проповедях римских солдат…

– И даже те слушали… – усмехаясь, продолжил начальник тайной полиции за собеседника.

– Да, – подтвердил тот серьёзно. – Слушали. Он не только несет иудеям иудейский Закон, как делали все до него. Ему все равно – гой[19] перед ним или праведник, никогда в жизни не нарушивший ни одного запрета! Он говорит о вещах, которые раньше волновали только философов и, что удиви-

[19] Гой (ивр.) – не иудей, иноверец.

тельно, простой народ его понимает. Что есть наша Книга, Афраний? С твоей точки зрения?

«С точки зрения чужака», подумал Бурр про себя.

Он пожал плечами.

– Я далек от религии, Иосиф, мне тяжело судить о Торе…

– Но ты читал ее, – заметил га-Рамоти спокойно. – Возможно, что ты и не понял многого, но Книга оказала на тебя влияние, Афраний, хотя ты будешь это отрицать. В чем суть нашего учения, если не пытаться объяснить букву? Не делай другим то, что не хотел бы, чтобы сделали тебе! Вот и все, что сказано в Книге…

– Я благодарен тебе за разъяснение, Иосиф, но какое это имеет отношение ко мне? Разве я не делал другим зло? Это моя работа – делать зло тем, кто хочет зла Риму! Я для того поставлен сюда властью императора, и горе тому, кто думает иначе! Спроси у мертвых, Иосиф! Спроси у тех, кого убили по моему приказу – жестокий ли я человек? И они ответят тебе, если смогут! Мои боги не осудят меня за то, что я помогаю моей стране быть великой. А твоему Богу до меня нет дела – ведь я не верю в него!

– Ты жестокий человек, Бурр, многие считают тебя таковым, – пояснил га-Рамоти все тем же серьёзным тоном. – Многие считают, что ты более жесток, чем прокуратор, и именно твоя железная рука правит Ершалаимом. Это потому, что Пилата видят здесь только по большим праздникам, а с тобой сталкиваются каждый день. Но я знаю – это не

так. Твою жестокость я все же готов понять – ты режешь, как врач, удаляющий больные ткани. Ты убиваешь, когда это необходимо, но не наслаждаешься этим. Исполняя долг, ты просто делаешь, что должно, но не ненавидишь. Пилат – ненавидит. Ты не иудей, Афраний, ты такой же гой, но понимаешь, что такое НЕОБХОДИМОЕ зло. Возможно, что я не прав, но мне кажется – жизнь здесь сделала тебя таким.

– У необходимого зла широкие рамки и много лиц, – сказал Афраний. Мне льстит, что ты думаешь обо мне так, га-Рамоти, но вдруг ты ошибаешься?

– А вдруг ты ошибаешься, Афраний? – спросил Иосиф мягко. – Ведь Богу нет дела до того, веришь ты в него или нет. Он правит миром. Он делает нас такими, какие мы есть. Всех. И тех, кто верит. И тех, кто не верит. И тебя в том числе. Знаешь, почему га-Ноцри, иудея из школы фарисеев, слушают и греки, и римляне, и самаряне с иудумейцами? Почему его проповеди собирают столько слушателей? Потому, что он говорит с людьми не на языке священников-кохэнов, а на их собственном языке. Он рассказывает им притчи о борьбе добра и зла, о том, что в мире слишком часто тьма стала побеждать свет, что Эдем и огненная Геена не вне, а внутри самого человека. В нем нет огня, который горел в Окунающем, но в нем есть свет. Огонь привлекает людей быстрее – он ярок, неукротим и страшен для врагов, но в нем сгорают и враги, и друзья, и сильные, и слабые. Насытившись, огонь гаснет, а свет… Свет – он может гореть дол-

го, многие годы…

Афраний посмотрел на горящие по стенам лампы, на кружащих у пламени мотыльков и мошек, то и дело вспыхивающих искорками в тот момент, как нежный, колеблющийся от сквознячка свет поджигал им крылья и они падали вниз, на стол… А из темноты, из прохладной ершалаимской ночи все летели и летели новые ночные твари, обманутые ласковым теплом и обреченные умереть, едва заметно вспыхнув.

– Значит, в человеке, который пытался силой захватить Храм, есть свет? – спросил Бурр негромко. – И это говорит мне член Синедриона, один из учителей Израиля?

– Ты пришел ко мне услышать правду, не так ли, Афраний? И еще – решить, как именно ты будешь действовать? Определить меру НЕОБХОДИМОГО зла?

Их взгляды встретились.

– Пусть так, – сказал Бурр, не отводя глаз. – Откровенность за откровенность. Я действительно пришел к тебе, чтобы понять, как и что делать дальше, и от нашей с тобой беседы зависит многое. Нами арестованы Дисмас, Гестас и Варраван. Они иудеи, все состоят в организации сикариев, вина их доказана, и они будут казнены на праздник. Есть еще один человек, которого кое-кто из твоих соплеменников хотел бы увидеть на кресте, но – вот незадача! – казнить в этом городе можно только по приказу прокуратора! А мы, на настоящий момент, не видим в этом человеке опасности для власти Рима.

– Ну, конечно же… И ты хочешь, чтобы я донес на единоверца? Дал прокуратору основание?

– Я бы не пришел к тебе с этим, Иосиф, – произнес Афраний устало.

Глава 12

Иудея. Окрестности Ершалаима
30 год н. э.

Эта ночь была третьей, которую Иешуа проводил на Елеонской горе. И все ночи он провел в жарких молитвах, обращаясь к Всемогущему за помощью. Три ночи без сна. Три ночи без ответа.

На этот раз мы были рядом с ним. Мириам, Кифа и я – он сам позвал нас с собой, хоть до этого просто исчезал из дома Иова, никому не говоря ни слова.

Стараясь не мешать Иешуа, мы с Шимоном разыскали сухой хворост – благо в старом саду всегда полно отсохших ветвей, и Кифа вынес их на открытое место, где старые оливы расступались. Мириам присела на большой круглый камень, похожий на лоб погребенного сказочного великана, а я, сложив у ее ног некое подобие очага из обломков скал, высек кресалом пламя и разжег костер.

Лунный свет разгонял выползающий из межгорий туман, смешивал его с тенями, и над влажными от капелек влаги камнями ползли белесые, разорванные в клочья языки редеющего пара. Ползли – и тут же растворялись, превращаясь в ничто.

Га-Ноцри молился долго.

Мириам сидела на камне, охватив колени, и смотрела то

на согбенную спину Иешуа, то на тлеющие у ног угольки. Тени, лежащие под глазами, делали ее старше, и я невольно вспомнил, что не знаю, сколько ей в действительности лет. Лицо Мириам всегда было изменчиво – она могла казаться красавицей и тут же, буквально через несколько мгновений, выглядеть совсем иначе, всего лишь сменив улыбку на раздражение. Сегодня она была хороша, несмотря на усталость. Кожа ее словно светилась изнутри, пламя положило на ее щеки нежный румянец, наполнило искорками темные, необычного разреза глаза, но взгляд ее, полный нежности и заботы, был, скорее, взглядом матери Иешуа, чем его подруги. Так глядят на сына, о судьбе которого волнуются. Так глядят на ребенка, готового совершить безрассудство – с тревогой и любовью.

В моей жизни – и до, и после той ночи – было много женщин. Они смотрели на меня по-разному: со страстью, с гневом, с презрением, с радостью, с надеждой, но память моя сохранила только лишь один взгляд, подобный взгляду Мириам на га-Ноцри. Так смотрела на меня мать у ворот нашего александрийского дома в ту минуту, когда я покидал его навсегда.

Когда луна, висевшая на небе огромным золотым блюдом, начала скатываться вниз, Иешуа прервал свою страстную беседу с Богом и подошел к нам. Мириам, сидевшая почти неподвижно, сразу ожила, лицо ее разгладилось, вновь помолодело. Окончательно прогнал тяжелую дрему Кифа, а га-

Ноцри сел между нами и внимательно, словно впервые увидев, ощупал всех троих взглядом.

– Я не случайно позвал вас с собой, – сказал он слегка хрипловатым голосом. – Ты, Мириам, моя половина, моя любовь, моя женщина и любимая ученица.

Он протянул свою тонкопалую хрупкую руку и коснулся ее кисти легким, невероятно нежным движением.

Потом он посмотрел на Кифу. Тот насупился и был не в силах скрыть ревность, одолевавшую его при виде чувств, которые Иешуа выказывал Мириам.

– И ты, Шимон, близкий мне человек, с самого начала шел со мною рядом, разделяя со мной и невзгоды, и радости пути. Мой защитник и опора. Камень, на который я могу опереться.

Он перевел взгляд на меня. Глаза его были печальны и, посмотрев в них, я вдруг почувствовал огромное желание заплакать.

Я ощутил…

Клянусь вам именем Яхве, в которого я верил тогда! Хотите, я принесу клятву именем Иешуа, в которого тогда никто не верил!?

В эту минуту я ощутил его судьбу. Почувствовал ее, как собственную – со всей болью, неизбежностью и страхом скорой смерти. Не слушайте тех, кто говорит вам, что га-Ноцри хотел умереть! Он не хотел этого! Он не хотел ничего, кроме победы! Не своей личной победы, а победы Неназываемого

над коварным и сильным врагом – Римом! Он не хотел умереть, но был готов к этому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.